

СМЕНА 16 00

ISSN 0131-6656

Стальные тиски реконструкции. Экологический очерк

Меняем кедры на дубленки. Почему?

Трагедия в японском порту

Андрей Чесноков.
«Я — профессионал»

Виталий Меньшиков.
«Тайна подводного сейфа СС»

«БУМ» — ТЕАТР МОЛОДЫХ
(читайте стр. 16—17)

XIX ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ КПСС

Это уже История. Событие исторического смысла и значения. Которым мы гордимся, но еще более гордиться будем, ибо каждый прожитый день приносит все более полное осознание значимости этих жарких дней лета 1988 года.

Вспомним, как мы жили конференцией, как вслушивались в каждое слово по телевидению и радио и как скрупулезно сравнивали с текстом в газете — не выбросили ли чего. И сначала с понятным удивлением, а потом с радостью убеждались: напечатано все.

Страна еще раз убедилась в серьезности намерений партии, в последовательности ЦК, в принципиальности Политбюро. В необратимости перестройки!

Как мы соперничали, как радовались толковым, умным докладу и выступлениям, как огорчались, когда некоторые делегаты пытались вынести на обсуждение мелкие, «цеховые» интересы.

Что было главным? Люди! Сидящие в зале, выступающие с трибуны и еще многие и многие, да, собственно, все мы были участниками. Равнодушных не было. Ни в зале, ни за его пределами. Это была и есть наша конференция. Народная.

Конференция продолжается. В каждом из нас. В наших словах. Поступках. В делах. И это главное. Партия и конференция предложили конкретные ДЕЛА. Успех которых в первую очередь зависит от каждого из нас.

Перед вами несколько снимков делегатов и гостей конференции. Вглядимся в их лица и еще раз мысленно вернемся в эти незабываемые дни. Вспомним о том великом чувстве сопричастности, с которым мы жили в эти дни, сопричастности каждого с делами Государства. Вспомним еще раз для того, чтобы сохранить это чувство, пронести через всю жизнь.

Наша конференция — уже История. Страница Истории, которой мы гордимся, но еще более гордиться будем. Ибо мы, каждый из нас причастен к тому, что произошло в Кремле. Каждый.

К ОБНОВЛЕНИЮ

Фото Евгения СТЕЦКО

● Сколько стоит «праздничный» уголь?

● Уцененный обелиск в Хабаровске

● Нужен ли «Деловой справочник»

кооператору?

Третий год выписываю «Смену». Вы много пишете о перестройке и гласности. Расскажу о том, что происходит у нас. Я работаю водителем БелАЗа на автобазе «Комсомольская» в объединении «Кемеровоуголь». Два года назад появился приказ, которым отменялись все праздники до 1990 года. Мотивировка — стране нужен уголь. Конечно, уголь нужен, мы это понимаем, но почему в обычные рабочие дни мы простаиваем, а в праздники вынуждены выходить на работу? Правда, не работать, а просто отметить, чтобы начальство галочку поставило, мол, «работа организована».

Мы пробовали добиться истины, написали в редакцию журнала «Человек и закон», откуда письмо переслали в наш профком, а нам прислали ответ, что-де работать в праздничные дни мы не должны. Снова пишу, потому что никто не может конкретно нам ответить, почему мы должны простаивать в будни и работать в праздники в приказном порядке. Раньше мы тоже работали, но по собственному желанию, а сейчас нас и не спрашивают. Не выйдешь, лишат всех благ.

А. ПОЧАНКИН,
п. Колмогоровский
Кемеровской
области

Наша краевая газета «Молодой дальневосточник» пять лет назад выступила в защиту давно, увы не существующего памятника Николаю Николаевичу Муравьеву-Амурскому. Масштабы, результаты деяний Н. Н. Муравьева нельзя замалчивать. Главная и неопределимая заслуга этого проницательного государственного деятеля — его стратегия в отношении Дальнего Востока. Понимая значение края для России, он вопреки воле Николая I санкционировал экспедицию Г. Невельского.

Не издали, не из иркутской резиденции генерал-губернатор руководил освоением необжитого края. На «повозках», как назывались тогда речные суда, верхом по горным тропам, на военных транспортах извездил и исходил необъятные бездорожные просторы. В 1861 году на пароходе-корвете «Америка» осмотрел южные гавани и наметил места для основания постов Новгородского и Владивостока. Во время этого плавания была открыта бухта, которую Муравьев назвал Находкой.

После смерти Н. Н. Муравьева-Амурского было принято решение увековечить память о выдающемся государственном деятеле. Почти по всей России проходил сбор пожертвований. На конкурс для исполнения проекта памя-

тника были приглашены известные скульпторы: Антокольский, Микешин, Опекушин. Работа М. А. Опекушина и была признана лучшей. В январе 1891 г. статуя демонстрировалась в Михайловском дворце, в Петербурге, а затем через Москву, Одессу и Владивосток отправлена в Хабаровку. Здесь шли работы по возведению пьедестала памятника. Он начинался земляным курганом. На досках по четырем сторонам цоколя перечислены участники экспедиции на Амур: Невельской и его жена Екатерина Ивановна, лейтенант Бошняк, мичман Чихаев, доктор Орлов, Екатерина Николаевна Муравьева. 30 мая 1891 года состоялось торжественное открытие памятника.

Надо бы занести в геростратовы списки имя того ретивого градоначальника, который в 20-е годы распорядился сбросить генерал-губернатора «с парохода современности», нимало не забывая о том, чем обязана ему современность. Имена самоотверженных сподвижников Муравьева-Амурского были сбиты с цокольных досок. По счастливой случайности в Ленинграде осталась рабочая модель скульптуры, которая могла бы стать основой для воссоздания памятника в его былом масштабе.

Выступление молодежной газеты всколыхнуло общественное мнение хабаровчан. Тогда припомнили, что прежде уже раздавались одинокие голоса сахалинского историка А. И. Крушанова, хабаровского писателя В. П. Сысоева в поддержку идеи восстановления памятника. Завершая операцию «Память», молодежная газета уведомила авторов и читателей, что все материалы и предложения будут направлены для рассмотрения в Хабаровский горисполком и в Центральный совет Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, и о результатах общедла информировать. Однако городские власти предпочли «информировать» общественность Хабаровска иным способом.

Управление благоустройства при горисполкоме, проигнорировав выступления газеты, а заодно и мнения уважаемых сограждан, решило реконструировать монумент на свой вкус и приурочить его открытие к 125-летию Хабаровска. И вот вместо ожидаемого незаурядного творения Опекушина, на пьедестале, где, как сказано в паспорте, хранящемся в краеведческом музее, «ранее стоял памятник Муравьеву-Амурскому», теперь возвышается обелиск, сильно напоминающий уцененный вариант памятника Невельскому в Николаевске. Никакого предварительного широкого обсуждения проекта в Хабаровске не было. Жителям города, хотели они этого или нет, преподнесли «сюрприз». На четырех сторонах цоколя, там, где прежде были имена соратников Муравьева-Амурского, ныне установлены барельефы, рассчитанные на

невзыскательный вкус. Если верить описанию, изложенному в паспорте, на них «изображены эпизоды из истории освоения русскими Приамурья, Приморья, северо-востока Дальнего Востока». Дежурные, расхожие композиции, к тому же скверно выполненные технически, скорее компрометируют тему, нежели ее воплощают.

Что же в итоге кулуарно принятого решения? Неуважение общественного мнения, упорное, принципиальное забвение памяти человека, заложившего краеугольный камень в освоение края; наконец, явный художественный, эстетический просчет.

Так неужели на Дальнем Востоке память о деяниях Н. Н. Муравьева-Амурского будет окончательно предана забвению?

Алина ЧАДАЕВА,
Хабаровск

Итоги конкурса «Московская красавица-88» подведены, и, на мой взгляд, они неутешительны... Это мнение мое и сослуживцев. Неужели в стране с 270-миллионным населением не найти красавиц, гармонично сочетающих в себе общеизвестные компоненты этого понятия?

Огромное неудовольствие получил от просмотра трансляции финала. Организаторы конкурса показали полнейшую неорганизованность. Обещанное шоу с треском провалилось. Стыдно за всех нас за нашу отсталость. Наверное, многим неприятно было лицезреть раскисших красавиц, готовых вот-вот разрыдаться и, прошу прощения, съедающих финалисток глазами, полными зависти, скрестивших руки на животах, сгорбившихся, скорбящих по так и необретенной короне королевы, славе, овациям публики.

Кстати, о самой королеве. Что станет с нашими детьми, если они со школьной скамьи, забросив учебники, тетрадки, экзамены, будут познавать тайны макиажа или наиболее эффективные способы соблазнения мужчин изящными телодвижениями? Что станет с неокрепшими детскими характерами юных акселераторов, не способных перенести суровой реальности неудачи, или с «Мисс Москвой», теряющей самоконтроль от головокружительного успеха?

Нам говорят — юность, раскованность, красота. А мы спрашиваем: а где девичья скромность, застенчивость, обаяние, женственность? Когда мы сможем увидеть это на конкурсе? Надеемся, что скоро.

Почему мы мало или ничего не знаем о личной жизни и роде занятий претенденток на звание королевы? Недостаток этих сведений наводит на мысль, что с отдельными красавицами мы, быть может, могли встречаться и в куренных подъездах, и в сомнительных барах.

Считаю, что необходимо ввести возрастной ценз на участие в конкурсе — 20—30 лет. Может быть, каждому участнику должен представлять определенный коллектив?

Нуждается в серьезной перестройке техническая сторона конкурса. Функции жюри надо свести к подсчету баллов и подведению итогов конкурса, а право определения победительницы оставить за публикой в зале и телезрителями. Хотелось бы видеть программу конкурса более насыщенной, интересной, разнообразной, но упаси боже превратить ее в скучный конкурс типа «А ну-ка, девушки!». Дать девушкам возможность красиво одеться. И вообще, преж-

де чем затевать такие конкурсы, надо разобраться, кто же для нас является идеалом красоты — чернушка Золушка или роскошная аристократка. Когда мы решим для себя эти и другие очевидные вопросы, тогда и получим истинное удовлетворение от конкурса, от яркого, красивого спектакля.

А. БУРЯКОВ,
Голицыно
Московской
области

Автор материала «Дебют» («Смена» № 21, 1987 г.) отмечает: «Нужна централизованная служба, которая бы регистрировала и квалифицированно анализировала информацию из жизни кооперативов, знакомила бы начинающих с прогрессивным, передовым опытом...»

Итак, затронута проблема информации. К сожалению, мы ее недооцениваем, да и касается она не только кооперативов, но и многих государственных предприятий, организаций, отраслей, которые перешли или переходят на новую систему хозяйствования. Поэтому, думается, нам просто необходимо новое периодическое издание. Назовем его, к примеру, так: «Деловой справочник» («ДС»), который должен быть всесоюзным, массовым, периодическим, распространяемым как по подписке, так и в розницу.

Различные организации, предприятия, кооперативы, лица, занимающиеся индивидуальной трудовой деятельностью, выполняют массу всевозможных работ и услуг. Идет продажа, обмен оборудования, материалов, приборов, отходов производства... Информацию обо всем этом как раз и мог бы давать «ДС», ибо деловым людям крайне важно знать не только то, что происходит в их городе, районе. От своевременной полученной информации порой зависит очень многое. А разве нам не нужны объявления зарубежных фирм о технических характеристиках поставляемого ими в СССР оборудования, предметов и товаров народного потребления, официальные извещения о выходе новых технических нормативов, ГОСТов, постановлений о деятельности предприятий, организаций, кооперативов?..

Экономическая информация — категория материальная. Полагаю, все объявления должны быть платными, и «ДС» непременно станет высококоррелябельным изданием, а актуальность, концентрированность публикуемой в нем информации и всесоюзный масштаб ее распространения сделают «ДС» поистине настольной книгой каждого руководителя предприятия, учреждения, организации, кооператива. Справочник помог бы лучше ориентироваться в производственной жизни и мо-
лодым.

При редакции «Делового справочника» можно было бы организовать информационно-поисковую систему учета спроса и предложений излишков оборудования, материалов, отходов производства, рабочих кадров, ИТР, принимать заказы на разработку и синтез новых идей, технических решений в различных отраслях народного хозяйства. Эти и многие другие данные могли бы составить всесоюзный отраслевой справочный фонд и банк новых идей, банк — для государственных планирующих органов, снабженческих подразделений, социологических лабораторий, а также для выдачи платных разовых справок организациям и частным лицам.

Владимир СОКОЛОВ,
кандидат технических наук,
Москва

ИГОРЬ ЛЯПИН

СОБСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

Столько ломан, столько бит,
Где тут станет весело?
Грудь в огне,

душа болит.

Хватит, жизнь. По горло сыт —
На троих отвесила.
То на подлость напорюсь,
То вопросец каверзный.
Слева горечь,

справа грусть.

Чуть еще — и задохнусь,
Все-таки не каменный.
В темном стане подлецов
На был я и ранее.
И во всем — к тебе лицом.
Для чего ж в конце концов
Эти испытания?
Столько ссадин, столько ран,
Меркнет красно солнышко.
У тебя я — ветеран,
Без вина качаюсь, пьян,
Видишь, трезв, как стеклышко.
И чего уж там — постиг:
Злобе, чванству, сытости
Эту душу, ты прости,
Не дано перетрясти,
Можно только вытрясти.
Хоть наотмашь кулаком
Бей, а тем не менее
Я имею обо всем,
И о добром, и о злом,
Собственное мнение.

СУДЬБА

Какая сила нами вертит,
Ведет и в счастье, и в беде?
То в грудь огнем, то стужей веет.
Судьба... Ну, как в нее не верить
В безбожной нашей суете?
Она и сводит, и разводит,
Она стирает хмури со лба.
И в миг, когда она подводит,
Как не сказать с улыбкой вроде б.
Вздохнув: — Ну, значит, не судьба! —
А с кем, признаться, не бывало
И так, что, закусив губу,
Он к цели шел, дыша устало,
А там, где духу не хватало,
Там полагался на судьбу?
И жизнь течет. А там — излука,
А там ровней река пошла.
Темна вселенская округа.
Вот мы нашли с тобой друг друга,
А чувствуем — судьба свела.
И днем погожим, и в ненастье
Живем надеждами с тобой.
И над душой никто не властен.
Беда — бедою,

счастье — счастьем,

Жизнь — жизнью,
а судьба — судьбой.

Объяснить огонь любви.
Только начал думать трезво —
И она уже исчезла.
Не ищи и не зови.
Бьется сердце чутко-чутко,
И его не заглушить.
Неподвластно, безрассудно
Возникает это чудо —
Мир стоит, и стоит жить!
Вот они, дела какие,
Не заслуги, не грехи.
Я смотрю в глаза богине,
И несет меня стихией,
И швыряет на стихи.

НЕСОВЕРШЕННЫЙ ЭТОТ МИР

Вконец издерганный и нервный,
С бедой над самой головой,
Наш мир такой несовершенный,
Такой бездушно современный,
Что жить не хочется порою.
В нем столько горя и печали,
Он так нескладен и коряв,
Как будто бы его ваяли
И так ваятели устали,
Что бросили, недочая.
И все нелепо в нем и вздорно,
Все вперемешку, вразнобой.
Не каждый может жить покорно,
Мне кажется, я сыт по горло
Его ничемной суетой.
Его минувшим и грядущим
Среди идей и лжеидей,
Его бездумьем и бездушьем,
Его бряцающим оружием
И безоружностью своей.
Недоброй метой мир наш мечен,
В нем, еле вспыхнув, свет померк.
И человек в нем изувечен,
Он весь искрочен, весь изверчен.
Какой теперь он человек?
Мы в жизни, как мишени в тире,
И я смотрю и не пойму,
В бездушном, страшном этом мире,
Где мысли тяжкие, как гири,
Ты улыбаешься чему?
Что светлого увидеть можешь,
Каких предвестий добрых ждешь?
А ты мне волосы взъерошишь,
И все бумаги прочь отложишь,
И сигарету отберешь.
И взгляд лукаво заискрылся,
И я почувствую, как вдруг
Земля качнется, накренится
И все в душе преобразится,
Преображая все вокруг.
И я, как юноша влюбленный,
И так мне дорог, так он мил
Твоей любовью озаренный
Огромный, яростный, просторный,
Несовершенный этот мир.

КРАПИВА

В крапивном овраге
Тень в полдень легла,
В крапивном овраге прохлада.
И вновь обожжет до бровей,
Не со зла,
Крапивная эта проказа.

В крапивный овраг забреду
Как чумной,
Как будто затем,
Чтоб крапива
Горячей, зеленой, крапивной волной
Вдруг снова меня окропила...

И школа привидится мне на холме,
И дикая груша на круче,
И хочется снова на грешной земле
Стать чище, светлее и лучше.

За старым амбаром,
У темной скирды,
С ватагой степной побрататься
И вновь от набегов соседней орды
До первой крови отбиваться...

В крапивном овраге сокрыться от
всех,
От первой любви-неудачи,
Услышав во тьме чей-то вызревший
смех,
Кулак закусив, чуть не плача.

Потом — босиком —
По жестокой стерне,
В степь,
В темный овраг,
До рассвета.
И горькой крапиве,
Как кровной родне,
Сполна исповедать все это...

Забывать, чтоб припомнить
Лет тридцать спустя,
Что время во мне накопило,
Чтоб память опять обожгла,
Неспроста,
Как в темном овраге крапива.

ФОТОГРАФИЯ

Этот мальчик в матроске на фото —
Неужели, скажите мне, я?!
Или, может, неведомый кто-то
Смотрит, что-то от всех затая —
До и после — той вспышки
мгновенья.
Что там — бездна или белая тьма?
Смотрит мальчик... Глаза —
откровенья,
Что душа исторгает сама...

Этот мальчик в матроске...
Неужто
Ему сила прозренья дана
В миг, когда он отцу неуклюже
Подпевал: «Если завтра война...»
Если завтра...
Как в черной воронке,
Закружилась Вселенная вся,
По сторонке родной — похоронки,
Вдовы падали ниц, голоса,
Содрогался, наверно, и космос,
Весь надземный немислимый мир,
Глядя вниз осуждающе-грозно
Амбражурами черных тех дыр,
О которых тогда звездочеты
Забывали, глотая лазурь,
В миг предсмертный,
Кидаясь на злоты —
Дыры огненных амбразур...

АНАТОМИИ ПОПЕРЕЧНЫЙ

Мальчик мой,
В том аду все ж мы жили,
Где прообразом страшным
Сама
Леденила уже наши жилы
Лет тех ядерная зима.
А по ней — босиком,

в черно-белом,

По снегам, по огню, по золе —
Шла Мадонна моя,

что-то пела

Материнское — мне и земля.
Потому что за дальним погостом
Чуть светало в космической тьме.
И Мадонна всем скорбным

по горстке

Раздавала надежду... и мне...

Кто-то скажет: как муторно врет он.
Мы видали таких на Руси...
Этот мальчик, в матроске, на фото.
У него, коль не веришь, спроси.

КУПОЛА

Купола, купола, купола.
Купола по широкой России.
Засосала меня кабала
И любовь к этой бездне и сини.

Купола, купола, купола...
Купол неба и храма,
И будто —
Из-под раненого крыла —
Купол белого парашюта.

И уже — я парю над землей,
И легко, и свободно, и вольно,
И пою, и шепчу: боже мой,
До чего сердцу сладко и больно!

До чего ты, земля, хороша
С высоты журавлиного лета!
Тело рвется к земле,
А душа,
Приземляться душе неохота.

А душа, словно туча прошла
Над иссохшей родимой пашней,
И дождем пролилась, и взошла,
Чтоб ее не считали пропащей.

И о самом заветном моля
(Пусть продлитесь святая минута!),
Я упал в твои травы, земля,
Погасив купола парашюта...

Андрей БАТАШЕВ
Фото Сергея ЛИДОВА

Они возвращаются, они вернулись!

И летят цветы, и плывет в воздухе медь оркестра, и невозможно отличить слезы радости от слез горя.

На трибуне для родственников воинов, вернувшихся из Афганистана, я увидел двух женщин — старую, с боевыми орденами на груди, и молодую. Решил взять у них интервью, но меня опередили иностранные корреспонденты.

Обе заплакали. Молодая — в голос, старая — беззвучно, с каменно-неподвижным лицом. Журналист дождался фразы, которая была ему нужна: «Да, мы не хотим, чтобы наши дети умирали там», — и отошел в сторону. А я почувствовал, что не в состоянии спрашивать. В тот день нам было труднее, чем зарубежным коллегам, потому что слезы женщин лишали нас дара речи, потому что в прерывистом гудении клаксонов боевых машин нам слышалось рыдание, не различимое для зарубежных репортеров.

Девушки приглашали солдат на танец, незнакомые люди обнимали «афганцев», от них ждали слов утешения те, кого уже ничто не могло утешить. А ветер нес запах плова, зелени и трав, которыми славится Узбекистан, — в рощице по соседству уже были накрыты столы.

Но не все места за столами заняты. Здесь должны были сидеть те, кто сегодня лежит в госпиталях, те, которым еще не пришел срок возвращаться, и те, кто никогда не вернется...

Ожили БТР, колонна продолжает свой путь. Встречные машины приветствуют их гудками, а дети и взрослые бросают солдатам цветы. На железнодорожных путях их уже ждет эшелон.

Несколько минут отдыха. Группа солдат окружила своего товарища, который тихо поет, подыгрывая себе на гитаре.

Я спросил одного из бойцов, Алексея Шаповалова, читает ли он публикации о боевых действиях в Афганистане.

— Редко, — ответил он. — Больно легко пишут о походах, о героизме.

— Чего же не хватает? — Подробности. Все дело в подробностях...

— А ты не мог бы их вспомнить?

— Я не хочу.

Дорога домой.

Гвоздики — героям.

Больно!.. Но всякая боль переносится легче, когда врачуют заботливые, ласковые руки. Верим в то, что каждый вернувшийся оттуда встретит живое человеческое участие.

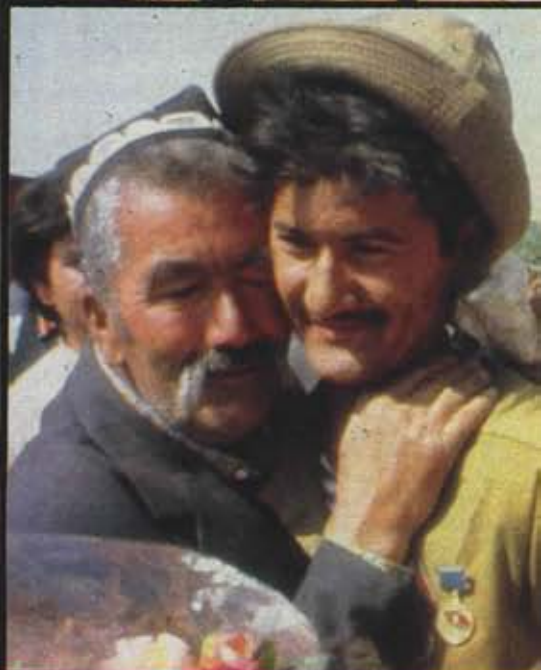
Накануне я побывал в ташкентском окружном военном госпитале. Раненые говорили о том, что им и сегодня очень тяжело вспоминать о погибших, о тех, кого замучили душманы, кто жертвовал жизнью, чтобы вынести из-под огня тела павших, потому что каждый советский человек, погибший в Афганистане, должен быть

похоронен в родной земле... Отцы этих ребят не воевали. Поэтому о войне нынешние солдаты могли слышать в детстве только от своих дедов — участников Великой Отечественной. И вот теперь они, двадцатилетние, будут рассказывать своим пятидесятилетним отцам, что такое война.

И сейчас, думая о своих близ-

ких, они жалеют их так, как их самих когда-то жалели деды, к которым они приставали с просьбами «рассказать про войну». Что ж, сегодня они и в самом деле чувствуют себя более взрослыми, чем их родители, и потому заранее готовятся так отвечать на их расспросы, чтобы не причинить им большой боли.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Хорош плов на родной земле!..

«Мы никогда не вешали носа!»

Здравствуй, сынок!

ОТ РЕДАКЦИИ

На открытом партийном собрании коллектив редакции «Смены» единогласно решил внести и свой вклад в строительство Центра реабилитации для воинов, вернувшихся из Афганистана,— перечислить в фонд создания центров медицинской и социально-трудовой реабилитации свой дневной заработок.

Решено также передать 1000 рублей военному госпиталю имени Н. Н. Бурденко, где лечатся раненые воины-интернационалисты, на приобретение для них фруктов.

18 февраля 1986 года старший следователь городской прокуратуры Вячеслав Ревякин вызвал конвой, и через несколько минут зам. начальника угрозыска Октябрьского ГОВД Башкирской АССР капитан Инзер Шаймухаметов, незадолго до того награжденный медалью «За безупречную службу» и почетным знаком «Отличник советской милиции», превратился в арестанта. Ревякин обвинил Шаймухаметова в том, что, «злоупотребляя властью и превышая служебные полномочия, он из личных корыстных побуждений незаконно задержал и доставил в горотдел милиции граждан Фарукушина, Мухамедеева и Севастьянова и вымогал с них деньги в качестве взяток». На допросах следователь намекал капитану, что уже располагает неопровержимыми доказательствами его вины, а скоро их будет такой «букет», который потянет лет на десять, а то и на пятнадцать.

ПРОВОКАЦИЯ

— Скажите, Севастьянов, это не вы в пьяном виде жестоко избили свою жену, за что и попали не так давно в милицию?

— Ну я,— угрюмо отвечает парень двухметрового роста с кулаками-кувалдами.— Но кому какое дело? Мы поссоримся, мы и помирился.

— Но в милицию-то вы попали по жалобе жены...

Шофер одного из предприятий города Октябрьского Сергей Севастьянов по делу Шаймухаметова проходит в качестве потерпевшего. Если верить материалам предварительного следствия, он настолько спокоен, тих и деликатен, что не способен обидеть даже муху. Наоборот, речь идет о том, что 26 октября 1985 года его жестоко оскорбил капитан Шаймухаметов.

...В тот субботний день весь уголовный розыск Октябрьского ГОВД во главе с начальником милиции Михаилом Чупеткинским занимался выявлением нераскрытых краж личного автотранспорта. Чупеткин ездил вместе с Шаймухаметовым. На обочине одной из окраинных улиц увидели парня, который, покачиваясь, ходил вокруг мотоцикла. Документов у него не оказалось. К тому же непьющий Шаймухаметов сразу уловил исходящий от парня перагар.

— Это ваш мотоцикл?

— Нет, не мой.

— Я вынужден вас задержать.

— Еще чего! В грубу я видел!..

Шаймухаметов легонько подтолкнул неизвестного к автомобилю, но тот вдруг развернулся, впечатал кулак в лицо капитана и пустился наутек. Догнать его не удалось.

Город Октябрьский, однако, не так уж велик, чтоб человек мог затеряться в нем, как иголка в стоге сена. Уже через день Шаймухаметов беседовал с Сергеем Севастьяновым в своем служебном кабинете. Мотоцикл, оказалось, он действительно взял покататься у родственника жены, пока тот спал после совместной пьянки.

— Мне почему-то стало жаль парня,— расскажет потом Шаймухаметов.— Посоветовал: «Ладно, иди и подумай о том, что случилось и как тебе жить дальше». Не сразу же объявлять, что простил его. Пусть попереживает — может, что-то и поймет...

— Слушай, неужели мне за вашего капитана могут впасть до пяти лет? — спросил Севастьянов старшего сержанта Фанзата Мулюкова, который доставлял его к Шаймухаметову.

— Вполне. Есть такая статья в Уголовном кодексе.

— А может, денег ему предложить?

— Ты только не продешеви,— усмехнулся Фанзат, представив себе, как Се-

вастьянов придет с деньгами к его начальнику и что из этого получится.

Выслушав информацию Сергея о посещении милиции, его тетка Сирена Гельфанова сделала вывод: надо нести откупные. Но лучше опередить события и идти в прокуратуру: пусть этих взяточников поставят на место!..

Бывший прапорщик Евгений Ермолаев, уволенный из горвоенкомата за пьянство и ныне работающий инженером по транспорту в управлении «Башнефтегазпром» — непосредственный начальник Севастьянова,— поговорил со своим приятелем, тоже любителем выпить,— судмедэкспертом Юрием Синельниковым, дружившим с Ревякиным. По предложению Ревякина Севастьянов собрал значительную сумму, дал перефотографировать денежные купюры следователю и понес их старшему сержанту Мулюкову для передачи Шаймухаметову.

В это время возле опорного пункта охраны общественного порядка, где дежурил Мулюков, сосредоточилась ревякинская группа захвата. Предполагалось взять Мулюкова с поличным. Однако меньше чем через минуту Севастьянов вылетел за дверь...

На эту провокацию юрист первого класса Ревякин возлагал большие надежды, так как за получение взятки должностным лицом полагается от восьми до пятнадцати лет лишения свободы с конфискацией имущества. Шаймухаметов раздражал его своей прямой, независимостью, обостренным чувством собственного достоинства, и Ревякин запрограммировал ему уголовное наказание.

В обвинительном заключении он написал, что Шаймухаметов именно для того доставил Севастьянова в милицию, чтобы в конечном итоге выжать из него взятку. Самого же взяткодателя, оказавшего сопротивление работнику милиции и поднявшему на него руку, Ревякин признал потерпевшим. Молодой прокурор Октябрьского Александр Пыжов согласился с решением своего приятеля. Дело пошло в суд.

ОБМАН

В один из октябрьских дней 1985 года к Шаймухаметову в служебный кабинет пришла его знакомая Наташа, заплаканная и перепуганная. Накануне вечером два незнакомых парня обманом увезли ее в Бавлинский лес, и там один из них изнасиловал. Пригрозили: если кому расскажет, пусть потом пеняет на себя.

— Пиши заявление, будем искать преступников, возбуждать уголовное дело,— сказал капитан.

— Ой, нет! — заплакала Наташа.— Не хочу никаких судов, никакой огласки. Вы их только найдите и напугайте, пусть оставят меня в покое, а то ведь они грозилась подкараулить еще раз...

Через два дня Шаймухаметов устроил очную ставку.

— Они? — спросил он Наташу.

— Они,— бледнея, ответила девушка.

Потом когда собеседники капитана тем же путем, что и Севастьянов, попали к Ревякину и тоже превратились в потерпевших, следователь написал в обвинительном заключении, что, злоупотребляя властью и служебным положением, Шаймухаметов незаконно задержал и доставил в ГОВД ни в чем не повинных Разифа Фарукушина и Тамира Мухамедеева, всячески терроризировал их и «вымогал деньги в качестве взяток».

Пыжов вызвал Наташу к себе и объявил, что ее делом намерена заняться Октябрьская прокуратура, но для этого необходимо срочно написать бавлинскому следователю Фанису Галимову

отзывное заявление. Девушка поверила, села в прокурорскую черную «Волгу», вместе с ним поехала в Бавлы и там под его диктовку написала то, что требовалось Пыжову и Ревякину. Через два часа после этого Шаймухаметов был арестован. В его уголовном деле появилось постановление следователя Бавлинской прокуратуры Фаниса Галимова, который написал: «Из материалов проверки усматривается, что какого-либо изнасилования гражданки Н. со стороны Фарукушина не было...» Это означало, что капитан Шаймухаметов все-таки превысил свои служебные полномочия, доставляя Фарукушина и Мухамедеева в горотдел для строгой беседы.

Фанис Галимов пришел к подобному выводу, не допросив ни одного человека. Когда его пригласили на одно из последующих судебных разбирательств в качестве свидетеля, он пояснил равнодушно и флегматично:

— Да, я по этому заявлению никого не допрашивал и даже не собирался, поскольку сразу понял: не было там никакого изнасилования.

— Почему у вас сложилось такое впечатление?

— Не знаю,— шевельнул плечом страж закона.— Вероятно, у меня очень сильно развита интуиция. Нутром чую, где истина, а где неправда...

«Нутро», конечно, играет немаловажную роль в следственной практике, однако в данном конкретном случае наличие самой обыкновенной корпоративной круговой порука.

АМБИЦИЯ

— Заключение под стражу как меру пресечения закон разрешает применять в исключительных случаях. Справедливо ли было сажать в тюрьму Шаймухаметова? И в чем вы усмотрели исключительность ситуации? — спросил я прокурора города Октябрьского.

— Не надо было ему лезть на рожон,— ответил мне Пыжов.— Мы добились, чтобы его исключили из партии и сняли с должности. Сочли, что этого достаточно, не хотелось доводить до суда. Но он начал строчить во все концы жалобы, в которых открыто выражал недовольство действиями прокуратуры и даже заявил отвод Ревякину. Мы решили его проучить...

Попав в тюрьму, Шаймухаметов мог утешиться лишь тем, что он не единственная жертва прокурорской амбициозности. Среди тех, кто был посажен сюда «на всякий случай», оказался, например, один из лучших адвокатов Башкирии Юрий Шерстнев. В свое время с должности первого секретаря Кировского райкома комсомола Уфы он перешел работать в милицию и вскоре стал заместителем начальника уголовного розыска республиканского МВД. Потом, не поладив с самовластным министром, ушел оттуда и возглавил Орджоникидзевскую районную юридическую консультацию, которая стала при нем лучшей не только в Уфе, но и в республике. Поскольку он превосходно знал «кухню» уголовного розыска, это помогало ему успешно выполнять адвокатские обязанности и выигрывать многие дела, возбужденные следственным аппаратом.

Министр внутренних дел В. Рыленко, впоследствии освобожденный от должности и наказанный по партийной линии за грубые нарушения законности, и его заместитель А. Русаков однажды пригласили Шерстнева к себе и выразили неудовольствие: «Угомнись, мол, а то мы и тобой займемся!..»

Юрий Николаевич улыбку, не придав этим словам особого значения. А через несколько месяцев к нему на улице подошли двое крепких ребят:

Михаил ПЕЧЕРСКИЙ, специальный корреспондент «Смены»

А ЕСЛИ НЕВЕРНО?

— Гражданин, пройдемте.
Его привели к молодому следователю МВД старшему лейтенанту Николаю Патрикову.

— Вы обвиняетесь в мошенничестве и вымогательстве взяток со своих клиентов. Что скажете? — спросил лейтенант.

— Это клевета.

— Ну и ладно. Вот санкция на ваш арест. Посидите в тюрьме, а мы пока добудем доказательства вашей вины.

Сперва их добывала наспех созданная милицейская следственно-оперативная бригада под руководством Патрикова, затем старший следователь Башпрокуратуры Анавар Мурзагаев. Допросили около двухсот человек, но безрезультатно.

Восстановить справедливость Шерстневу помогла одна из центральных газет. Выйдя из тюрьмы и получив полную реабилитацию, он активно включился в борьбу за прекращение уголовного преследования Инзера Шаймухаметова. Однако следственно-судебный маховик легко бывает раскрутить и не так-то просто остановить...

ГИПНОЗ

Несколько лет назад второй секретарь Уфимского горкома КПСС Леонид Павлович Сафронов осмелился публично оспорить мнение теперь уже бывшего, а тогда всесильного и самовластного первого секретаря обкома партии Мидхата Шакирова. Через четыре месяца его сняли с работы, исключили из партии, лишили депутатской неприкосновенности и привлекли к уголовной ответственности. Зная, что «хозяин» республики внимательно следит за ходом следствия и может по достоинству оценить их старательность, начальник следственной части Башпрокуратуры А. Зеликман и следователь по особо важным делам А. Бондарь не церемонились с недавним партийным лидером одного из крупных городов страны.

— Будучи начальником Салаватского монтажного управления, — сказал ему Бондарь на первом же допросе, — вы незаконно произвели оплату за бурение артезианской скважины для садового кооператива, чем нанесли государству ущерб в сумме четырех тысяч рублей, и за это подлежите строгому уголовному наказанию.

— Помилуйте, — удивился Сафронов, — но я никогда в жизни не руководил Салаватским монтажным управлением!

— Ну и что? — усмехнулся следователь. — Главное, что вам предъявлено обвинение, а потом непременно будет суд и тюрьма. Все остальное никого не интересует и не имеет решительного никакого значения.

Сафронова приговорили к шести годам лишения свободы с конфискацией имущества и после оглашения приговора отправили в тюрьму в наручниках, как закоренелого бандита. А через три года Прокуратура СССР признала его невиновным, выпустила на свободу и принесла официальные извинения...

Во времена судебного произвола печально известных тридцатых годов была начисто изъята из обращения «презюмция невиновности» — юридическая формула, утверждающая, что только суд устанавливает виновность обвиняемого, который вплоть до вступления приговора в законную силу считается невиновным.

Казалось бы, те времена давно миновали и в сегодняшней юриспруденции запрещены подобные методы. Но уж очень хотелось молодому прокурору города Октябрьского быть полновластным вершителем судьбы. Еще продолжалось следствие, а Пыжов уже выступил в местной газете со статьей, в которой объявил Шаймухаметова преступником.

Гипнотическая сила убеждения в том, что перед судом предстают только преступники, оказалась и на позиции Октябрьского горкома КПСС. Я прочи-

тал решение бюро горкома об исключении Шаймухаметова из партии, это точная копия обвинительного заключения, составленного Ревякиным и утвержденного Пыжовым. На мой вопрос, почему с необыкновенной поспешностью прошло это исключение, первый секретарь горкома Вера Николаевна Соколова ответила:

— Мы действовали в соответствии с двенадцатым пунктом Устава КПСС, где сказано: «Лица, совершившие проступки, наказуемые в уголовном порядке, исключаются из рядов КПСС».

А где, когда и кем доказано, что Шаймухаметов совершил уголовное преступление? Чтобы он был признан преступником, мнения Ревякина недостаточно. Тем более, что в Основах уголовного судопроизводства (статья 36-я) сказано предельно четко: «Предание обвиняемому суду не предвещает вопроса о его виновности». Следствию не дано выставлять окончательные оценки. В Октябрьском же горкоме партии Ревякину и Пыжову почему-то поверили безоговорочно. И даже исключили Шаймухаметова из рядов КПСС заочно, что, кстати, является грубейшим нарушением партийного устава.

Куда мудрее оказался горком комсомола. Рассматривая по представлению Ревякина персональное дело лейтенанта милиции Самата Вильданова, проходившего по делу Шаймухаметова, бюро горкома ВЛКСМ постановило: «Отложить рассмотрение до окончательного решения суда».

КАНИТЕЛЬ

Поскольку ряд народных судов первой инстанции отказался рассматривать дело Шаймухаметова по причине его шаткой аргументации, производство по нему взяла на себя коллегия по уголовным делам Верховного суда Башкирии. Первый раз суд пришел к выводу, что вина Шаймухаметова ничем не доказана, а предварительное следствие по делу было проведено с грубейшими нарушениями: неполно, необъективно, однобоко, предвзято, с явным обвинительным уклоном — и потому подлежит возвращению на доследование. Пролетав после этого полгода в прокуратуре, никакими новыми доказательствами дело не обогатилось. Следственных действий, предписанных судом, Пыжов и Ревякин не выполнили. По закону дело надо было снова возвращать на доследование, не приступая к разбирательству, либо выносить оправдательный приговор за неимением доказательств.

Председательствующий во втором судебном процессе В. Шайхутдинов не сделал ни того, ни другого. Он как раз из той старой судейской гвардии, которая свято верит, что безгрешных людей на свете не бывает и если человек попал в орбиту следствия и доведен до скамьи подсудимых, значит, он преступник и его лучше посадить, чем выпустить. И, хотя вина Шаймухаметова вновь ничем не была доказана и наружу вылезли шитые белыми нитками противозаконные следственные действия Октябрьской прокуратуры, Шайхутдинов вынес обвинительный приговор: четыре года лишения свободы в колонии усиленного режима. Верховный суд РСФСР немедленно отменил его как несправедливый, ничем не обоснованный. Обнаружилось также, что после судебного процесса из дела исчезли многие важные документы, свидетельствующие в пользу Шаймухаметова.

На этот раз понадобился целый год на дополнительное изучение дела. И вот член Верховного суда автономной республики Ратмир Азнабаев, неспешно проведя очередной судебный процесс, вынес вердикт: вина Шаймухаметова следствием не доказана — дело снова отправляется на дополнительное расследование.

Что получается? Каждый, кто совер-

шил преступление, должен быть подвергнут справедливому наказанию, ни один невиновный не должен быть привлечен к уголовной ответственности и осужден. Таков закон. Уголовное дело против Шаймухаметова было возбуждено в ноябре 1985 года. Вступившего в законную силу судебного приговора по нему нет до сегодняшнего дня, и, согласно Конституции, Шаймухаметов является невиновным. А его облили грязью в печати, исключили из партии, выгнали с работы и почти два года продержали за тюремной решеткой...

Известно также: если следствием исчерпаны все возможности привлечения дополнительных доказательств, суд обязан принять окончательное решение и вынести оправдательный приговор, не допуская возвращения дела на еще одно дополнительное расследование. Дело Шаймухаметова с момента передачи в суд четырежды уходило на доследование! Однако Октябрьская прокуратура оказалась не в состоянии собрать доказательства вины упрямого капитана. Тем не менее Верховный суд Башкирии еще и в пятый раз(!) направил дело на дополнительное расследование.

БЕЗЗАЩИТНОСТЬ

Вот какую бумагу в 1985 году направил Ревякин в МВД Башкирской АССР и в Октябрьский горком партии: «...установлено, что зам. начальника отделения уголовного розыска Шаймухаметов вступил в недопустимую по его семейному положению аморальную связь с некоей Н. Г., в связи с чем последняя вступила в конфликт со своими родителями. Такое поведение не соответствует занимаемой Шаймухаметовым должности. Прошу принять надлежащие меры».

А когда двадцатипятилетнюю Н. Г. по требованию матери направили на экспертизу в гинекологическое отделение городской больницы, то она оказалась... девственницей. Что помешало ей подать заявление в суд о привлечении Ревякина к уголовной ответственности за клевету? Стыдливость? Едва ли. Скорее «добрый» совет, который дали ей знакомые: «С прокуратурой лучше не связываться. Себе дороже...»

Поведение Ревякина и Пыжова не оставляло в том никаких сомнений. После того, как они арестовали Инзера Шаймухаметова, по их инициативе был проведен ряд акций, дикостью своей напоминающих о временах инквизиции.

В школе, где учится дочь Шаймухаметова, девочку отказались принимать в пионеры. Учительница объяснила детям (а ее «просветили» звонком из прокуратуры), что «Регинин папа сидит в тюрьме, а туда сажают только воров и бандитов».

Пытаясь выволочь мужа из заключения, Альфия Шаймухаметова писала во многие высокие инстанции, ездила в Уфу и Москву к руководителям правоохранительных и партийных органов, в редакции газет и журналов. В отместку за это Пыжов чуть ли не ежедневно являлся в школу, где она ведет физику и математику, прямо с уроков уводя ее в директорский кабинет или в горком партии для бесчисленных «проработок». Неоднократно угрожал тюрьмой. Дошло до того, что с его благословения Альфию уволили с работы по надуманному поводу: летом в счет накопившихся отгулов ездила в Москву хлопотать за мужа и прихватила один лишний день. Хорошо, хоть местный народный суд оказался на высоте и не пошел на поводу у прокурора — ее восстановили в должности. Но чего стоила ей вся эта нервотрепка!

Старший брат Инзера Геннадий занимается бурением скважин и по праву считается специалистом высокого класса. Ему оформляли выездные документы для работы за границей. Семья уже укладывала чемоданы, когда пришло

известие: за рубеж Геннадий не поедет. Виза его была «зарублена». Пыжов и здесь приложил руку.

Проходящий по делу Шаймухаметова Самат Вильданов категорически отказывался давать ложные показания против Инзера. Тогда Ревякин вызвал в прокуратуру находившуюся в декретном отпуске беременную жену Вильданова и в присутствии мужа говорил с ней в таком развязном тоне, что она потеряла сознание.

У нас есть законы, на страже которых неусыпно стоят правоохранительные органы. Но нет надежного действующего механизма социальной защиты от произвола и беззакония. Потому-то и подвергаются гонению не угодившие кому-то правдолюбцы. Очевидно, так дальше продолжаться не может. Перемены необходимы!

Нельзя не согласиться с тем, что следственный аппарат должен быть отделен от прокурорского надзора. Правомерно ли оценивать деятельность прокуратуры в зависимости от уровня раскрываемости преступлений, как это происходит сейчас? Обязанность прокуратуры — надзор за соблюдением законов. А пока трудно понять, как прокурор, дающий санкцию на арест и обыск, утверждающий обвинительное заключение, как может он объективно и непредвзято надзирать за следствием?

Пока готовился этот материал к печати, Прокуратура РСФСР по просьбе «Смены» проверила степень объективности следствия по делу Инзера Шаймухаметова и обнаружила вопиющие отклонения от законодательства. Приказом прокурора Башкирской АССР старший следователь Ревякин и прокурор города Октябрьского Пыжов уволены из правоохранительных органов. Наказан в дисциплинарном порядке также ряд ответственных работников республиканской прокуратуры, не обеспечивших надлежащий контроль и надзор по этому уголовному делу.

Но возможно ли решить проблему одними лишь карающими мерами? Очевидно, назрела необходимость в изменении некоторых законов. Прежде всего, вероятно, нужно повысить роль защиты. Не правильнее ли будет, если адвоката допустят к подготавливаемому не с того момента, когда прокурор подпишет обвинительное заключение, а сразу после задержания? Именно так поставлено дело в большинстве стран мира.

Очень многое зависит и от позиции народных судов. Не секрет, что подчас они замороженно смотрят в рот прокуратуре, бездумно штампуют выводы предварительного следствия и, не желая создавать себе сложности, всячески уклоняются от вынесения оправдательных приговоров. Недавно на одном из совещаний я услышал такую статистику: «На сто судей у нас примерно один оправдательный приговор в год. А на каждого судью? Одно оправдание... в сто лет! Восемьдесят процентов наших судей ни разу в жизни не выносили оправдательных приговоров и даже не знают, как они пишутся».

Не потому ли и дело Шаймухаметова вот уже скоро три года «плавает» по различным правоохранительным инстанциям и все никак не может попасть в архив?

Бывший начальник Октябрьского ГОВД полковник в отставке Рахимьян Насыров, председатель городского совета ветеранов, проработавший бок о бок с Шаймухаметовым не один год, сказал мне:

— Инзер — человек сложный, но чистый. Уверен, что все обвинения с него будут сняты. Разбрасываться такими кадрами — преступление.

А Шаймухаметов, когда мы с ним прощались после очередного судебного процесса, вздохнул:

— Знаешь, я начал уже терять всякую веру в справедливость. Тебе, кстати, тоже не очень-то верю. Приехал — уехал... А мне как жить дальше?..

Шикалов повесил kota.

Дело обычное: веревка, петля и три минуты молчания, пока Степа отходил в мир иной, где за ворованного цыпленка ничего не будет потому, что воздалось в этом.

— Извини, братишка, я предупреждал, — сказал Шикалов скорее для собственного успокоения.

С кошачьим племенем у него складывались неважные отношения. Свои царапали, чужие шипели и прятались, тянули харчи, а однажды притопил новорожденных, закопал на огороде, а поутру двое слепеньких выбрались — Шикалова мороз по коже царапнул, — что ж, «...расстреливать два раза уставы не велят». Кошечка вскоре очоурилась, а Степка выжил, вырос...

Добрый был котяра, тигровой масти, меланхолик и лизун. Да вот не судьба: мыши бегали быстрее соседских цыплят. Степка был любимцем жены Шикалова, и пакостное настроение хозяина происходило как раз из-за отсутствия жены.

Уехала Галина свет Сергеевна на курорт, все сроки отпуска минули, а она в Светлых Лужках так и не

ленка, животного ведь, а он-то — цап его и в петлю. Хотел первым делом пойти из петли вынуть, схоронить по-божески, а ноги не идут. И кто там говорит, что преступника тянет на место злодеяства...

«У, проклятая баба! — хватил он кулаком по столу и угодил по Степановой миске. Хлébово, естественно, на физиономию перебралось, глаза залепило. — Ну, вернешься ты!» — Утерся тем, что под руку попало, бросил все как есть и пошел прочь к соседу Юматину зализывать раны бытия.

Сам Шикалов дальше райцентра не выезжал. В армии не служил из-за какого-то хитрого смещения позвоночника. Дефект, правда, не помешал выучиться на лесничего, и Шикалов пятый год коротал уже время лесником в Светлых Лужках. Предлагали в райцентр перебраться, в контору лесничества, отказался: телевизор с антенным усилителем берет обе программы, а в магазине товар не хуже, чем в городе, и как бы не лучше. А когда повесили на него подсобное хозяйство в виде свиарника, жизнь и вовсе весело зашуршала шустрими дензнаками: кому поросенка спроворит втихую, кому мяска, кому сбой...

ности с хорошим мускульным усилием; посмотрит Шикалов в зеркало — хар-р-рош: нос с горбинкой, морда цыганистая, отважная, брови срослись в линию, вождистские брови, мохнатые, у кого-то из битлов видел Шикалов на картинке такие. В пору о битлах вспомнили, реабилитировали, пластинки появились, кассеты, по телевизору их нахваливали, и Шикалов, управляясь в свиарнике, с энтузиазмом орал: «We all live in the yellow submarine, yellow submarine, yellow submarine»¹. И бульки пускал, и переговоры с центральным постом имитировал, и черенок совковой лопаты рукоятками перископа держал — и ас подводных засад, и жених на выданье.

Так и поступил: по осени, заработав прилично на сдаче женьшеня, кедровых орехов и прочих таежных злаков, приоделся и махнул в райцентр на танцплощадку за невестой. Джинсы там, курточки «чори» — пусть в них шпана красуется, а он хозяин: Шикалов явился на танцплощадку в шляпе, японской тетровой тройке и галстуке, который по-японски назывался «шире хари». Сразу невесту и присмотрел. Хорошенькая, светленькая, росточек-кнопочка и кругленькая,

ПОД СЕНЬЮ ЖЕНТОГО СВЕТИЛА

Александр
ГЕРАСИМЕНКО

объявлялась. Ни письма, ни телеграммы... Злому Шикалову мерещились отпускники с тугими кошельками, бородатые интеллигенты и короткостриженные каратисты, из-за таких бабы и рвутся к Черному морю; да если б баба: согрешит аккуратно, еще и подарков привезет, а эта — девчонка сопливая, право слово, год в завмагах проходила и нос задрала, туда же, урвала в ОРСе путевку на курорт почечников... Знаем эти почки-селезенки.

Шикалов похлебал варева, которое уже изрядно притомило, готовил сам: капуста, фасоль, картошка, свинина треклятая — борщ не борщ, другого варить не умел; тоска звериная, в пору самому в петлю; бросил ложку, пошел к плите за чаем, зацепил заварник — бац, вдребезги — Шикалов взвыл. И на Степана не свалить — под ногами не вертится.

— Батюшки вы мои, батюшки! — заплакал он натурально, плюхаясь на стул у окна. — Да что это за наказание мне!..

За окном не радовало: дикое пекло спалило огород начисто, даже картофельная ботва не выжила, второй месяц пекло, огурцы поливал утром и вечером, а все одно — не выживут; ведро в колодце по дну елозит, речка за огородами вся в гальку ушла, на свиарник водовозка приезжает, за десять километров воду берут — такого пекла старики не помнят.

Посоплившись Шикалов, почмыхал носом, промокнул глаза рукавом и, горестно вздохнув, взялся за тряпку. Протертое место засветилось охряным пятчком среди затоптанных половиц: грязница сплошь — это верно, хоть на улицу с хаты ноги вытирай. Сам не мыл — все поджидал телеграммы о возвращении. Не дождался.

Шикалов никак не мог со своим паскудным настроением выбраться наружу. Надо бы свиарник почистить, изрядно скопилось дерьма, но в середине дня сунуться туда — суший ад. Свиньям жар не жар, а жрать подавай, вон как надрываются... Остатки хлébова слил в кошачью миску, покрутился с ней туда-сюда и снова сел, поставив ее перед собой на стол. Горячка улеглась, и стало остро жаль Степана: ну, задавил цып-

лесхозовское начальство в лице директора Михаила Степановича Дименка претензий к Шикалову не имело. Само паслось на свиарнике — «Живи сам, дай жить другому» — лозунг Михаила Степановича, — поэтому под его началом жили все дружно: на работе не запаривались, на заработки не обижались.

Мир и благодать в человеках настали в Светлых Лужках в год основания свиарника. Раньше ругань между лесниками и лесорубами стояла до небес за погубленный молодняк, за нарушение границ отведенных лесосек, за рубку недозрелого леса. Леспромхоз побаивался лесхоза, а теперь же смотрел на него, какмыш на жирного, ленивого кота: лесхозу спустили план на заготовку леса для всяких ширпотребовских нужд. И чего там только не было! Заготовка веников, бочковая клепка, ульетара, оконные рамы и даже гробовой набор из дуба и попоуще — из пихты. Внушительный ассортимент и нужный, конечно. Вот только на Доске показателей у конторы лесхоза среди всех прочих поделочных мероприятий потерялась основная прежде графа — отвод лесосек главного пользования. Случалось, порубочные билеты леспромхоз выписывал сам себе, сам и границы участка размечал. И без ругани. Ужались два козла в одном огороде. Была и причина: лесхоз, кроме ширпотреба, готовил лес на экспорт. И как тут хулить леспромхоз, если он технику и людей дает, древесину вывозит? В лесничестве ни того, ни другого отродясь не водилось.

Шикалов по недомыслию своему поинтересовался как-то у шефа: кто придумал эту ахинею, тайга ведь без хозяина осталась? «Политическая безграмотность! — решительно осадил его Дименок. — Лесхоз готовит лес на экспорт, мы развиваем приборную торговлю. Вот это откуда? — выставил он перед Шикаловым на каблук ногу в виниловой туфле. — То-то...»

Вопрос, конечно, согласован в-верхах, думал Шикалов, и не мое это свиньяче дело. В свиарии он переквалифицировался безболезненно.

В двадцать три года Шикалов познал вкус жизни и решил жениться. Дефект его неприметен, все конеч-

где надр. Шикалов над ней как брови крылом орлиным расправил, так и не отпустил добычи.

«Кутя моя», — говорил Шикалов, расписывая жизнь и довольствие в Светлых Лужках при ферме. Годков через пять деньжат накует, а там хоть на штурм белокаменной можно. С деньгами все возможно. За два года скопилось хорошо. На сберкнижку Шикалов деньги не клал. Нечего народ смущать, зависть культивировать, да и жене тайничка не показывал. Шепотнет только в ушко, словно о беременности: «Вот и третью тысонку зачали», — тихо радуется целый день и в свиарнике, уходя под перископ, крушит дерьмец с утроенным рвением.

А для души любил Шикалов выводить свою Кутю от телевизора во двор, а там звезды показывать. У соседа Юматина наловчился находить созвездия, весомо выговаривал: Ригель, Белламия, Дельта Эпсилон. «А это моя звездочка, — млея, сообщал он, указывая на Альдебаран. — Я в мае родился, под знаком Тельца — бычок, значит, счастливый и проворный...»

Кутя сначала и сама радовалась за компанию и по-малкивала. Было, видать, отчего — что-то непонятное с ее беременностью произошло: медовый месяц едва кончился, а молодую понесло как на дрожжах и на пятом месяце после свадьбы увезли в роддом. Она утягивалась, подбиралась, чтоб деревенские не судачили, и Шикалов не сразу обнаружил подвох. На сытых харчах, думал, несет жёнушку. Ну, а как повезли на пятом-то месяце молодую в роддом, тайное и стало явным. Созналась Кутя, прощения просила. Шикалов простил, блюда свой приоритет и авторитет. Решили для деревенских, преждевременные роды. От утяжек мертвенького родила. Перенес и это Шикалов ради авторитета.

А первый удар по авторитету Кутя нанесла самолично. Позвал ее в морозный вечер во двор звездочками полюбоваться, а она: «Да иди ты со своими блямбами и баранами!»

¹ «Мы все живем на желтой подводной лодке» (англ.) — одна из первых песен ансамбля «Битлз».

«Это ты как: на хозяина? — повел бровями Шикалов. — На Тельца?» «Да какой ты Телец, — огрызнулась Кутя, — телок самый настоящий, бабу толком припомнить не можешь».

В восемнадцать-то лет такие амурные познания! А потом Кутю ровно бес приголубил: во-первых, не «Кутя», а во-вторых, ради свинаря и недоумка со смещенными мозгами и позвоночником она себя на свинарнике хоронить не намерена. Авторитет Шикалов упустил, воспитывать поздно, он и сник, только бровями зло шуршал, как таракан, в те ночи, когда женушка сплавляла его спать на раскладушку.

Чуял Шикалов, занесло девку крепко, еще когда собиралась, понял: брала на курорт фасонистое, откуда и прикопила — платьишки японские, купальное бикини, лифчики да трусишки в кружавчик. Подъел ее Шикалов: морская пена набьется в кружева. Топая нервно в шпильках по половицам, отбирила: «И не только морская, не твое свиное дело». Шикалов голос повысил, а кто сельского завмага перекричит? Он — кулаки над головой, а она — в боки. И в нокаут его: если две тысячи из свиных денег не выделит на гарнитур «Сюзанну», пусть назад не ждет. Дал, куда ж деться. Два года совместной жизни, авось и вправду на мебель...

Подъехал знакомый водила из райцентра, забилкал, Шикалов и рта не успел раскрыть с наставлениями о супружеской верности: Степана на руках подержала, поласкала «линкорушку» своего и отчала. Услышал Шикалов смех водилы из «газика», а «до свидания» — нет, газанул водила.

Первые дни Шикалов ходил сам не свой, на звезды глядел, им, недостижимым, грусть поверял, а потом окрысился. Это ему, трудаге, надо бы на курорт в первую очередь. А как окрысился, тут Степана и повесил под горячую руку.

— Повесил я Степушку, Михалыч, — горестно сообщил он с порога Юматину. Шикалов называл его «профессором» и очень уважал за грамотность и рассудительность.

Юматин отложил книжку, встал с лежака, где проводил сиесту, снял очки. Прецедент не комментировал.

Юматин был единственным интеллигентом в Светлых Лужках, заведовал гидрометпостом. Водомерщик, по-деревенски. Жил бобылем, дружку водил исключительно с Шикаловым, наставлял его мягко, если Шикалов приходил за советом, разъяснял непонятное в прочитанных книжках, и в свои сорок пять — с кудреватой бородкой в серебряный прочес, с объемистой лысиной и животом при малом росте — походил на сельского батюшку, чудом уцепившегося за существование на отшибе цивилизации. Любил юморить в академической незлобливой манере, что особенно нравилось Шикалову. Дружили они ровно, как наставник и ученик, и если б ни его мудрые житейские советы, Шикалов наворочал бы дел за время семейного разлада. Изредка он

называл Шикалова «мой добрый друг Башмачкин» или «старина Акакий». Шикалов не обижался и не расспрашивал, кто это такой.

— Кошки, Вениамин Петрович, — Юматин называл Шикалова по имени-отчеству, когда тому было особо худо, — обладают поразительным чутьем на глобальные катаклизмы. Возьми Серафиму мою — шемизетка по образу и подобию, а к твоим котяткам заколанным первая прибежала, и не мать ведь, а на чужой двор примчалась, раскапывать стала... А у Дранкина дом загорелся — ведь всего-то диван затлел, а как бесновалась она?... Потому что живет у меня в любви и холе. Но это местечковое, а вот когда она в безлуние выходит и на Полярную звезду уставится, мне не по себе: к Полярной ведь — через нее проходит земная ось — привязаны баллистические ракеты, точка отсчета залпа... Кто-то уже назвал ее погребальной звездой человечества...

Шикалова, как тогда, около вылезших из-под земли котят, царпанул мороз по коже. Не шутит «профессор». Однажды в прошлое лето вышел он прогуляться за огороды по лесной дорожке и на мостике, на двух бревнах через речушку, увидел кошку Юматина. Серафима, приставая на задние лапы, терла мордочку передними, будто умывалась лунным светом. Тогда позабавился, а теперь и безводное лето, и мертво висящая Полярная звезда, и Серафима, и Степан, убиенный дважды, захоронили перед глазами, аж копчик вспотел и заломило в позвонках.

— Так вот, кошки, Вениамин Петрович, — умнейшие создания хотя бы потому, что сохранили свою индивидуальность и независимость, столуясь у человека. Всех домашних животных человек обязал трудиться на себя, а вот кошка сама по себе гуляет...

— Колбаску-то уважаем, — поддал голос Шикалов, — на травке шиколо не разгуляешься.

— Понимаешь, добрейший мой Башмачкин, тут начинается несоответствие человеческих возможностей и амбиций человека. Когда мама рассказывает дитяти о ласковых глазах олененка, попутно скармливая ему котлетку, ее рассуждения о добре зиждуются на профанации. Мы ведь, как в космическом корабле, мчимся среди звезд, а перекосы в понятиях дают неточный курс. Куда попадем? В никуда... От бессилия своего человек бежит к зелью, к злобе, к хитрости, а не пришлось бы ему скотинку забивать на харчишки, глядишь, поумнел бы, подобрел.

— Это вы так, профессор, считаете, — возразил угрюмо Шикалов, — а не забивать коров, где самим травку щипать? Куда, например, кошачий приплод девать? Родились, и, раз у человека живут, всех доглядеть надо, добром окружить.

— Мы в ответе за всех прирученных, — задумчиво произнес Юматин. — Вот и я о том. И так плохо, и эдак никак. Тупиговое развитие — человечество.

— Что ж в нем тупиговое, если все путем? — опять возразил Шикалов. О тупике он уже слышал от «про-

фессора», но возражал впервые, что-то подталкивало сегодня изнутри.

— Мой наивный Акакий, тебе надлежит зорко тайгу беречь, а ты свинарником по рукам и ногам связан. Тебя попросту убрали, чтобы не мешал...

— Это так. — Шикалов забыл про свои напасти. — Рубят тайгу подчистую, словно в конце квартала светопреставление и леспромхозу надо с хорошими показателями предстать в небесной канцелярии.

— Я вот сравнил замеры этого года в речке нашей с замерами трехлетней давности — на сорок сантиметров уровень воды упал, а речка наша не зря Поперечной зовется — это вроде мерительной трубки в резервуаре. Миллиарды кубов воды потеряно из-за повального уничтожения тайги.

— Я и без замеров вижу, — махнул рукой Шикалов. — Раньше за полчаса в одной ямке десяток хариусов надергивал, а теперь и ямки нет, курице по колени.

— Хариусы, — хмыкнул Юматин, — сюда лет еще десять назад красная рыба поднималась на нерест. Где она? А ведь это катастрофа, Вениамин Петрович. Нет тайги — нет воды, нет воды — нет чего? Человека, — сам же и ответил Юматин. — А ты говоришь — кот... самим скоро в петлю.

— Пойду я, — не выдержал больше Шикалов. — Да не тужи, Вениамин Петрович, вернется Галина свет Сергеевна. А не вернется — кобыле легче...

Пошел домой Шикалов, а по пути вынул из петли Степана.

Шерсть кота потускнела, напоминая вытертый коврик в прихожей, от прежнего «линкорушки» ничего не осталось — так преобразается мгновенно брошенный командой, подбитый боевой корабль. Отласкалась животина, отмутилась...

— Прости, Степанушка, все мы сволочи на земле этой грешной, — закапали слезы у Шикалова, закривились губы.

Дома Шикалов маялся до сумерек без дела, потом машинально включил телевизор. Музыка не было, учили жить. Уверенный товарищ рассказывал, как это делается, поясняя на примерах. Выходило, что все, что ни делается, к лучшему. Шикалов не грюнул по экрану кулаком, не запустил в телевизор чем-либо увесистым, даже не выключил, просто ушел на крыльцо от соблазна испортить безвинную технику и свое настроение.

Звезды роились над головой той медовой приятью, какая бывает в их свете августовской ночью. Где-то, недостижимые глазу, грохотали космические бури, сшибались планеты, вселенную раздирали катаклизмы, а над Землей — ничего, тихо и спокойно варилась погода, свои местечковые порядки и жизнь. Дождя бы, томился Шикалов, и легче бы стало...

Ночь не принесла прохлады земле, а звезды — утешения Шикалову. Если бы только одна ночь: два месяца невиданной суши, тех месяцев, когда зелень

нагуливает соки, и сколько ни переворачивайся в небе ковш Большой Медведицы, ни капли влаги не упало вниз, уже и роса по утрам казалась тонким слоем серебристого пепла.

Свиньи учуяли хозяина, не кормленные с утра, они вопили, призывая Шикалова к справедливости. Куда деться от их визга и духоты, Шикалов не знал, взъярился наконец, схватил кол и рванулся к свинарнику.

— А ну, падлы! — включая свет, заорал Шикалов, перехватывая кол двумя руками.

Свиньи, едва предстал перед ними озаренный электричеством Шикалов с вознесенным колом, стихли, уставились участливо. «Нашего-то турнули, видать, с подлодки, не иначе, — подхрюкивала свиноматка на сносях. За себя она не боялась, носила в брюхе рублей на двести шикаловского прибитка, — ишь ты, перископ ломает...»

— А чтоб вас! — бросил кол Шикалов, покрутился туда-сюда и стал намешивать комбикорм с зеленой, унимая зуд в руках. Думал: все на свете подчиняется человеку, а что с такой сволочи взять, если он чуть чего за нож хватается, за дубинку. «А с какой рожей, — соображал Шикалов, раздавая корм, — встретит он в космосе братьев по разуму? С какой же еще — с сытой, в космонавты здоровеньких берут. Покажет он фото, где жена козочку гладит... мы, скажет, все очень друженько живем, хотите козочку попробовать? Вкусно...»

На свежем воздухе он не стал пялиться на небо. Все равно не увидит своего «бычка», кончика рожек не увидит до самой осени, месяца два еще маяться духом...

«Пойду-ка я завтра в тайгу, полянку свою женьшеневую посмотрю, развеяться надо, с апреля не был...»

Он нашел эту полянку два года назад в укромном урочище за Сенным ключом. Удивительное место: как храм, где в ярусной тени, в рассеянном свете зажигались к сентябрю рубиновым огнем розетки-ягоды женьшеня. Семнадцать штук, а в середине «папа» с патриаршим спокойствием возвышался над ними. Святое семейство, неземное.

Мог Шикалов давно копнуть корешки, и каждый раз, когда наведывался, не поднималась рука на благолепие, умилялся молча, пряча руки под мышки, чтобы запах вьедливого свиного дерьмеца не осквернял лепоты храма. В такие минуты просилась из груди Шикалова какая-то мелодия, непонятные инструменты под-сказывали ее, Шикалов тер лоб, напрягаясь, свиной дух забивал музыку. И все же это было наслаждение, Шикалов примирялся со всеми житейскими перекосями до следующего тайного любования. Звезды на небе, звезды на земле, вселенная в человеке.

У Юматина был домашний телефон, единственный в деревне, кроме служебных в конторе и на почте. Он и принес Шикалову эту весть: «Не жди, на развод подам. Галина». Телеграмму передали по телефону.

Шикалов выслушал Юматина, тоскливо выругался.

— Вот тебе и гарнитур «Сюзанна»... Профессор, пойдете в тайгу? — спросил он с надеждой, чувствуя, что Юматин расслабится первым, начнет жалеть, тогда к жалости присоединится целый состав побочного словоблудия, достанется всем бабам, и Шикалов после такого взбадривания ощутит тупое похмелье, как после затяжной пьянки, когда пьется все подряд без закуски и удовольствия.

— Добро, — кивнул Юматин. — Пойду soberусь.

Едва он сделал шаг от крыльца, Шикалов заторопился исчезнуть из опостылевшего гнезда, одинокого логова, куда не вернется жена, а к вечеру не придет, скромно мяукая, подхарчиться Степан после драк с деревенскими котами и набегов на чужие гаремы. Вот что осознал Шикалов, спешно собираясь в путь: Галина жила с ним вроде как взаимно, Юматин дружил из удовольствия поучать, деревенские льстили в надежде дешево отovarиться, и никому-то он не нужен; один Степка ласкался искренне, лизал в нос поутру — это была дружба, не обремененная мирской светотой, даже Галина ревновала. И какой же добрый был Степушка, не наглел, если в плошке пусто, не помился в дверь под утро, если заперто...

Шикалов надевал энцефалитку, когда подъехал Дименок. Степенно выпростал тело из «газика», будто из «Волги»... Оливковый импортный костюм тетроновый, красный галстук, черные виниловые туфли. «И не упреждает же, собака! — озлился Шикалов. — Вырядился так вырядился... одень в такое покойника, вскочит, завопит от ужаса, а этому ничего, довольно сводит полные губы в трубочку, лемуры бровки к переносице стягивает, вроде и пуговкой носа шевелит, принохивается сыто».

— Ну как тут, Веник? — вместо «Здравствуйте».

— В тайгу собрался, — цедит внезапно покрасневший Шикалов, к мирному настроению шефа не подлаживается.

— Отставить надо прогулку, отставить, — милости-во тянет гласные Дименок.

— Чего вдруг? — С шефом Шикалов не миндальни-

чает: с его подачи незаконно забивают свиней, списывают на падеж и приплод не учитывают.

— Забить бы чушечку надо, начальство подъехало...

Знает Шикалов: нет никакого начальства, врет шеф, вон как под кусты бровей глазки прячет...

— Вернусь к вечеру, забью, — отрезает Шикалов, натягивая через голову энцефалитку. — Я лесник перво-наперво.

— Эт, ты, мама-крендель, — притворно всплескивает руками Дименок. — Лесник мне еще...

Шикалов смолчал. Согнулся, зашнуровывая кеды.

Был бы его шеф обычный начальник-ворюга, стандартный, что ли, тянул бы что плохо лежит и помалкивал, — бог с ним, каждый свой приварок находил. А этот, поди ж ты, в газетку опуся пописывает, рассказы — такую развесистую муру о таежном живье, придумки и враки, что потешаются над ним открыто. А ему хоть бы хны. Столп, народный сказитель. И это бы — пусть, так пишет статейки о том, как в лесхозе каждое деревце заботой окружили. Вот уж сказитель так сказитель, такого и петля не возьмет...

— А куда собрался, Веник?

— За Сенной ключ, — кратко отвечает Шикалов и берет с полки висячий замок.

— Корневать, что ли? Эт, мама-крендель, да там уже остатки подчищают. Кедр и пихту выбрали, береза идет на дрова.

— Вот так-так... — садится от неожиданности Шикалов. — Там же мое место было, святое...

— А что я, Веня, сделаю? Приказали сверху — выполняю. Половина с той деланы лесхозу идет, край с планом прогорел. Что, не понимаешь, как это у нас делается...

— Уж делается, так делается, — зхом откликнулся Шикалов.

— Во-во, — горит исповедаться Дименок. — Звонит на днях главный лесничий Куваев из управления, вытаскивая, говорит, на двести тысяч не хватает продукции. И как дали мы на твоем Сенном на триста тыщ перевыполнения...

— Нахлебник у леспрохоза наш лесхоз! — прорывает Шикалова. — Есть же постановление крайисполкома о запрете на рубку кедра! — возмущается он.

— А Куваев сказал: пока Совмин не утвердит, рубите. И как рубили, так и рубим, и никому ничего не докажешь...

— Ну я, ладно, свинарь, но вы-то партийный, в газетку пописываете, что же не вопите от возмущения?

— Кто напечатает, Веня? Как с цепи все посрывались, будто сразу после перестройки атомная война будет.

Шикалова обдало жаром от этих слов — его собственные мысли! И разом все в кучу сплелось-запуталось: Степка повешенный, телеграмма жены, Серафима, глазееющая на Полярную звезду, а больше всего, что подсолнухи перестали за солнцем поворачиваться, вчера заметил, а сегодня убедился вновь. И трещина какая-то странная через весь огород по диагонали обозначилась... Вот она, кара, догрялся человек с природой — аж помутилось у Шикалова в голове.

— А мне оно все до глубокой трещины, — отбил камушек виниловой туфлей Дименок. — Кто велел рубить, пусть и думает. Я вот вечное задумал, роман напишу — вот это да...

А Шикалову будто гвоздь кто в черепок забил.

— Ладно, — закончил дебаты Дименок. — Зови своего дружка-водомерщика, забивайте. Одна задняя ляжка ваша. Вечером подъеду потемну, заберу...

И уехал. А Шикалов пошел в чулан за веревкой. Где Степу повесил, там и сам успокоится, пока еще по-человечески можно с жизнью попрощаться.

Прямо на Юматина и налетел с веревкой.

— Вешаться? — деловито осведомился Юматин. — Вережка тонковата, думаю.

— Всюду вы, Михалыч, с советами! — плюнул со злости Шикалов. — Может, и в петлю подсобите?

— Это, друг Башмачкин, дело сугубо индивидуальное, а секрет подсказу: веревочку наващивать надо, висеть приятней, — откровенно насмехался Юматин. — А воск бери посвежее...

— Профессор, сволочи кедрач за Сенным вырубил, — вспомнил причину своего помешательства Шикалов.

— Уже и на новый участок перебираются, — невозмутимо добавил Юматин.

— Как? И вы мне ничего не сказали? У меня там деланка с женьшенем! Ой, какая деланка!

— Вот она была, и нету... Посмотрите на моего добрейшего Акакия, наконец-то он из шинелишки вырос, голосок подал. А не тронь его деланку, и дальше бы жизнь казалась прекрасной.

«Все-то вы правильно говорите, Михалыч, и меня по делу колупнули», — хочется сказать Шикалову, какая-то тягучая масса правильных слов теснится в голове, а не выстраивается во фразу: «Все-то вы правильно, Михалыч, говорите и меня правильно стыдите, но если

вы такой умный, чего же вы отлеживаетесь? Еще один столп мудрости», — переваривает Шикалов в себе правильные слова, а Юматин о Шикалове так думает: это он такой субтильный от невежества полнейшего, с такими можно и Кровавое воскресенье устраивать, и национал-социализм, а тайгу рубить никаких усилий не надо. Продукт эпохи.

— Да, много мусора и мути со дна поднялось с этой перестройкой, — обрывает Юматин молчаливые моно-логи. — Всегда так, когда новое течение мутит застойную воду.

— Подождите, Михалыч, — врывается Шикалов, — зачем мутить воду, если она отстойная?

— Застойная! Запашок пошел. Ясно?

Вот так глаза у Юматина, вот тебе и добрейший советчик — два игольные остря!

У Шикалова выстроился план возмездия. Крутились в голове правильные слова, о чем-то говорили с Юматиним, неторопливо топя в тайгу, о всяком таком, будто энциклопедический словарь листали, и вовсе не догадывался Шикалов, что вел его к Сенному ключу инстинкт самосохранения, и план его этот инстинкт подсказал. А надумал он спалить всю трелевочную технику, вот только как от Юматина отделаться, пока не знал. Самое простое — посмотрят на вырубку, вернутся, а ночью он технику и спалит. А там видно будет. Судить будут, он Юматина в адвокаты возьмет. Сладко заныло в груди, когда себя подсудимым представил. Стриженный под ноль и яростный. И Дименка к ответу призовут, и директора леспрохоза, и прочую шушера, а то полетит вся планета в тартарары, как фанера над Парижем...

К шести вечера, сомлевшие от духоты, вышли к Сенному. С поворота дороги открывалась низина ключа, которая сохранилась в памяти Шикалова густо поросшая кедром, с могучим шумом в кронах, а под ними рассеянный свет и порхает неуловимая птица счастья. Поймать не поймашь, а все равно хорошо, что она жива...

Взглянул Шикалов на низину, и ноги отнялись.

— Михалыч... — тыча дрожащим пальцем в пустующее нечто, промямлил он.

— Хатынь, — сказал Юматин. Сказал так, будто следом добавит «ну и что?». Шикалова передернуло, и он отвернулся — увидел-таки игольные остря в глазах.

Ничего не было. Никаких бездумных пришельцев с бластерами, никакого безудержного смерча, никаких сверхчеловеков без совести, ни гнусных гномиков зла, кто бы мог сокрушить гордые кедры вот так — начисто, без оглядки. Обычное дело: проползла членистая масса, опираясь не на кормящую землю, а на химическое распоряжение сверху: «Рубите, остальное — не ваше дело». И дали! Крепко поработали! Ну, малость напакостили, случается, мелочи в большом деле. Вот площадка, где порешили пихтовых баб, вот место, где насилывали малолетние елки, а здесь гусеницами перемесили с землей грудничков и младенцев, сосновый подлесок. Чего не бывает, простится, все свои, никто не опоясан ремнем, где на бляхе выбито «С нами бог». Все безбожники, наше дело правое, мы победим. А там вдали, весело перекликаясь, перебираются на новое место земляки Шикалова.

Выждали в кустах, пока уезжала бригада.

Шикалов не знал, что за чем последует. Жгло изнутри, требовало немедленных действий.

До свинарника он бывал на деланках часто, ругался с мастерами и техноруками, случалось, и глаза на безобразия закрывал, как начальство подсказывало, но в те годы не было таких сплошных вырубок, а сейчас, когда всюду говорили о новом курсе, о перестройке, казалось, что ненависть водит чью-то руку и под шум свежих ветров спешно изводится матчовый лес, чтобы некуда было потом навешивать паруса. Растреванная душа пыталась взлететь над этой мертвой долиной, где слушал он когда-то птицу счастья, пытаясь понять, какие нескладности в нем самом не дают сложить мелодию. И опять предстал Степа, еще живой, доверчиво ожидающий, зачем хозяин надевает веревку. Игра такая, может быть, отложились в его кошачьих мозгах: дети бантик вяжут на шею, можно потерпеть, чего ради хозяина не стерпишь...

Не воспарила душа Шикалова, тяги не хватало, сам к этому безобразию руку приложил, по совести когда-то не спрашивал, а сейчас — кому представление давать?

— Что ж делать-то, Михалыч? — остывало в Шикалове яростное пламя.

— Снять штаны и бегать. Вон какой простор... — ответил Юматин, занятый стиранием пота с шеи и лысины. — Что мы с тобой можем? До Москвы не дотянемся, а нашим руководителям хоть кол на голове теши, безмозглые, оттого и не больно.

— А нам, а у нас?

— Спроси, Вениамин Петрович, что полегче, — кажется, впервые огорчился Юматин, жара доконала, видно, и переход, и место, не сулившее отдыха.

Шикалов удивился ответу, не ожидал, бухнул оттого сразу:

— Зауважал я вас, Михалыч, хоть чего-то не знаете, а то как наши бюрократы в телевизоре — на все ответ имеют.

«Раз профессор в тупике, куда с моей-то головушкой», — хмыкнул Шикалов, повернулся спиной к вырубке и сразу уперся взглядом в дыру кабины С-100. Этот старый бульдозер, в отличие от японских «мицубиси» и «кэтерпиллеров», пригоняли на делянку последним и последним забирали. Те, выращенные в наглый желтый цвет, крушили тайгу, этот, старенький и немощный, подбирал сучья и обрубки в кучу. Стекла давно выбиты, дверцы сорваны, прокопченный, он был похож на остов сожженного в бою танка. Шикалов еще смотрел в печальную дыру кабины, а руки уже тянулись к ней, как в петлю: где-то там под сиденьем кончик для пускача...

— И что это будет? — спросил Юматин, наблюдая за действиями Шикалова.

— А будь что будет! — крутнул маховичок Шикалов, и пускач откликнулся пулеметной очередью. — Вы, Михалыч, мысль, мысль убивать нельзя, а я, дефектный, похулиганю. В тюрьме, говорят, тоже обществу! — кричал он в ухо Юматина, а тот изумлялся и почему-то хлопал себя по лысине.

Забухал двигатель, Шикалов аккуратно смотал кончик и полез в кабину. Юматин — с другой стороны.

— Акакий, ты восстал наконец из гоголевской шинельки! — заорал он, потрясая кулаками. — Иногда в жизни бывают положения, выпутаться из которых можно только с помощью изрядной доли безрассудства. Ларош Фуко!

— Токи Фуко! — орет в ответ Шикалов. — Знаю: блуждающие токи, это про нас!

— Обожаю тебя! — гогочет Юматин. День уже не кажется убийственно палящим. — Рассказывай, что будет?

— А все просто! Вот этот штабель сорнем в самое узкое место прохода, и баррикада будет!

Юматин оценил: с одной стороны въезда в долину крутая скала, с другой — скалистый обрыв к Сенному ключу.

— Эх, хорошо! — орал Шикалов, двигая бревна к проходу. — Простите, сосенки да елочки, прости, Степушка, на том свете сочтемся! Ви олл лив! — заорал Шикалов песню. — А чего она, Михалыч, желтая?

— Так для сумасшедших, Венечка! — гоготал Юматин. — Чтоб умный не забрел!

— Ага, — с удовольствием согласился Шикалов. Все стало на свои места. Михалыч с понятием, зря не осудит, самая им компания — черт с младенцем...

К ночи баррикада выслася в проходе внушительно и дерзко. И ведь как получается: изошренность просыпается в голове, когда двигает человеком жажда мести. Светлый ум строит воздушные замки, омраченный роет подвалы, западни и капканы изобретает. Шикалов связал тросом часть бревен, взял трос на гак, отдал — бревна рванут под уклон, а в каждом от куба и более. Осилит работенку С-100, не подвел. А еще Шикалов две ловушки придумал.

Управившись, разожгли костерок, чаевничали, закусывали мал-мало принесенным из дому. Поглядывая на сооружение, понимали, что с этой стороны, где они, осталось часов шесть ожидания, а с другой, откуда подъедет бригада лесорубов, от пятнадцати суток и выше, смотря по обстоятельству. О будущем не печалился: деньги спрятаны надежно, реформы, дай бог, не будет, после отсидки есть для начала капитал, учиться пойдет, на свиней плевать, а Степанушку поставили на довольствие у архангела Михаила.

Бригаду ожидали к десяти часам. Пока планерка-пятиминутка на час, пока доберутся. Так и вышло.

Первым выпростался из кабины мастер участка Божок, крикливый матерщинник. Он давал план, опираясь на выверенную систему: «химикам» грозил набавкой срока, «бичам» — милицией, местным разрешал утягивать с делян хлыст-другой на дрова и постройки. Система промашек не давала, начальство Божка хвалило, всегда посылая в прорыв, когда горел план. Второй год Божку сулили орден, а то и Звездочку, и Божок иступленно крушил тайгу.

Шикалов вылез на баррикаду, Божок увидел Шикалова.

— Свиляр, это ты, что ли, нагородил? — заорал Божок, натужно краснея.

— Сам ты свиное рыло, — Шикалов в ответ.

— От божьих тварей защита, любезный, — поднялся к Шикалову Юматин.

— Интеллигенция тут! — задохнулся от гнева Божок.

От его матерщины пугливо закачался тальник у ключа. Бригада полезла из машин, намечалось веселье. Неожиданный праздник лучше календарного.

Разъяренный Божок хрюком пошел на приступ и угодил в шикаловскую ловушку. Шикалов дернул верев-

ку, узел развязался, бревна сошлись ножницами, Божок едва выскочил.

— Давай, хряк мордатый! — потешался Шикалов. — Еще шаг вперед, и орден твой неполученный понесут впереди похоронной процессии.

Красиво скакнул Божок к машинам, бригада порадовалась за него, развеселилась. Валить лес — веселого мало, а тут вдобавок и послушать можно, сколько мастер знает всего из юриспруденции, конституции и матчасти.

— Друзья мои! — миролюбиво крикнул Юматин. — Мы с моим другом даем сегодня практическое толкование 18-й статьи Конституции. Хотите смотреть — смотрите, но мешать не надо. А начальству своему скажите: не уйдем с баррикады, пока не будет авторитетной комиссии, которая остановит этот вандализм и накажет виновных по заслугам.

Веселый народ одобрительно зашумел и полез в машины. Божок бесновался, требовал схватить Юматина и Шикалова, отметелить их да по печени, по печени, чтоб не повадно было никому. Но подопечные сами кое-что знали из юриспруденции да и в матчасти не отставали от Божка. Никто из машин не вылез. Божок, отmaterившись напоследок, залез в кабину. Поехали назад. Остался один Сашка-телевизор, смешливый и вечно чумазый «химик». Он чинил Шикалову телевизор, понаравился ему.

— А вы, молодой человек, поступок обдумали? — спросил Юматин серьезно.

— А чо мне? — засмеялся Санька. — Гаврошем у вас буду.

— Он толковый, — поддержал Санькину кандидатуру Шикалов. — Сидел по глупости, теперь за дело сядет. Не трусишь?

— Он не вышел ни званием, ни ростом, — запел Санька. Пел хорошо, уверенно, пел сам, никого не копируя. — На свой необычный манер...

— Во! — хлопнул его по плечу Шикалов. — А то мы с профессором только про сумасшедшую подлодку знаем.

Он все время шагал над помостом. По канату, по канн-н-нату! Натянтому, как нерв.

— Чего-то нам не хватает, чтоб не обидно было срок мотать, — растроганный песней, соображал Шикалов. Сообразил и полез с баррикады, побежал к вагончику-столовке.

Вернулся Шикалов с красной занавеской, которой повариха занавешивала раздаточное окно.

— Теперь, Веня, мы уже по другой статье пойдём, — заметил Юматин, наблюдая, как Шикалов прикрепляет занавеску к тонкой и длинной тальниковой лозе.

— Не сердчайте, мужики, — полез с баррикады Санька.

— Ясное дело, — откликнулся Шикалов. — В красные боевики по принуждению не идут... А сколько все же отломится?

— А кто его знает, — поскреб волосатую грудь Юматин. — Сам не пробовал раньше. Вскрытие покажет.

Потянулось томительное ожидание. Прислушиваясь к дороге, не идут ли машины, присматривались искоса к небу, не стрекочет ли вертолет, общались с Санькой, сидящим на корточках там, где прежде стояли машины.

На прямом стометровом отрезке «газик» увидели сразу.

— Батюшки вы мои, батюшки! — хлопнул себя по коленям Шикалов. Из «газика» вышли Дименок, райкомовская идеологичка, директор леспромхоза и начальник милиции. Чинно, без слов, стали у бампера, разглядывая сооружение.

— А флаг-то зачем? — спросил начальник милиции, застенчивый майор. Он ждал повышения и боялся неожиданностей. Директор со странной фамилией немецкий боялся за план. Дименок ничего не боялся по собственной глупости. Идеологичка тоже ничего не боялась и была к тому же его женой.

— Для храбрости, — ответил Юматин.

— Безрассудно, — сказал майор.

— Подскажите другой способ прекратить разбой в тайге.

— Сорвали рабочий день, понимаешь! — стал разгребаться Дименок. — Хулиганье!

— А ты — вор, — ответил Шикалов. — Свинячий вор, — уточнил он спокойно.

Брови, губы и нос Дименка сыграли матчш. Он поглядел на майора боязливо, но с надеждой.

— Знаете, сколько за это причитается? — спросил майор.

— Догадываемся, товарищ майор, — вел переговоры Юматин. — На участке процветает форменное мародерство, хищение государственной собственности. Так что мы о вас не забудем на суде, — объяснил Юматин, и Шикалов восхитился:

— Ну, профессор...

— Сейчас «кэтерпиллер» подойдет, и дай вам боги унести, — вступил в переговоры немецкий.

— С должным уважением относись к оснащению наших леспромхозов японской техникой, которая заменила их директорам голову, — парировал выпад Юматин. — Кстати, должны бы знать, что за рубежом на лесоразработках давным-давно применяют технику на резиновом ходу.

— Ух, профессор!..

— А я-то все к нему присматривалась, — вмешалась идеологичка. — Вон какой тихоня оказался. Диссидент! Юматин промолчал. Ответил Шикалов:

— Профессор на глупости не отвечает. Наши условия принимаете?

— Сейчас «кэтерпиллер» придет, — сказал немецкий, как говорят детям: «А вон мама».

— Как придет, так и уйдет, — в тон ему — «А вон и бабушка» — ответил Юматин.

— Да чего с ними! — зашумел Дименок. — Мразь, антисоветчики, понимаешь, стрелять гадов!

— Еще раз чирикнешь, хамло, — вспыхнул Шикалов, — распускаю трос! Ишь где он смелый... Ворюга!

— Хватит! — остановил баталию начальник милиции неожиданно зычным голосом. — Даю вам три минуты и...

— И? — переспросил Юматин. — Неужели в вас, товарищ майор, не шевелнется совесть? Зачем вы из нас преступников делаете? Мы же за общее дело пошли на такой шаг.

— Декабристы, — прошипела идеологичка.

— Да, любезная дама. И узок наш круг, и страшно далеки мы от народа, но сомнений нет. Спрятаться, как вы, за общие фразы не можем. Некуда отступить.

— И я с вами, — полез на баррикаду Санька-телевизор.

Немецкий что-то шепнул начальнику милиции, потом идеологичке. Та посмотрела на него, кивнула, сказала: «разумные меры исчерпаны» — и полезла в «газик». Шикалов догадался, о чем шептались: нарастал рокот «кэтерпиллера» за поворотом. Немецкий сел за руль и отогнал «газик» до расширения дороги, где можно разминуться с бульдозером.

— О, родственник! — присмотревшись к человеку в желтой кабине, воскликнул Шикалов. — Здорово, теть!

Мужик вылез на гусеницу «кэтерпиллера», махнул Шикалову рукой, как бы говоря: «Да ну тебя...» Немецкий инструктировал его, показывая на баррикаду.

«В ключ хотят спихивать!» — догадался по жестам Шикалов и заорал:

— Эй, теть, ты что, сначала девку подсунул порченую, а теперь жизни лишить хочешь за мою доброту? Бульдозерист погрозил ему кулаком и взялся за рычаги.

— Начальник милиции! — зычно крикнул Юматин. — Остановите его, или я не ручаюсь за себя! Здесь бензин!

Он поднял над головой ведро, как центровой в баскетболе готовится кидать по корзине штрафные фолы. Шикалов еще с вечера слил бензин из бочки. «Зачем?» — спросил Юматин. «На всякий пожарный случай», — ответил Шикалов.

Теть Шикалова неуверенно проехал метра два и остановил «кэтерпиллер».

— Вылазь! — скомандовал немецкий.

— Послушайте, вы! — крикнул Юматин. — Каждый день вы посылаете людей на преступление, остановитесь!

Немецкий тянул за рукав бульдозериста.

— Опомнитесь!

Немецкий взялся за рычаги. Желтый японский бульдозер качнулся назад и пополз на баррикаду.

— Поджигай! — скривился Юматин, и Шикалов бросил в ведро спичку.

Пламя не сразу плеснуло. Когда ведро ударило у самого лобового стекла бульдозера, разом полыхнула вся передняя часть. Директор леспромхоза ласточкой метнулся из кабины. Все убрались за «газик», наблюдая оттуда, а «кэтерпиллер» горел. Бензин проник в поры, пламя зацедило, занялся соляр и масло.

«Ох, и рванет топливный бак...» — представил Шикалов фейерверк над баррикадой. — Но замрите: ему остается пройти не больше четверти пути, — шевелил он губами.

Желтая краска бульдозера налилась кровавым цветом, безжалостное пламя перекарило машину. Шикалов зарочавано смотрел в огонь. «Сейчас жажнет, сейчас...» — Его тянули вниз Юматин и Санька, а он, прикрываясь флагом от сильного жара, отмахивался. «Сейчас, сейчас...» В пламени лопались стекла, что-то трещало, рассыпались созвездия, разлетелся на куски Орион, крутнулся ковш Большой Медведицы, недвижимая Полярная звезда разрасталась в размерах, напозая на Шикалова, в пласке огня силится разжать петлю Степа, большой и ласковый кот. «Сейчас вся эта маета кончится, — бил озноб Шикалова. — Степушка вырвется, и все можно забыть, снова слушать ту мелодию в храме таежном, кедры вырастут, укроют землю от нестерпимого пекла, сейчас, сейчас...»

Гибель «Михаила Лермонтова», трагедия «Адмирала Нахимова», огонь на «Туркмении», пожар на теплоходе «Приамурье», повлекший человеческие жертвы, о чем уже не раз писала пресса. Но, увы, не обходится без противоречий и кривотолков. Словом, вал страстей нарастает.

Два слова о самой трагедии. Рабочие, колхозники, ученые, партийные, комсомольские работники, инженеры, врачи, студенты — 295 молодых советских туристов из десяти регионов страны — по линии БММТ «Спутник» отправились в круиз по весьма престижному маршруту: Отару — Токио — Осака — Хиросима — Нагасаки — Канадзава. Находясь в Осаке, в ночь с 17 на 18 мая советский теплоход «Приамурье» неожиданно-негаданно запылал, да так лихо, что и капитану пришлось выбираться из своей каюты через иллюминатор. Но, увы, вырваться из нарастающего огня и дыма удалось далеко не всем. Нет, члены экипажа (129 человек) живы и здоровы, а вот среди туристов жертвы: погибло 11 человек.

Ежегодно в акваториях Мирового океана по разным причинам гибнет более 300 судов. Несет потери и наш 16-тысячный флот. В море случается всякое, но то, что судно, как это было с «Приамурьем», срывает у берега от бытового электрокипятивника, — трагический курьез, случай для небезызвестной книги рекордов Гиннесса. Как сказал мне заместитель министра Морского флота СССР О. Савин: «На флоте это — случай беспрецедентный». Но тем не менее выводы министерской комиссии именно таковы, хотя у многих людей, включая и автора этих строк, они вызывают недоумение. Впрочем, пассажирам нет никакого дела до причин пожара. Пока существует должностное разгильдяйство, человеческая беспечность, пожарную опасность, видимо, напрочь исключить нельзя, а вот последствия пожара должны быть сведены к минимуму, исключая трагическое — гибель людей. Поэтому нас больше занимает не причина появления огня, а причина гибели молодых людей и всевозможные толки вокруг трагедии.

При всем напряжении ума никак не мог понять: почему «люди знали, как себя вести, куда идти, какие средства использовать (это о пассажирах. — С. К.)». Четко и слаженно действовал в критической ситуации экипаж корабля... — о чем 11 мая сообщила газета «Известия»... и тем не менее — 11 трупов, 35 раненых и выведенное из строя судно? А в сообщении ТАСС и вовсе анекдотичное: «Стремительному распространению огня способствовало попадание в очаг легко воспламеняющихся веществ, которыми могли быть баллоны с газом для зажигалок (!) и аэрозолями... Это какое же надо иметь количество баллонов для карманных зажигалок, чтобы до основания спалить судно?! Все это я и попросил прокомментировать замминистра Морского флота О. Савина. От газетных публикаций, как выяснилось, Олег Алексеевич не в восторге, а по существу он сказал вот что:

— Эвакуация людей прошла за 25 минут и, к счастью, без паники. Многие туристы, проявляя мужество, спасали своих товарищей и оказали существенную помощь команде... Словом, проведено тщательное расследование, и комиссия установила, как поступал и что делал каждый член экипажа на протяжении 25 минут — от момента пожара до эвакуации пассажиров. Однозначно о действиях команды не скажешь: кто-то добросовестно выполнял свои обязанности, вел себя героически, но в целом у нас серьезные претензии к экипажу. Растерявшись, он запоздал с тушением пожара на три-четыре минуты: это много. Во время тревоги некоторые представители командного состава и экипажа не выполнили своих прямых должностных обязанностей. Герметизация судна оказалась не на должном

уровне. Виновные наказаны по административной и партийной линиям...

Из полтора часового разговора с О. Савиным я узнал о многих подробностях трагедии, и, хотя эта информация отличалась от сообщения ТАСС, она не всегда укладывалась в сознании.

Когда разыгралась трагедия, многие пассажиры оказались в западне: через дверь из каюты не выйти — огонь или дым, а прозрачный иллюминатор оказался дьявольской ловушкой. Представляю, что творилось в душе у ребят, когда безопасность была так близко — в каких-то сантиметрах, — но сразу воспользоваться иллюминатором не удалось, открыть его — выше человеческих сил. От отчаяния парни били их пепельницами, графинами, фотоаппаратами, но тщетно — стекло не поддавалось. Иллюминаторы не глухие, в принципе они открываются, но дело в том, что еще перед выходом в море члены экипажа сняли с иллюминаторов (второй палубы) «барашки» и вместо них накрутили гайки. Навернули так, что без ключа не обойтись...

— Нарушений тут нет, — пояснил замминистра, — иллюминаторы должны быть задрены, это требование ко всем судам, ибо во время плавания паром нередко захлестывается волной и даже из-за одного незакрытого иллюминатора может пойти ко дну; поэтому те, которые от поверхности воды расположены выше 50 сантиметров, должны быть надежно задрены.

Пусть так. Но, видимо, предотвращая одну экстремальную ситуацию (затопление), одну беду, негоже создавать условия для другой. Коль надо, — за-

а позже к телефону было просто не подступиться. И снова: одно исключает другое, порождая то, чего не должно, видимо, быть. Под эту формулу могу подвести и замысловатую работу противопожарных дверей, которые в нужный момент не среагировали на огонь и, стало быть, не воспрепятствовали его распространению на судне.

Противопожарные двери не сработали, шлюпки спустить не успели, блокировать огонь водой не удалось (через 7—9 минут после пожара водоснабжение прервалось), японских пожарных вовремя не оповестили... Судя по всему, если бы трагедия разыгралась в море, то, похоже, жертв было бы намного больше. Полтора года назад пылала «Туркмения», ныне — «Приамурье» — суда одного типа и возраста, спущенные на воду в 1961 году... Хочешь не хочешь, а подумаешь: не устарели подобные пароходы, не позносились ли, перевыполняя план по перевозке пассажиров?..

— Вспоминаю встречу во Владивостоке с капитаном «Приамурья» А. Ерастовым, перед отходом в Японию, — рассказывает участник круиза, доктор биологических наук Сергей Никонов. — Капитан сетовал, что суда эксплуатируются жестко, вот и на сей раз его команда не успела как следует подготовиться к плаванию... Из Владивостока выходим в «заплатках» — со следами поспешных ремонтных работ. Судно красили на ходу, в Отару, Токио... Но это то, что видно, видно всем...

БММТ «Спутник» неоднократно обращало внимание В/О «Морпасфлот» на то, что суда выходят в море «недостаточно подготовленными», сообщалось не так давно и о недоделках на «Приамурье». Да, сами по себе замечания вроде мелкие, незначительные, но где гарантия, что в остальном-то — полный ажур? Как известно, все начинается с этих самых мелочей.

вопросы и к экипажу — он недостаточно контролировал выполнение противопожарных мероприятий до пожара. Пассажирский помощник, вахтенные, администраторы должны были напоминать туристам о соответствующих правилах, проверять, следить, не разрешать...

С посылом, что люди разные, мы безо всяких оговорок согласимся, но категорически возражаем против того, что во время пожара члены команды не могли вести себя одинаково! Выходит, в критической ситуации на экипаж нельзя положиться? А нам казалось, что члены команды пассажирского судна все, как один, обязаны, рискуя даже своей жизнью, сделать все возможное и невозможное для спасения доверенных им людей. Не представляю, как можно выйти в море (!) с командой, в которой нельзя быть уверенным, действия которой непредсказуемы в экстремальных условиях?

По мнению начальника инспекции Тихоокеанского бассейна Регистра СССР М. Смолякова, «заревом над «Приамурьем» беспощадно высветило многие наиболее проблемные проблемы нашего флота. Средний возраст кораблей на дальневосточном бассейне — свыше 5 тысяч единиц — превышает 15 лет. А старые суда, понятно, чаще подвержены чрезвычайным происшествиям». Вызывает тревогу и такое наблюдение: неряшливо готовятся экипажи к освидетельствованию Регистром, судовладельцы всерьез не занимаются дефектацией судов... Короче говоря, у Регистра нет пока четкой картины о состоянии флота на каждый день. А почему? Не мешает ли Регистру то, что он — карманный, ведомственный?

Наше же мнение таково: никакими ведомственными узами Регистр СССР не должен быть связан с Минморфлотом. Его сила — в независимости, и лучше пусть он будет следить за порядком на флоте от лица государства, а не от заинтересованного мини-

оборвавшийся КРУИЗ

Сергей КАЛЕНИКИН,
специальный корреспондент «Смены»

драивайте иллюминаторы, но при том же пожаре пассажир не должен метаться по каюте, а иметь какую-то возможность как-то выбраться из нее, дабы она не стала его преждевременной могилкой. А тем паче помощь не всегда приходит извне. Если Минморфлоту эта проблема не под силу из-за каких-либо технических сложностей или немалых расходов, то тогда, быть может, пассажирам стоит перед круизом вручать примитивную кувалду? Какая ни есть, но гарантия: говорю без толики иронии. Да и непонятно, отчего, собственно, у берега судно стояло с задранными иллюминаторами, впритык к бетонной стенке причала?

Или вот головоломка: экипажу «Приамурья» не удалось сообщить японцам с борта о пожаре! Оказывается, пока кто-то из членов команды облачался в кислородно-изолирующий прибор — КИП, пока кого-то он вытаскивал из огня или дыма, время ушло,

— К состоянию судна претензий нет, — без сомнений ответил О. Савин. И все же, интересуюсь этим вопросом, звоню во Владивосток первому заместителю начальника Дальневосточного морского пароходства Г. Пикусу. Его мнение таково:

— Судить о состоянии судна можно по тем техническим требованиям, которые определяются союзными законоположениями, в частности, Регистром СССР, и международными конвенциями, подписанными Советским Союзом. Кроме того, я беседовал с начальником следственного управления города Осака (он вел расследование пожара): судно полностью соответствовало всем документам и конвенциям.

Стало быть, все претензии к команде?

— Понимаете, в команде — 129 человек, — говорит Г. Пикус. — Одинаково вести все себя не могли: люди есть люди. Но, тем не менее, у нас имеются

стерства. Заинтересованность, как показывает практика, бывает разной, а там, где речь идет о жизни, здоровье и безопасности людей, она крайне нежелательна, эта ведомственная опека.

Пожалуй, на этом можно было бы и поставить точку в материале, но тут появились новые сообщения, факты, для нас неожиданные.

Что может заключить человек, просмотрев телепередачу «Взгляд», некоторые публикации, рассказавшие миллионам о трагическом круизе к берегам Японии? А, полагаю, вот что: СССР представляли отнюдь не достойные молодые люди с комсомольскими и партийными билетами, а чуть ли не подонки, мещане с мелкобуржуазной психологией, разменявшие наши идеалы на «Шарпы», «Санье», осквернившие память погибших, бросившие тень на всю союзную и несоюзную молодежь страны. Прямо, конечно, об этом не говори-

Снимки перепечатаны из газеты «Майнити симбун»

лось и не писалось, но это явно вытекало из сказанного и написанного. Безусловно, разоблачительная акция не без доказательств, аргументов. Факты, как говорится, один к одному: потрясают.

И первый эти самые факты обнародовал в ночь с 9 на 10 июня в телепрограмме «Взгляд» журналист В. Цветов, рассказывая, что прибывший за туристами и командой «Приамурья» теплоход «Константин Черненко» вынужден был задержаться с отходом на сутки не просто так. Оказалось, что товары, привезенные прямо к борту, не устроили 50 туристов, а потому им подали такси для поездки в Кобу, где товары подешевле. И вскоре они появились с вожденными товарами (радиоаппаратурой), «сияющие и радостные». А к этому эпизоду, как утверждал В. Цветов, японцы дали по телевидению другой — погрузку в самолет 11 гробов... Нет, по его мнению, в предвзятости японцев не заподозришь... И тут же адресует, види-

мо, телезрителям сакраментальный вопрос: чего же больше у нас — торгового дефицита или дефицита совести? Вот, мол, какой неприглядный в Осаке разыгрался фарс...

«Требую привлечь к комсомольской ответственности всех участников фарса в японском порту после пожара на советском судне. Спасибо телепрограмме «Взгляд» за правду. Это настоящий и циничный вещизм. Лев Щенин, Воткинск», — с таким читательским письмом 11 июня вышла «Комсомольская правда», добавив новые факты, изобличающие туристов: «Отоварились на славу. На радостях устроили на борту дискотеку. Мы встречали «Константина Черненко» во Владивостоке поздней ночью. Стыдно и больно было смотреть: «пострадавшие» тащили с теплохода ящики с аппаратурой, возвращаясь на борт по два-три раза: у некоторых было по 5—6 мест кладки...» «Утром набитые доверху товаром автобусы прибыли во

Владивостокский аэропорт. Специально заказанный рейс пришлось отложить еще на полтора часа: багаж в самолет не вмещался...»

Отчего вдруг такой крутой поворот, такое морально-нравственное перерождение: еще три дня назад, на пожаре, многие парни проявляли отвагу, героизм, не думая о собственном благополучии, рисковали жизнью, а тут — нате вам, их словно подменили, показали себя с другой — очень непривлекательной стороны — «пренебрегли государственными финансовыми интересами», «элементарным человеческим достоинством», отличились при защите своих **рваческих инстинктов**?»

Тут, увы, ни газета, ни телевидение не сделали и попытки внести хоть толику ясности, сводя все к вещизму и рвачеству. Да, теплоход «Константин Черненко» задержался с отходом во Владивосток почти на сутки, но...

— Сам по себе факт задержки судна рассматривать как факт негативный, на мой взгляд; неправомочно, — поясняет вице-консул Юрий Зинин, которому мы позвонили в Осаку. — Неправомочно хотя бы потому, что теплоход мог задержаться и по каким-либо другим причинам, например, не успели обследовать всех больных. В целом же японцы к заминке отнеслись с пониманием, благожелательно, но, быть может, нотки недоумения и были. Есть такое понятие — фактологическая дисциплина. А что получается? Выхватывается какой-то факт и без соответствующей привязки рассматривается отрицательно. **Что же касается пассажиров**

«Приамурья», их никак нельзя обвинить в каком-то вещизме, в каких-то меркантильных намерениях...

Задержку судна напрямую связывать с меркантильными действиями туристов — прием не совсем честный и чистый. Как пострадавшие, ребята имели законное право на возмещение ущерба, равноценную компенсацию. У них же сгорели или пришли в негодность не только отечественные товары, но и приобретенные на валюту, на руках оставались деньги... Споры нет, материальный вопрос можно было бы решить в Союзе, но, заметим, даже молодым людям не очень-то солидно на Родину возвращаться без штанов, а говоря о другом — вопрос разрешился бы не в пользу погорельцев, ибо покупательная способность рубля и иены, увы, разная.

Трое суток ребята находились в Осаке. Этого времени представителям Дальневосточного пароходства не хватило, чтобы разрешить все проблемы, связанные с компенсацией. А обещания были. Понятно, перед самой отправкой — недоумение, ропот, какие-то вопросы, не всегда звучащие в тактичной форме. Но совершенно не представляется, как смогли туристы бойкотировать отход судна, его физически задерживать?

— Удивительно, описывая задержку теплохода, корреспонденты не потрудились со мною встретиться и переговорить, — рассказывает заместитель начальника Дальневосточного пароходства Г. Пикас. — В той же «Комсомольской правде» в материале «Печальный круиз» — три четверти необъективного.

Игорь
дуэль

Вариант Белё

КУРТКИ ИЗ КОМСОМОЛЬСКА

В Хабаровске бросилась мне в глаза одна особенность экипировки местных жителей: многие горожане носят куртки из синтетических тканей. Сам по себе факт не столь и примечательный — такие куртки давно вошли в наш обиход. Однако те, что были на хабаровчанах, отличались разнообразием расцветок, фасонов, изяществом.

Я было подумал, что завезли в город большую партию одежды из соседней Японии. Однако, приглядевшись внимательно, убедился: здешние куртки японским все же уступают — в отделке, в качестве замочков и прочих мелочах, придающих этой будничной одежде праздничный вид. И все же были они хороши и выгодно отличались от подобной продукции отечественного производства. Откуда такие в дальнем краю?

Заглянув в городской универсам, сразу нашел ответ. Здесь каждый мог выбрать себе обновку к лицу в соответствии с возрастом, ростом и габаритами. А стоили куртки в два-три раза дешевле импортных. И на ярлыках — адрес: Комсомольская-на-Амуре швейная фабрика...

И вот я сижу в кабинете Ивана Ивановича Белёвкина, который три года возглавляет это пока еще мало кому ведомое предприятие. Хотя безвестность его можно отнести к упущению пишущей братии, которая любит скопом ломиться по одним и тем же адресам.

По сути дела, Белёвкин совершил (пусть в меньшем масштабе) такой же революционный переворот на швейной фабрике, как Владимир Павлович Кабаидзе в Ивановском станкостроительном объединении.

Иван Иванович принял отсталое, как говорится, на ладан дышащее предприятие, гнавшее с последовательностью, достойной лучшего применения, пальто из разных толстых драпов. Эти лудовые изделия спросом пользовались мизерным, большая их часть оседала мертвым грузом на складах торговых баз. Словом, весьма распрстраненная ситуация, когда целый рабочий коллектив только тем и занят, что понапрасну переводит добро. Экономические показатели фабрики свидетельствовали о ее крахе со всей определенностью. Ежегодных убытков набиралось до 7 миллионов рублей, а общая задолженность перед казной достигла 19 миллионов.

Белёвкин никогда в швейной промышленности не работал. По образованию он нефтяник. Многие годы трудился по специальности, и лишь несчастный случай на возглавляемом им предприятии, происшествие, в котором Иван Иванович не был виноват, но отвечать за которое пришлось, заставил его оставить избранную смолоду профессию. Некоторое время проработал на одном из заводов Комсомольска. Но в горьком парии знали, какой Белёвкин блистательный организатор, и когда швейная фабрика стала «пускать пузыри», один из прозорливых отцов города, к всеобщему удивлению, предложил Белёвкину возглавить фабрику. А Иван Иванович, взяв да и согласился.

Новый директор быстро отыскал на предприятии толковых специалистов. С ними и было решено шить вместо пудовых доспехов куртки из синтетики, на которые в регионе большой спрос.

Специалисты разъехались по стране: набирались ума у тех, кто раньше освоил эти изделия, смотрели, что могут предложить дома моды, искали поставщиков. Потом переналаживали производство, добывали заграничные журналы мод, изобретали модели сами.

Итог трехлетних преобразований таков: сегодня фабрика дает ежегодно свыше 9 миллионов рублей прибыли, более половины выпускаемых изделий получает индекс «Н» (новинка) — это особо модные куртки, изготавливаемые малыми партиями. Со сбытом продукции проблем у торговли нет.

...Я хорошо понимаю, что этот сюжет можно описать в деталях и живописных подробностях; он вполне тянет на производственный роман или публицистическую пьесу, которые ныне не в меньшей моде, чем куртки из синтетики. Однако у меня нет желания вторгаться в тонкости «технологии успеха». Куда важнее, на мой взгляд, попытаться разглядеть за этой историей некоторые особенности типичных хозяйственных коллизий дня вчерашнего и дня нынешнего. Попытаться ответить хотя бы на три вопроса. Первый: какие радости и блага обретает трудовой коллектив, совершивший не на словах, а на деле коренную перестройку? Второй: закономерен ли успех фабрики, то есть порожден ли он общей экономической ситуацией? Третий: есть ли реальные основания надеяться, что достигнутый успех будет развит?

КРОХИ С БАРСКОГО СТОЛА

Швейная фабрика, говоря по-научному, не входила в число «градообразующих факторов». То есть город в тайге создавался и рос не ради нее. Как правило, предприятия легкой промышленности появляются в новых городах рядом с гигантами индустрии не столько по экономическим соображениям, сколько из благих социальных намерений. Ведь известно, что на крупных предприятиях, производящих металл и разные изделия из него, работают в основном мужчины. Вот и ставят у завода под боком какую-нибудь фабрику, использующую главным образом женский труд. Чтоб находилось занятие для «вторых членов» семьи, чтобы создавались новые семьи.

Однако такая замечательная забота о трудящемся люде таит в себе существенный изъян. С самого пуска фабрика воспринимается и ее могучими соседями, и «отцами города» не как полноценная хозяйственная ячейка, но как заведение, нужды которого не стоят серьезного внимания. Логика простая. Индустриальные гиганты берут на себя львиную долю забот о городе (строительство жилья, соцкультбыт), и все эти блага будут автоматически перепадать «вторым членам» уже сложившихся или будущих семей.

Но реальная жизнь безжалостно разрушает бумажное царство гармонии. Семьи продолжают формироваться не по отраслевому признаку, но совершенно хаотически. И судьба какой-нибудь передовой швеи, которая не пришла по вкусу сталелитейному или машиностроительному молодцу, оказывается весьма незавидной. Кроме того, на фабрике трудятся еще несколько сот мужчин, которые уж вовсе не имеют основания надеяться на блага гигантов индустрии...

В результате выходит, что в Комсомольске-на-Амуре швейная фабрика — самое обделенное по всем статьям предприятия союзного подчинения заботятся их мощные министерства. Мелкие предприятия, обслуживающие городские нужды — молокозавод, мясокombинат, хлебозаводы, — под крылышком исполкома. А швейники — сбоку припека. Оттого и живут на сиротском довольствии.

Районный коэффициент здесь — 1,2, а на соседних крупных заводах — 1,5. Явная нелепость! Ведь размер северной надбавки должен зависеть только от географического расположения того или иного района. Само собой разумеется, что предприятия, отстоящие друг от друга на две автобусные остановки и климатического пояса находятся в одинаковом положении. Так почему же, спрашивается, одним надбавку платят на тридцать процентов больше, чем другим?

С жильем — то же неравенство. За две последние пятилетки швейникам было выделено восемь квартир. Из 3200 ее работников остро нуждаются в жилье свыше 600 человек, то есть примерно каждый пятый. Иные (в том числе и начальники цехов) стоят в очереди на жилплощадь с пуска фабрики — тридцать лет, большую часть жизни. Сравните: даже на «Амурстали», где сейчас идет освоение нового самостоятельного производства — Перелестинского завода, из-за чего понаехало в город множество новоселов, очередники составляют лишь десятую часть коллектива.

А ведь известно: на тех предприятиях, где с жильем плохо, народ не держится. Швейная фабрика, конечно, — не исключение. Белёвкин с великой грустью заметил, что предприятие теряет многих специалистов. Не задерживаются тут и выпускники вузов.

Ну, а коли с кадрами худо, жди самых разных «побочных эффектов». Есть и они. За годы своего существования, как выразился Иван Иванович, «фабрика сгнила»: здание обветшало не по возрасту — провалились полы в нескольких цехах, потрескались стены. И теперь приходится параллельно с переналадкой всего производства вести в солидных масштабах капитальный ремонт. А строительной базы — никакой. «Ложки раствора приготовить негде», — сказал Белёвкин.

Далее. Оборудование сплошь устаревшее, в основном с постройки. На лучших предприятиях отрасли запущен поток третьего поколения, а в Комсомольске нет и второго. Правда, за последние два года удалось кое-какие новые станки и машины выбить. Но не в том количестве, чтобы можно было вести речь о комплексном техническом перевооружении. С транспортом — беда. За десять лет фабрике не было выделено ни одного нового автомобиля, только «объедки с барских столов». Из двух отслуживших век автобусов кое-как собрали один.

Так скажите на милость: стоит ли удивляться, что многие годы фабрика работала по старинке, дышала на ладан?

Но вот главный парадокс: и сегодня, несмотря на успех и достижения, несмотря на плывущие в казну доходы, несмотря на то, что с 1987 года фабрика работает в условиях хозрасчета, са-

Вымазали и правых, и виноватых. А ведь большая часть пассажиров вела себя нормально. Требования туристов по компенсации — законные. Если говорить откровенно, то можно было бы дело довести до скандала и пароход отправить, но я не считал нужным так поступать.

Безусловно, печально, что компенсация прошла с таким дьявольским напряжением, под неусыпным прицелом японских телекамер, еще раз показавших всему миру нашу неорганизованность и где-то — беспардонность, но вина ли в этом туристов?

«Вы знаете, люди себя по-разному вели в рейсе. Часть из нас себя вела так, что стыдно вспомнить. Пусть это останется у каждого на совести», — такие вот невеселые слова руководителя красноярской группы, сказанные им на импровизированной встрече во Владивостоке, передал мне Г. Пикус.

Не беремся судить, возможно, кто-то и был из ребят безудержно рад заморским товарам, а вот дискотеки никто не устраивал, но что верно, то верно, музыка звучала: был концерт, организованный командой теплохода «Константин Черненко». Вполне уместное и даже очень нужное для души и сердца мероприятие.

А считать деньги в чужом кошельке — занятие далеко не порядочное, не интеллигентно! Люди купили себе то (и на законную валюту), что считали нужным, это личное их дело. И совсем уж ни к чему подсматривать, кто чего и сколько несет... Ну, а коль корреспонденты занялись этакими бухгалтерией, то, подсчитав, они непременно должны были заключить: эти самые туристы выносили не только свою аппаратуру, но и имущество «Спутника» — 50 коробок с электронными счетными машинками, и тоже — «Шарп».

Авторы заметок, продолжая наблюдение за багажом туристов, в аэропорту, видимо, увлеклись, не поняли, что «специально заказанный рейс задерживается вовсе не из-за клади, не из-за того, что она не вмещалась в чрево самолета, а из-за того, что, во-первых, проходили всевозможные формальности; например, при пожаре сгорели билеты, а во-вторых, многие ребята слишком поздно появились в аэропорту... А с вещами, кстати, у «Аэрофлота» особых проблем не бывает.

Многие газеты справедливо отметили: японцы с искренним сочувствием откликнулись на наше горе, отнеслись к пострадавшим с удивительно трогательной заботой и вниманием. Словом, помогли как могли. В тот же прискорбный день, помимо прочей помощи, пошли пожертвования от фирм и частных лиц. И в общем-то сложилась приличная сумма. Как же ею распорядились туристы, «врачи» и «хапуги»? Все без исключения — каждый пассажир и член команды «Приамурья» — получили по 10 тысяч иен (47 рублей), а остальное — более 7 миллионов иен — передали семьям погибших, которым дано право взять их в валюте. В пересчете на советские деньги семья погибшего или погибшей получила более 10 тысяч рублей. Не в деньгах, разумеется, дело, но все же... Ведь эта самая валюта могла иметь иную судьбу, скажем, разошлась бы по карманам туристов и членов экипажа, однако люди поступили иначе: без дебатов, оговорок.

Многие ребята оказались в весьма сложном положении, вокруг них складывается особый морально-психологический климат: дома, на работе, в кругу друзей, товарищей... Быть может, в другое время послали бы все к чертям, но сейчас отступить — значит не только согласиться с надуманным, но и спасовать, дать укреплиться еще одной неправде, значит позволить и в следующий раз кому-то унижать и публично оскорблять. Были в ЦК ВЛКСМ. Я присутствовал на этой встрече: горячо, а порой слишком горячо они выплеснули то, что накипело за эти дни...

А что дальше?

ВКЛОНА

мофинансирования, самокупаемости, социального статуса трудового коллектива практически тот же, что и раньше.

Коэффициент к зарплате — прежний. С жильем, как ни бьется Белёвкин, нет реальных перемен: плохо помогает родное республиканское министерство, не желает войти в положение горисполкома. Навязывают предприятию и убыточный госзаказ, хотя само такое словосочетание противоречит здравому смыслу. Да еще к тому же постоянно увеличивают нормативы отчислений от прибыли: в 1987 году Минлепром РСФСР забрал из прибыли предприятия около 33 процентов, в 1988 году изымет уже больше пятидесяти. На будущий год еще на 5 процентов больше. И так далее.

За этими цифрами — весьма опасная тенденция: возврат к старым методам хозяйствования. Выходит, как и прежде, — чем больше заработал, тем больше отдай штату отрасли. Ему так удобнее. Деньги, добытые трудом и потом коллективов лучших фабрик, пойдут на покрытие чьей-то лениности, бездарности. Хотя министерство именно для того и существует, чтобы на всех своих предприятиях поставить дело толково и с умом. Словом, твердый «продналог» (такую-то часть прибыли отдай, остальное твоё), основа хозрасчета, заменяется — только медленнее и незаметно — «продразверсткой». А директор преуспевающей фабрики, коли не имеет возможности распорядиться заработанными коллективом деньгами, предстает перед министерством в роли бесправного просителя. Какую кроху с барского стола ни бросят, за всякую кланяться.

Скажем, как решается на фабрике транспортная проблема? Ездил Иван Иванович в Москву — сумел раздобыть две списанные хлебовозки. Вот пока и все «положительные сдвиги».

Между тем стало уже чуть ли не традицией повторять мысль М. С. Горбачева, высказанную им во время поездки на Дальний Восток: чтобы значительно повысить темпы развития региона, необходимо лучше удовлетворять самые разнообразные нужды его жителей, развивать социальную сферу, которая явно отстала.

Однако, как гласит восточная мудрость, сколько раз ни скажи «халва», сладко во рту не станет. За развитие социальной сферы, за повышение качества продукции и прочие лозунги дня ратуют все. Но в реальности, как видим, даже до элементарной справедливости в распределении благ дело пока не дошло. Доля предприятия (счастливая или несчастливая) по-прежнему зависит не столько от того, как оно работает, какой прибыль дает, сколько от того, к какой отрасли принадлежит. Экономические рычаги и ныне срабатывают так, будто государство очень нужны только сталь, прокат, ну и там разные твердые предметы из них, которые составляют «хребет» народного хозяйства, на которых зиждется оборонная мощь. А что «для населения» — дело третьестепенное.

Но всем уже ясно: при таком подходе сальдо с булды не сведешь. Потому хотя бы, что немалая зарплата работников «богатых» отраслей требует товарного покрытия. И ради того создаются на самих гигантах тяжелой индустрии цехи товаров народного потребления. Здешний народ пользуется всеми льготами, что достаются предприятию, хотя часто гонят продукцию весь-

ма сомнительных достоинств, которая особым спросом не пользуется.

Вот и возникает нелепая мысль: а что, если бы кому-нибудь пришло в голову сделать фабрику Белёвкина цехом товаров народного потребления, скажем, «Амурстали»? Абсурд, конечно! Но пока иного способа реально отблагодарить швейников за все, что ими достигнуто, не придумаешь. И уповать на хозрасчет, самообеспечение, самофинансирование и прочее тоже не приходится. Ну, будут у Ивана Ивановича крупные суммы на счете, что толку? Ведь им тоже нужно «товарное покрытие» — фонды. Оптовая же торговля средствами производства и стройматериалами в широких масштабах, чтоб каждый мог купить все нужное, когда еще наладится?

А уж то славное времечко, когда, имея деньги, можно будет легко найти строителя, который умело и споро соорудит тебе, что пожелаешь, пока глядится и вовсе сладкой грезой.

КПД «ТРУДОГОЛИКА»

Вот и приходится признать: как ни радуют успехи швейников, достигнуты они по старому рецепту — нашли умелого хозяйственника, он дело и вытнул. Конечно, опирался Иван Иванович на многие благие перемены, уже происшедшие. Однако крепкий руководитель и в прежние времена находил, за что ухватиться, даже если все как будто бы было против него. И как держалась страна на таких вот мужиках, так и ныне держится.

Но тут есть еще одно проявление социальной несправедливости. Сколько добрых слов наш брат документалист написал об истинных талантах — хозяйственниках, как поднимали мы их дружными усилиями. Но что стоят все наши восторги перед простой и очевидной истиной: целое общество, в том числе и мы, пишущие, пользуется непосильным трудом малого клана толковых руководителей, которые прикованы к своему делу, словно катржники к тачке, которые жизни не видят, ибо денно и нощно на пределе сил тянут свой воз.

Конечно, Белёвкин из этого клана. И хотя он к такой ситуации привык, впрягся и тащит, но все же у него, крепкого мужчины, вырвалось: «Вот на Амуре живу, а на рыбалке годами не бываю. По грибы в тайгу раз в сезон съездишь, и то редкость».

Но уж коли есть этот клан, не чувствующий своей жертвенности, не представляющий иного образа жизни, так использовать бы этих «трудоголиков» (слово, недавно введенное в языковой оборот Анатолием Стреляным) с толком, создавать им все условия, чтоб могли развернуться на полную мощь, работать с высоким КПД. Куда там!

У Белёвкина уже набрался целый «пакет идей», но реализовать их вряд ли скоро удастся. Вот только некоторые из них. Иван Иванович справедливо считает, что производство товаров народного потребления необходимо приблизить к рынкам сбыта. Здесь и проявление заботы о человеке, и возможность получить солидный экономический выигрыш на транспортных расходах. Такую цифру привел Иван Иванович: чтобы завезти на фабрику сырье на некоторое количество изделий, требуется один вагон. А чтобы готовые изделия, из того сырья произведенные, отправить потребителю, вагонов требуется уже пять. Помножим их на многие тысячи километров, отделеющиеся Дальний Восток от Европейской России. И станет ясно, насколько выгоднее всю потребную краю одежду производить на месте, а не везти за тридевять земель.

Белёвкин же часть своих курток отправляет весьма далеко от места производства. На одной из последних оптовых ярмарок так дело обернулось, что Хабаровск достались рожи да ножки. Оно, конечно, лестно — всероссийское признание. Но Иван Иванович

другим озабочен — так бы дело поставить, чтоб шить ту одежду, которая в родном крае да и по соседству разбирались бы подчистую. А региону — при его-то суровом климате — не одни синтетические куртки потребны: кожаные пальто, тулупы, дубленки. И все это фабрика уже научилась делать. Но производит в мизерных количествах, ибо не может найти поставщиков, способных давать сырье в нужных объемах.

Но это только одна сторона дела. Другая — надо с учетом малого числа жителей в регионе, с учетом всех сложностей с получением самого, казалось бы, нехитрого сырья дать больше прав фабрикам, расположенным в дальних краях. А пока все по-старому. Получила фабрика нитки не того тона, что должна была получить, — езжай в Хабаровск, пересогласовывай с торговой базой. А там любая «тетя Маша» — царь и бог. Показалось ей, что изменение тона прошивки не годится (а он явно ничуть не хуже) — и все, хоть производство останавливай.

Наконец, самый болезненный вопрос. Как по всем статьям обойти соседних японцев? Ведь, и верно, близко к тому дело подошло: фасоны отличные, сработаны куртки добротно, крепко. Но вот беда: фурнитура, отделочные материалы, замки, «молнии», разные колечки — такого качества, что... И уж совсем вроде бы мелочь: этикетки. Сейчас они печатаются на картоне последнего сорта, краски блеклые, текст «слепой», своего фирменного знака нет. Оттого, справедливо заметил Белёвкин, знаем мы иностранные фирмы куда лучше своих.

И сколько ни бьется Иван Иванович, этих третьестепенных вроде бы проблемочек решить не может. Вот вам и ответ на третий вопрос: есть ли шансы, что достигнутый успех будет развить? Тут опять пока общие перемены не в помощь. Все надежды на пробивные способности, на хозяйственную хватку Ивана Ивановича. Но сколько же еще можно на одного валить?

«МЕНЯЮ МЕД НА ДУБЛЕНКУ»

Иному покажется: к чему так подробно все про куртку да про куртку. Свет клином, что ли, на них сошелся? Ну пусть станут они даже лучше японских, порадуем модников, и все. Есть куда более важные проблемы, существенные для экономики региона и даже страны!

Есть, конечно! Да и эта немаловажная. Я еще раз в том убедился, когда в поселке Хор, что неподалеку от Хабаровска, разговорился с местным «дедушкой Яковом» — опытным заготовителем из кооперации Андреем Андреевичем Трофимчуком.

День был воскресный, для Трофимчука «присутственный», то есть такой, когда не разъезжает Андрей Андреевич на «Москвиче»-фургоне по соседним деревням и селам, собирая подготовленные сдатчиками мед, мясо или тажежную ягоду, но открывает крошечную свою лавочку, дабы каждый житель Хора мог прийти сюда заключить договор, выяснить все про сдаточные цены, словом, вступить в товарно-денежные отношения с кооперативом.

Устроились мы удобно: Трофимчук на традиционном своем продавцовском месте, а я с другой стороны прилавка, подтащив к нему стул. Андрей Андреевич, человек уже пенсионного возраста, похожий лицом на старичка-лесовичка, о службе своей рассказывал охотно и подробно, посвящая заезжего сочинителя во все ее тонкости.

Меня же к концу нашей беседы вот что удивило: почти никто плавному ее течению не мешал. Посетители были крайне редки. Заглядывали в лавочку мимоходом, скорее перекинуться парой слов с хозяином, нежели по делу.

Обратив на то внимание Андрея Андреевича, высказал я соображение, что, должно быть, коммерческая его деятельность продвигается не слишком успешно. Трофимчук кивнул: мол, верно, сегодня денек не из прибыльных.

Я поинтересовался: в чем причина? Межсезонье, что ли, или нечем торговать жителям Хора?

Андрей Андреевич даже на месте подскокил от несогласия:

— Да вы что! У нас в каждом дворе только свиней по 4—5 держат. Создай условия, я бы по одному мясу два-три плана запросто выполнил.

И он подробно стал мне объяснять, в чем суть экономического мышления потенциального сдатчика, то есть, считай, каждого жителя среднего села. Просто за деньги, пусть и немалые, он не хочет отдавать кооператорам продукты своего труда, созданные на подворье. Его и в тайгу, где сейчас грибов и всякой ягоды видимо-невидимо (зверье-то перестреляли, есть «дары природы» некому), только за деньги не выгонишь. Для него главное — товары встречной торговли. Появился сейчас в лавке Андрея Андреевича импортные джинсы, или дубленки, или куртки японские, тут очередь бы на всю улицу выстроилась. За такую обнову никто не пожалует свинью — даже в неурочное время — зарезать. Вон зимой дали Трофимчуку курток этих 200 штук, так он замучился: столько мяса натащили, складывать некуда.

И говорил Андрей Андреевич со знанием дела, основываясь на немалом своем опыте: дай заготовителю волюю этих товаров для встречной торговли — завалить можно будет край всякой первокласной пищей домашнего производства.

...Понятное дело, встреча с заготовителем припомнилась мне недаром. Андрей Андреевич видит одну сторону дела, а если взглянуть и на другую, получается нелепый парадокс. Ведь японцы товары свои поставляют не даром. По большей части в обмен на лес. И вот продаем мы лучшие наши лесные сокровища (видел я однажды, как загрузили на лесовоз кедр в бухте Ольга — высшего класса, бревнышко к бревнышку, каждое дерево добрых полтора века росло), на вырученную валюту покупаем курток, а с их помощью добываем у своего крестьянина мясо, мед и прочее, платя ему к тому же немалые деньги (сдаточные-то цены сегодня не грошовые).

И тут предстала мне фантастическая картина. Обеспечили Ивана Ивановича Белёвкина всеми теми мелочами, которых сегодня ему не хватает, создали настоящую рекламу (скажем, остроумные киноролики по две минуты, где ясно показано, в чем отечественная куртка превосходит японскую), дали, наконец, его продукции особое название — не скучное и длинное: изделия Комсомольской-на-Амуре швейной фабрики, — а человек, скажем, «куртка Ивана Белёвкина». И вот уже бегут к Трофимчуку соседки, теревят:

— Ты мне этот самый импорт не суй. Подавай вещь серьезную. Если уж в коммерсанты заделался, раздобудь куртку Белёвкина Ивана! Такая одежда нам в самый раз! Дубленку Ивана давай, а мы тебе и мяса, и меду, и ягоды.

А красавцы кедров остаются в отечестве и служат на пользу всему народу, в том числе и мужикам из села Хор. Или покупается за них техника, которую нам пока произвести действительно не по силам.

Вот вам и несущественная проблема — куртки.

Фантастическая картина? А в чем, собственно, фантастика? Ведь уже сегодня в некоторых городах в три кольца обвиваются очередными магазинами, где торгуют лучшими товарами местных предприятий. И Комсомольская-на-Амуре швейная фабрика прошла добрых девять десятых пути к тому, чтобы работать не хуже зарубежных коллег.

Вот и рвется из груди вопль, обращенный ко всем, кто планирует и организует хозяйственную деятельность «трудной промышленности»: помогите Ивану Белёвкину! Помогите! Ведь вовсе не так много надо сделать, чтобы фантастическая картина стала реальностью. Помогите! Это же всем нам во благо.

Элина ЕРЗИКОВА
 Фото Сергея ВЕТРОВА

Их появление вызывает безумный восторг дворян. Еще бы — расписные повозки, яркие костюмы, веселье, музыка! В Мордовском Канатее, помнится, одна старушка за цыган приняла. «И куда ж переселяетесь теперича?» — спросила.

— Итальянцы мы, бабуля, а не цыгане, — рассмеялся Калашников, — по селам ходим, представления даем!

Через несколько дней уже в Пензе, конечном пункте их путешествия, «итальянец» Александр Калашников признался, что давно мечтал, чтоб по русской земле прошел итальянский театр масок. Долго пьесу подбирал, чтоб была в ней и философичность, и социальная острота. Нашел — Питера Вейса «О том, как господин Мокинлотт от своих злосчастий избавился». И коллектив «Бума» взялся за постановку.

«Бум» — театр, который он, Калашников, создал восемь лет назад в городе Кузнецке Пензенской области. Тогда он записал в своем дневнике: «...А что, если театр назвать как-нибудь революционному, чтобы брызги из глаз. Что-нибудь вроде «Бах-бабах» или «Бум-бубум». А что, может, и правда «Бум»?»

Рисковал ли Калашников, называя театр столь многообещающе? Возможно. Но сейчас никто не скажет, что коллектив названия не оправдывает.

Сценической площадкой театру может служить даже... городской двор. Удивленные жители выходят на балконы, из окон выглядывают. Чтоб артисты во дворе играли — такого еще не видели. Когда «Бум» дает спектакль на основной своей сцене, в Доме культуры «Рассвет», зал обычно переполнен. Но Александру этого мало. Хочется ему, чтобы все стотысячное население Кузнецка спешило на представление «Бума».

— Понимаю, что мир «Бумом» не переделать, — Калашников не обольщается на этот счет. — Но мы будем бороться, идти в народ, будоражить его, взрывать пласты душевной инертности. Не получается камерным спектаклем, попробуем театром на плотках, не вышло театром на плотках, бабахнем «Балаганом»!

В «Балагане» — театре на повозках, кроме бумовцев, еще и пензенские артисты из студии пантомимы Александра Куприянова. И для тех, и для других это прекрасная возможность обменяться опытом...

...Едва влетит кавалькада в деревню, как уже мальчишки, встретив артистов, бегут по домам, народ созывать. Принарядятся люди — и на спектакль. Не в мягких креслах его смотрят — стоя. Это после трудового-то дня. Артистам тоже нелегко, весь день пешком шли. Машка, Бурка, Бубенчик — лошади крепкие, но реквизита много, нелегко им, так что в повозке ехать совестно. А исчезает усталость уже тогда, когда нетерпеливые зрители все настойчивее аплодируют, призывая начать спектакль. Алла Мальцева, художник, срочно артистов гримирует. Самый сложный грим у Алексея Булдыгина — он в пьесе бога играет. Володя Тамбовский, у него роль врача, свои «врачебные» инструменты выложит. Валерий Башкиров и Роман Богаткин еще раз маски правительственных персон осмотрят — не повредились ли в пути? Потом на несколько секунд за кулисами — ими служат повозки — стихнет, взоры на Наташу Шмарову обратятся. Она взмахнет смычком и... «Феличита!» — выдохнут артисты, ведь сегодня они итальянцы. Выйдут на «сцену» — яркий грим, огромные маски, пестрые костюмы. Эксцентриада в воздухе в стиле «дель арте» — так режиссер обозначил жанр. Только подтекст в пьесе П. Вейса невеселый. Заставляет задуматься, поразмышлять о человеке и современном мире. Если зритель уйдет со спектакля озадаченным, встревоженным — цель достигнута.

И снова в путь. До ночи нужно к летнему животноводческому лагерю выйти. Там рядом березовая роща, театр в ней на ночь расположится. А утром концерт для доярок. Концерт на рассвете — знакомо ли вам такое? И не для тысячи, даже не для ста зрителей, а для двадцати пяти. Им — песни, пантомимы, басни. Волнуются ребята — будто не в поле предстоит выступать, а на настоящих театральных подмостках.

Ради чего все эти мытарства? Ради самовыражения — это во-первых. И потому не так уж важно, где выступать, — в концертных залах или рядом с фермой. Артистам нравится людей радовать, просто смешить. В этом ребята находят второе призвание, ведь по профессии они инженеры, рабочие, педагоги, музыканты, а бродячими артистами становятся на время отпуска или студенческих каникул.

В больших и светлых залах лауреат премии комсомола Пензенской области народный молодежный театр «Бум» еще выступит. Но памятнее его артистам будет все же тот концерт на рассвете. Для двадцати пяти доярок.

И ВОКРУГ "БУМА"

Аркадий ПАЛЬМ

ЛОЖЬ НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ

Он не подал мне руки. Он вообще никому ее не подает, семилетний сын металлурга «Запорожстали» и работницы общественного транспорта. У него нет друзей, и он удрал из первого класса, сказав, что больше туда не вернется никогда. Он научился все делать левой ручкой — есть, писать, открывать и закрывать двери. Выходит гулять поздно вечером, когда во дворе нет сверстников; он их ненавидит за то, что, завидев его, они кричат: «Лягушонки!».

Он таким родился — со сросшимися и недоразвитыми пальчиками на правой руке. Иногда он подходит к девочке из соседнего дома. Она не дразнится, разговаривает печально и тихо. И в жару, и в холод на голове девочки вязаная шапочка: у нее нет ушей. Она такой родилась.

Вот и сейчас из окна опять я вижу: они играют — прыгают по очереди в кружки и квадраты, нарисованные мелом на асфальте. Асфальта в городе много, настоящей земли мало. На той, что осталась, растут тюльпаны, посеченные кислотными дождями. Девочка бежит к обочине дороги и возвращается с одуванчиками. Эту игру я знаю. Она называется «охота на пушистики». Надо дунуть изо всех сил, и тот, чьи парашютики улетят дальше, выигрывает. Девочка спотыкается и падает. Мой знакомец раскрывает объятия и поднимает подругу. Она целует его сросшиеся пальчики. Мальчик вздрагивает и, заливаясь слезами, бежит прочь. Мое сердце обливается кровью.

Я — один из девяносто тысяч горожан Запорожья. На мою душу приходится примерно четыре тонны чугуна, шесть — стали, три — кокса, четыре пары башмаков, семь рубашек, колесо от автомобиля «Запорожец», но я глубоко несчастен. Таким родился в 1930 году, известном как год «великого перелома».

Мой отец — инженер-строитель, был

прорабом на «Запорожстали», потом воевал и снова строил. Я с детства привязан к заводским трубам и стал их заложником. Они внушают мне страх, от которого немеют руки и ноги, а сердце превращается в ледяной камень. Камень с годами становится все больше и тяжелее. Я знаю отчето: каждый год 18 тысяч труб, трубочек обрушиваются на него тонну пыли, кислот, щелочей, сточной воды в той адской смеси, в которой участвуют все элементы таблицы Менделеева. Отрава вошла в мою кровь с молоком матери.

Скажите, отчето все так усердно заботятся о моей душе? Сколько можно совать в нее чугуна и стали, да еще пополам с пылью и отравляющими веществами? А теперь вот стараются втолкнуть конвертеры. Разве я просил Министерство черной металлургии СССР о таком подарке? И никто из жителей моего города не просил. Хотя отчето же «никто»? Желающие есть, но о них чуть позже.

На старинных географических картах неизвестные земли обозначали белыми пятнами. Судя по некоторым документам, Запорожье — все еще terra incognita, во всяком случае, мир еще не знает всей правды о ней. Да и как узнать, если до недавнего времени информация об условиях жизни подле плотины Днепрогэса имени В. И. Ленина держалась под строжайшим секретом. Прочтем, не пропуская ни единой буквы.

«Заместитель Главного государственного санитарного врача Украинской ССР. О порядке выдачи информации. Главным государственным санитарным врачам областей, городов Киева и Севастополя. Копия: Главному врачу республиканской санэпидстанции МЗ УССР т. Сергееву Г. К.

В соответствии с письмом заместителя Главного государственного санитарного врача СССР № 121-6/3,8-11-3» от 10.06.83 г. данные, получаемые сан-

эпидстанциями, городов, в которых введена система сбора информации об изменениях в состоянии здоровья населения, связанных с загрязнением окружающей среды, в настоящее время должны направляться только — один экземпляр в адрес Главного санэпидуправления Минздрава СССР и один экземпляр в адрес Главного санэпидуправления Минздрава УССР и не должны выдаваться никаким другим организациям, в том числе и научно-исследовательским институтам. Прошу Вас положение о выдаче информации довести до сведения главных врачей городов, в которых введена вышеуказанная система, и возложить на них ответственность и контроль за ее сохранностью. М. С. Мухарский»

Поразительный документ! Чиновники в белых халатах старались скрыть тот факт, что 112 промышленных предприятий своим варварским отношением к природе загадили биосферу до такой степени, что генный механизм людей стал давать сбои. Лягушачья лапка мальчика Димы и открытая ушная раковина девочки Зины — грозное предупреждение.

«Запорожсталь», славный первенец пятилеток, вывел город на первое место в стране по степени загрязнения природы. Среди выбросов — бензопирен.

Классический опыт: часть тела грызуна смазывают бензопиреном. Через некоторое время образуется злокачественная опухоль. Бензопирен поставляет и «Запорожсталь». Допустимая концентрация его — одна стотысячная грамма на кубометр воздуха. Двадцать, к примеру, килограммов в год этой отравы заражают два триллиона кубометров воздушной атмосферы! Дело осложняется еще и тем, что сколько-нибудь эффективных средств обнаружения газа практически не существует. А невидимка делает свое дело.

А что такое угарный газ? А вот что. Он в 200 раз активнее кислорода свя-

зывает в крови гемоглобин. Удар — по сердечно-сосудистой системе.

Серная кислота — отравляющая из отрав — образует кислотные дожди, ставшие частыми гостями в Приднепровье. Погибающая в последнее время огуречная завязь — следствие воздействия на нее и оксида серы.

Меня удивляет деятельность Минздрава СССР по борьбе с курением. Ну, на кого сегодня действуют примеры с граммом никотина на душу лошади? Обвинения в адрес курильщиков как-то заслоняют вину заводских труб, чьи дозы уже на мою душу исчисляются тоннами. Таблички же «Минздрав предупреждает...» я на трубах не видел. Зато стены заводских профилакториев и рабочих общежитий увешаны блудливыми плакатами: «Здоровье каждого — богатство всеобщее». Ложь — многолика.

Оставим пока в покое директиву заместителя Главного санитарного врача СССР, одну из многих подобного рода. Отметим ее антиконституционную направленность против права человека на охрану здоровья. Не забудем и то обстоятельство, что блокирование информации о состоянии окружающей среды делает человека игрушкой обстоятельств. Собственно, так и произошло с населением страны в первые дни черной трагедии. Одной из экстренных мер, пресекавших панику, стала правда о случившемся на атомной станции. Что же касается науки, отлучаемой от истины, то и эта мера вполне согласуется с основополагающим принципом командно-бюрократического управления — достижения цели «любой ценой». В том числе и ценой полуправды, а то и вовсе откровенной лжи. Когда ее стали щедро отпускать на душу населения?

После Ленина. При Сталине. На путях истории столкнулись две концепции социализма. К сожалению, тот локомотив, что привез тело Владимира Ильича

из Горок, остался на запасном пути, а если и прицеплялся к составам, то только к тем теплушкам, в которых вели соработники Ильича на каторгу и на расстрел. Принцип «любой ценой» усат, поблескивает амбразурами пенсне и всегда пахнет кровью и страхом. Среди изобретений «великого вождя» — лицемерие, возведенное в ранг государственной политики...

Однако нам пора на «Запорожсталь». Комбинат первоначально замыслился совсем иным. Предполагалось, что корпуса его поднимутся в сорока километрах от города (там, где сейчас находится Вольнянск). Скоростные трамваи будут приводить людей на работу. Само Запорожье мыслилось как зона комфортабельного проживания. Никаких заводских труб. Развитие — за счет предприятий легкой промышленности и сферы быта. Рассказывают, что Сталин отодвинул проект и, тыча в него трубкой, сказал, что рабочие должны ходить на производство пешком.

Черная металлургия развивалась по этому принципу, задавая тон остальным ведомствам. Судьбы Запорожья, Днепродзержинска, Мариуполя, Донецка, Челябинска, Макеевки, Днепропетровска были во многом предопределены основополагающими указаниями Сталина и его приспешников. Для меня деформация социализма связана с размещением металлургических, химических, энергетических мощностей вплотную к жилым домам, школами, стадионами, всем, что называется средой обитания человека. Пятидесятое место в мире по детской смертности (49 стран имеют уровень смертности ниже, чем СССР) социальным завоеванием не назовешь.

Итак, выбор для комбината места на северо-западе города был ошибкой. Проектанты не учли малости — розы ветров. Запряженные в идею «не надо ждать милостей от природы», с ее законами, естественно, не считались. Между тем господствующие ветры над городом — именно северо-западные. Неблагоприятные метеорологические условия держатся 149 дней в году. Горожане, живущие в центре, на заповедной Хортице, оказались на пути «железного ветра». А в безветрие химический пресс прижимает все живое к земле.

Строили завод вчерашние малограмотные крестьяне. В отличие от разоренного, голодного села стройка давала верный кусок хлеба. И это было благом, ради которого забывались землянки, бараки, палатки...

Энтузиазм, воспетый в стихах и прозе, запечатленный в живописи и кино, держался преимущественно на ручном труде. А это, в частности, означало безудержную эксплуатацию здоровья. Дашь много-много чугуна, угля, электроэнергии, и все будет хорошо! Социализм представил огромный лабазом, из которого всем достанется уравниная доля. Такая шкала ценностей не оставляла или почти не оставляла места для понимания здоровья человека как основного капитала нации.

Вдумаемся в формулу: 1,5 миллиарда рублей на основное производство (металл) равно 68 миллионам на социальную культуру, здоровье, духовное совершенствование. Именно по такой формуле Минчермет СССР задумал реконструкцию «Запорожстали».

Позвольте, но ведь это дорога вспять! Домны «Запорожстали», до сих пор не имеющие газоочистки, ее мартерны, прокатные цеха, коксовые батареи поглотили львиную часть средств. На экологические объекты и на социальную культуру потрачены копейки, «то, что осталось». «Любая цена» и «остаточный» принцип — две стороны одной медали.

В открытом письме министру С. В. Колпакову, опубликованном в областной газете «Индустриальное Запорожье» (под которым и я готов поставить свою подпись), горновой А. Гриб, сталевар А. Ломовцев, валь-

цовщик, депутат Верховного Совета СССР В. Орлов и их коллеги пишут: «Более всего нас волнует сам подход к реконструкции комбината. Не гущая красок, прямо скажем: налицо прямое забвение, если не игнорирование, основополагающих принципов, об обязательности соблюдения которых речь шла на XXVII съезде КПСС, последующих Пленумах, в выступлениях М. С. Горбачева, в материалах XIX партийной конференции, требующих комплексности реконструкции предприятий и приоритета в этом деле социальных программ».

Что такое 68 миллионов рублей, отстегнутых Минчерметом на социальную культуру? Сущий пустяк. Их едва хватит на отселение тридцати тысяч человек из так называемой санитарной зоны. Куда им деваться, в какие квартиры? Заинтересованного и гуманного ответа нет. Надо также отселить школы, больницы, ПТУ. Где, кто, когда станет строить новые помещения? Ответа нет. К тому же грандиозная стройка потребует максимального напряжения сил маломощных строительных организаций. А это, в частности, означает, что программа обеспечения жильем каждой семьи к 2000 году превращается в иллюзию, равно как и другая государственная программа — по улучшению санитарного состояния окружающей среды. Сама по себе реконструкция ровным счетом никак не оздоровит экологическую обстановку. Тонна отравы на мою душу остается неизменной.

Любопытен метод проникновения Минчермета на промышленную площадку Запорожья. Закон запрещает в этом регионе какое-либо новое строительство, но благоволят к иному термину. Поднаторешив в подмене понятий проектанты «Укрпромега» воспользовались лазейкой. В официальных документах, рассматриваемых и утвержденных правительством, гигантская новостройка выглядит заплаканной сироткой по имени «Реконструкция». Обман удался, как в добрые старые времена. Мораль — говорить одно, а делать другое — торжествует.

Правда, на пути бульдозеров, осваивающих нулевой цикл, вдруг стал рядовой санитарный инспектор Борис Яковлевич Иванов. Он поступил неожиданно дерзко: пошел в банк и наложил арест на финансовые счета строителей. Санитарный инспектор презрел инструкции заместителя Главного санитарного врача СССР и не стал по стойке «смирно».

Иванов проснулся знаменитым. Его стали узнавать на улицах. Одновременно местные газеты на своих страницах начали обсуждение проекта реконструкции. Увы, обсуждение запоздавшее, под смехи бульдозеристов, конечно же, сполна получающих свою зарплату. Иванов арестовал одни счета, А. Герасименко, заместитель директора комбината по реконструкции, завел иные.

Директор комбината В. Сацкий и секретарь парткома Л. Анисимов заняли круговую оборону: «Нас обвиняют — чуть ли не в экологической диверсии... Чистый воздух — это великолепно, но ради него от легковой автомашины, да еще по доступной цене, никто не откажется... Всем известно, что «Запорожсталь» делает прокат для автомобилестроителей».

Аргументы — что надо. На выбор — или чистый воздух, или автомобиль по доступной цене. Здоровье или товар из лабазы. Но это еще не все. Оба руководителя выступают как верные стражи ведомственных интересов: «Мы понимаем, что в городе есть трудности с водоснабжением и канализацией, но нельзя же все городские нужды оплачивать за счет нашего предприятия».

Очень давно В. И. Ленин заметил: «Все у нас потонуло в паршивом бюрократическом болоте «ведомств». Большой авторитет, ум, рука нужны для по-

вседневной борьбы с этим. Ведомства — говно, декреты — говно. Искать людей, проверять работу — в этом все». Но где искать таких людей? Кадры, конечно, есть, но видите — Сацкий и Анисимов: «Наше», «ваше»... Погодите! Их речи, не лишённые вкрадчивости, что-то мне напоминают. Вспомнил! Купцов из драмы Островского. Однако дело не в конкретных лицах, а скорее в тоне: так разговаривают богачи с бедняками! Страсти вокруг «Запорожстали» удивительно напоминают дележку богатства из того самого лабазы, где моей душе вместе с облаком пыли выдают тонны чугуна, штуки рубашек, пары обуви, «дешевый» «Запорожец» и прочее...

Своя ведомственная шинель каждому управленцу ближе к телу. Хотите, чтобы за счет комбината вам канализацию, фильтры, отстойники? Может быть, и электросон под миртовым деревом, как в лабораториях академика медицины Казначеева? Не будет такого до тех пор, покамест мы, «верха», распоряжаемся миллиардами! Нам лучше знать, на что их тратить. Ликуйте и в ножки кланяйтесь за то, что реанимируем первенца отечественной металлургии. Пора бы понять: у кого в кармане больше денег, тот и пан.

Может, где-то господствуют иные ветры, а здесь, в Запорожье, по-прежнему дуют с северо-запада. В моей комнате закрыты окна — не помогает. Пыль, кажется, сочится сквозь стекла. Она повсюду — на подоконниках, на полу, на кровати. Вытирай не вытирай — меньше не становится. Тонна, как постоянная планка.

Лгут те, кто клянется, что ПДК — предел допустимой концентрации отравляющих веществ в воздухе, воде, земле с заменой мартеновских печей на группы конверторов снизился. Сам термин ПДК — надувательство, придуманное для усыпления общественного мнения в угоду браконьерам из Минчермета. Предельность — уже грань между здоровьем и болезнью, жизнью и смертью. ПДК в отдельных точках города превышены в 10—25 раз! Минное поле — уже почти без всякой надежды на то, что удастся сделать в нем проходы. Многократно брачуясь между собой, элементы периодической системы порождают до поры до времени молчаливых чудовищ. Я не удивлюсь, если завтра ученые придут к выводу, что одной из причин, вызвавших на свет СПИД, явилась защитная реакция природы в ответ на групповое насилие, организованное человеком. Наверное, не без оснований считается, что истончение озонового щита над планетой не обошлось без гомо сапиенса. Есть в этом доля и «Запорожстали». Есть.

Не могу поверить, что стране недостает черного металла. Наша промышленность производит его больше, чем любая иная страна. — 161 миллион тонн стали в год. Догнали и перегнали. Однако ожидаемого благоденствия не наступило. Наоборот, душа населения оказалась на пороге кризиса. Перестройка — выход из него. Известно и другое. США, например, выпускают всего 75 миллионов тонн стали. Зато из нее производят в два раза больше оборудования для нужд научно-технического прогресса. Может быть, стоит поучиться добиваться оптимального результата за счет внедрения принципиально новой технологии, а не менять шило на мыло, как это предусматривается проектом реконструкции комбината?

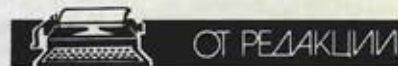
Разумеется, специалисты из Совмина СССР знают, как поступить наилучшим образом. Можно облагородить комбинат путем наращивания очистных сооружений до уровня японских. Среди альтернатив также «Комбинат экологии», предлагаемый кандидатом технических наук, лауреатом Государственной премии СССР А. Нагорным. Это принципиально новый подход к проблеме.

Представим себе: в подземный завод по специальным магистралям сходятся все сбросы промышленных и бытовых объектов города. В специальных реакторах происходит превращение отходов в биосферные формы вещества. Технология уникальная — комбинат будет не потреблять ресурсы, а воспроизводить их заново! Заманчиво, не правда ли? Человек использует воду, воздух, уголь, добавки к основному производству, а через какое-то время вновь возвращает их в «натуральном» виде. Помимо утилитарного значения, такой комбинат восстанавливает утраченную связь человека с биосферой.

Проектом предусмотрено три очереди ресурсосберегающего хозрасчетного предприятия. Первая — Запорожье избавляется от химического загрязнения. Вторая — восстанавливаются разрушенные индустриализацией и урбанизацией природные ландшафты и экосистемы. И, наконец, третья — максимально повышается степень замкнутости ресурсооборотов, и регион становится образцом экологизации хозяйственного механизма. Такой подход к делу, на мой взгляд, наиболее отвечает идеалам социализма. Стоимость проекта в пять раз дешевле, чем реконструкция «Запорожстали», — 300—350 миллионов рублей.

Четверть века группа А. Нагорного бьетесь над своим детищем. На словах их все поддерживают... Артисты Ленинградского театра имени Ленинского комсомола высказали желание создать специальный фонд и готовы перечислять в него деньги. Однако одними мирскими пожертвованиями не обойтись.

Реконструкция рассчитана почти на четверть века. Такое будущее, где ежегодно будут выбрасывать в атмосферу 120 тысяч тонн особо вредных для здоровья осадков серы и углерода, не считая астрономических объемов стоков, сбрасываемых в Днепр, веры в перестройку не вселяет. Затратный механизм экономики оттого так и называется, что нацелен на грабеж ресурсов здоровья каждого из нас. Вы хотите, чтобы ваших детей и внуков, товарищ Колпаков, называли «лягушонками»? Переезжайте. Я с удовольствием предоставлю Вам свою жилплощадь. А ведь, может статься, что люди вообще перестанут подавать друг другу руки. Рук не будет. Такими родятся.

Публикуя этот эмоциональный, полемичный материал, мы прежде всего исходили из того, что в нем содержится не просто критика существующего в Запорожье положения, но и конкретное, конструктивное предложение. Поэтому мы обращаемся к заместителю Председателя Совета Министров Геннадью Георгиевичу Ведерникову, курирующему Минчермет, и президенту Академии наук СССР Гурью Ивановичу Марчуку с просьбой обратить внимание на проект «Комбината экологии», созданный лауреатом Государственной премии СССР А. Нагорным. Может быть, это как раз тот проект, реализация которого позволит решить весьма серьезные экологические вопросы, стоящие сейчас перед многими городами.

Мы надеемся, что Вы лично, уважаемые Геннадий Георгиевич и Гурий Иванович, и подведомственные Вам учреждения с вниманием отнесетесь к этому проекту и сообщите нашим читателям, насколько целесообразно его использовать, а если он действительно перспективен, то и найдете пути для претворения его в жизнь.

Взять интервью у Андрея Чеснокова — дело нелегкое. И не потому, что он неохотно общается с журналистами. Просто встретиться с ним легче где-нибудь во Франции или в Америке, чем дома — такова жизнь лучшего теннисиста страны. И все же в короткую паузу между очередными турнирами он согласился ответить на вопросы корреспондента «Смены».

— Андрей, только что стало известно о присуждении тебе приза «Золотой апельсин», учрежденного Международным союзом журналистов для спортсмена, наиболее легко идущего на контакт с прессой. Поздравляю! Давай поговорим о Чеснокове — первой ракетке страны и о проблемах твоей «беспроblemной», как многие считают, жизни. Ощущаешь ли ты себя теннисистом номер один? Я имею в виду не спортивную сторону, а, скажем, житейскую. Первенство в спорте — это популярность, друзья, автографы... Ты лично спокойно ходишь по улицам?

— Вообще-то спокойно. Парадокс в том, что в Союзе меня знают меньше, чем за рубежом. Хотя, конечно, знают, что есть такой Андрей Чесноков, который неплохо играет в теннис. Но чтобы узнавать в лицо где-то на улице, в метро — здесь мне не сравниться с популярностью футболистов или хоккеистов. И дело вовсе не во мне самом. Не моя собственная популярность, а популярность тенниса — вот проблема.

Я очень люблю футбол, но мне иногда кажется, что «Советский спорт» скоро превратится в приложение к «Футболу-Хоккею», а не наоборот. Целые полосы посвящены футболу, на ТВ — специальная передача. Словно других видов спорта просто не существует. А что остается теннису? Три строчки в газете с информацией о том, кто выиграл в финале какого-либо турнира. Не думаю, что в ФРГ или во Франции меньше любят футбол, но там издается масса теннисных журналов, все турниры транслируются по телевидению, и там меня узнают на улицах. Повторяю: дело не во мне, за теннис обидно. Не знаю другого вида спорта, который бы так гармонично развивал человека. А у нас, как это ни прискорбно, до сих пор отношение к теннису, как к спорту избранных.

— Но ведь и не без оснований. Экипировка теннисиста — дело не дешевое.

— Истинный любитель, «фанат», будет играть в обычных кедах и обычной деревянной ракеткой и получать от этого удовольствие. Мне всегда смешно и грустно смотреть на разодетых в «фирму» пиджачников с дорогими ракетками. Они ведь не играть пришли на корт, а себя показать. Вот из-за них и считают теннис «буржуйским» спортом. Что получается: форма — дефицит, корт — дефицит, ракетки, мячики — дефицит. А кто у нас на «ты» с дефицитом? Понятно, да? А если бы дефицита не было и все было доступно, — на корт пришли бы истинные любители.

Кажется, мы ушли в сторону от вопроса. Еще вот что скажу: я, конечно, профессионал, и играю не ради игры, а ради победы. Но кроме всего прочего, хочу выигрывать для того, чтобы на теннис у нас обращали больше внимания. Вот после победы Беккера в Уимблдоне начался колоссальный теннисный бум в ФРГ. Может, и мне что-то удастся сделать для тенниса у нас в стране?

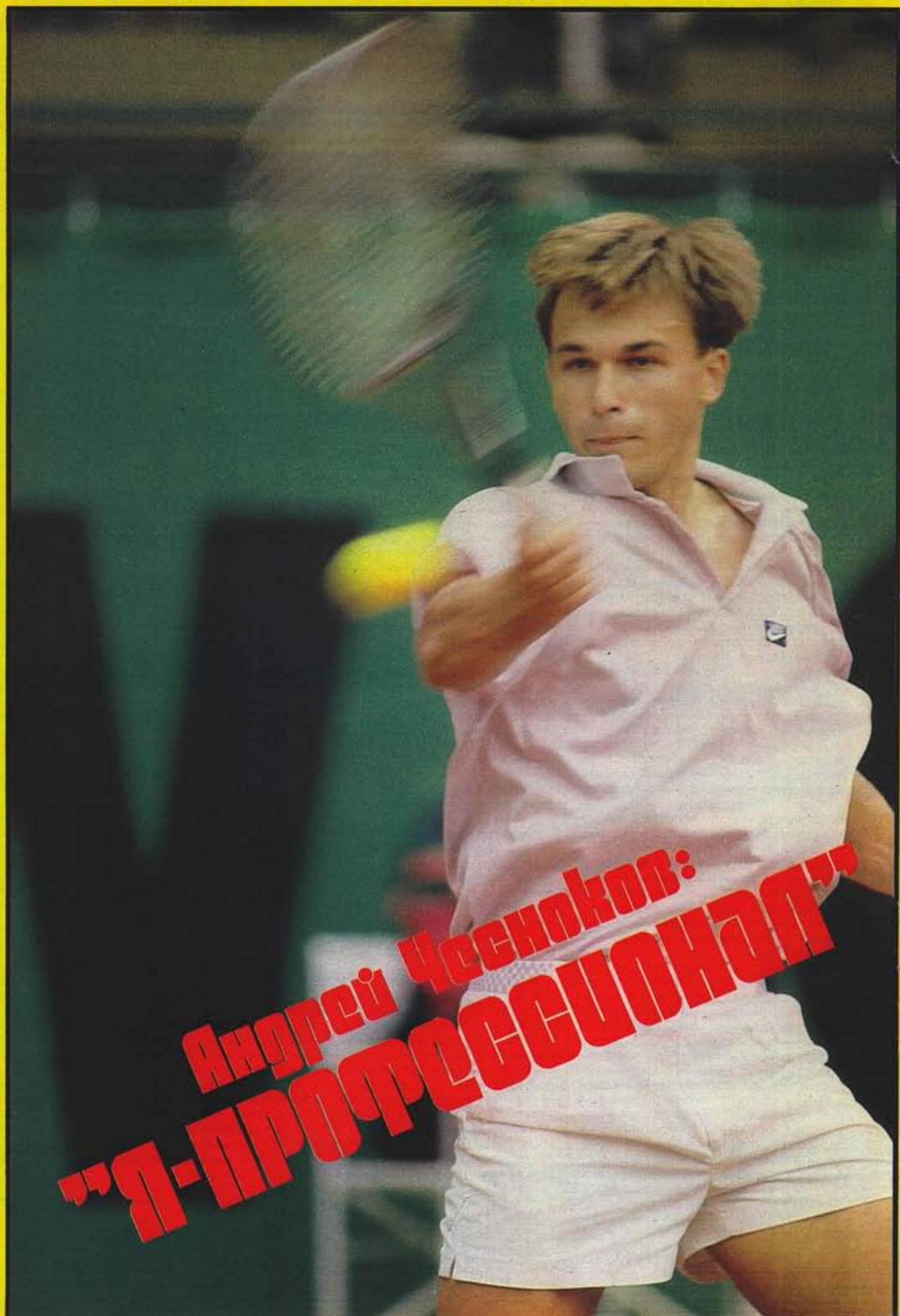
— Ты назвал себя профессионалом. Как ты относишься к такому способу зарабатывания денег?

— А чем он хуже других? Конечно, я не стою у станка, но ведь и артисты тоже не вагоны разгружают, и ты сам не создаешь материальных ценностей. Почему артист, журналист, комсомольский работник — это профессия, а спортсмен — нет? Я знаю эти разговоры о «райской» жизни спортсменов, дескать, они на всем

готовеньком, едят-пьют за казенный счет, поездки за границу, квартиры, машины — да еще деньги им платят! За что? Запретить! Отказать! А ну его за станок, пусть, мол, узнает, как деньги зарабатываются! Я спокойно отношусь к таким разговорам: не хочет человек понять, так ему все равно не докажешь, как оно есть на самом деле. Но тот же крикун покупает билет на футбол или на теннис и требует зрелищ. Игры от нас ждут

профессиональной, а платят за труд по-любительски. Мне не понятно отношение к спортсмену, как к дармоеду. Я, например, только с января этого года заработал стране больше 200 тысяч долларов.

— Это стране. А себе?
— Приведу пример. За победу на турнире в Орландо я получил изрядную сумму. Они были переведены на счет Госкомспорта, я их и не видел. А здесь, дома, мне вручили премию,

Андрей Чесноков:
"Я - профессионал"

которую можно назвать символической. Это — мне, а другие наши теннисисты и того не имеют. Можно, конечно, сказать, что нас экипируют бесплатно, возят на турниры, но цифры все равно несопоставимы.

— И ладно бы, эти деньги шли на развитие тенниса в стране, но этого что-то не видно... Ты общаешься на турнирах с профессиональными игроками, им, наверно, трудно понять, как такое может происходить.

— Для них это — неразрешимая загадка. Теннисисты хорошо знают друг друга, мы кочуем с турнира на турнир из года в год. Уже есть не просто знакомые, но и друзья. Так вот, я своих друзей не всегда могу

— Я еду туда работать. График очень плотный: аэропорт — гостиница — корт. Иногда свозят на экскурсию или время найдется просто погулять. Но это редко, да и устаю сильно. Ну и потом, когда ты в двадцатый раз приезжаешь в один и тот же город, как-то не тянет гулять. Читаю в основном. Приходится и учебники с собой брать — ведь учусь в институте физкультуры.

— За год ты играешь более чем в 20 турнирах за границей? Кто планирует график твоих игр? Зависит он от тебя и твоего тренера или это целиком прерогатива Госкомспорта?

— В этом году я играю по индивидуальному графику. Чтобы удержаться на высоком месте в компьютере, высчитывающем рейтинг теннисистов, надо играть ежегодно более чем в двадцати турнирах, причем серии «Гран-при». Это гарантирует, что компьютер тебя «не забудет». Поэтому, если высоко «стоишь», нет смысла участвовать в менее серьезных соревнованиях. У меня сейчас в этом отношении положение довольно благополучное. А вот, к примеру, Сашу Волкова посылают играть в турнирах серии «сателлит» — для тех, кто еще не набрал «вступительного взноса» в компьютер. Саша, занимающий место в первой сотне мировой классификации, попал в число 16 сильнейших не где-нибудь — в Уимблдоне, а играет с теми, чье место в третьей — четвертой сотне! Причем для него очки, набранные там, не имеют никакого значения, а те, кто играет с ним, зарабатывают на нем. Как в Госкомспорте этого не понимают?

— Думаю, понимают. Но так жить спокойнее тем, кто отвечает за теннис: выиграл игрок турнир — тебя похвалили, проиграл — начальство начинает спрашивать: «Как же так, вы чем там занимаетесь?» Вот и уходит, что лучше посылать спортсмена на слабый турнир, где он с гарантией сыграет успешно. Не оттого ли наши 17—18-летние теннисисты ездят на детские турниры, хотя их зарубежные сверстники уже давно играют во взрослых и накапливают мастерство и опыт?

— Да, это так. То же самое происходит и дома. Когда-то Татьяна Федоровна Наушко, мой постоянный тренер, осторожно «подпускала» меня к взрослым. А сейчас или игрок сразу начинает играть и быстро «ломается», или до 18 лет ездит по детским турнирам, а потом просто не в состоянии противостоять старшим игрокам.

— У нас не так уж много высококлассных игроков. К примеру, Швеция может выставить 2—3 практически равноценные команды на Кубок Дэвиса, а мы с трудом набираем одну. Ты лично чувствуешь серьезную конкуренцию на союзных турнирах?

— Безусловно. Говорить, что у нас нет классных теннисистов, нельзя. И то, что я занимаю первое место по классификации, не означает мою недосыгаемость. Подтверждение тому — мой проигрыш в финале первенства СССР 1986 года Александру Звереву. Серьезные соперники для меня Волков, Высанд, Долгополов, Черкасов. Но все же надеюсь еще не скоро уступить первенство.

— Тебя трудно победить еще и потому, что с тобой не легко встретиться на турнире в Союзе. Не говоря уж о второстепенных, но даже в первенстве СССР ты не всегда участвуешь.

— Вообще-то в первенствах СССР я стараюсь участвовать и в других турнирах тоже, если есть возможность. Но в профессиональном теннисе закон жестокий: пропустил 2—3 турнира — и уже компьютер опускает тебя на несколько ступеней вниз. А это значит, что в следующем турнире в первом же круге попадешь на сильного игрока, «сеянного», и в каждом последующем круге — тоже.

Удастся выиграть — хорошо, но к финалу ноги протянешь. А если «не стоишь» высоко, то и соперники в первых кругах полегче, чтобы сильнейшие сошлись ближе к финалу. Так что я просто не могу пропускать турниры за рубежом. Другое дело, если бы такие турниры проводились у нас в стране. Сколько было бы пользы! Но Госкомспорт что-то не очень рвется взяться за организацию, хотя я уверен, что все затраты окупятся. Только доходы от рекламы чего стоят.

— Андрей, ты когда-нибудь задумывался о своем будущем, о времени, когда перестанешь выступать? Есть у тебя какие-то планы?

— Не рановато ли говорить об этом всерьез? Мне 22, и я надеюсь еще лет десять поиграть. Кажется, Наполеон говорил, что полководец, слишком много внимания уделяющий резервам, обречен на поражение. Мне сейчас хочется думать о победах. Вот Джимми Коннорс, ему уже 36 лет или еще 36 — не поймешь. Легендарный игрок, и ведь не думает уходить «на покой»! Теннис — это жизнь, а как можно уйти от жизни? Я еще ничего конкретного не придумал для себя в будущем, знаю одно — буду при теннисе. Может быть, тренером, а может, кооператив открою, посмотрим. А вообще у нас не ценят опытных спортсменов, ведь их можно с большой пользой привлекать в качестве спарринг-партнеров, как это делается в других странах.

— Как ты относишься к тому, что на Олимпийских играх будут выступать теннисисты-профессионалы?

— Я приветствую допуск профессионалов на Игры в принципе, а не только в теннисе. Ведь получается так, что мы искусственно делим спортсменов на «своих» любителей и «чужих» профессионалов. Кто сейчас поверит, что наши футболисты из олимпийской сборной работают на заводах и ни копейки не получают за футбол? Надо честно смотреть на вещи, и эта честность не делает нас хуже. Наоборот, спрос с профессионала идет по большому счету, а с любителя — какой спрос? В общем, я — за профессионализм. Что касается Олимпиады, то шансы наши на медали, конечно, уменьшились, но вовсе не исчезли. Или мы у «профи» не выигрывали? Зато турнир будет зрелищным и цена победы — куда выше.

— Бывают у тебя в жизни моменты, когда ты ненавидишь теннис?

— Конечно, недаром говорят: от любви до ненависти один шаг. В таких случаях надо уметь переключаться на что-то другое. Для меня это музыка, марки. Марки коллекционирую давно, это увлечение серьезное, и уж если я открыл альбом — забываю обо всем. Но марки не всегда под рукой, особенно на турнирах. А после непрерывной серии из 3—4 турниров подряд бывает такое состояние, когда на ракетку смотреть не хочется. Здесь бы, конечно, мог помочь психолог, но я могу об этом только мечтать, хотя многих зарубежных игроков сопровождает психолог, помогающий и настроиться на матч, и разрядиться после него. А со мной и тренера-то не всегда пускают.

— А тебе все еще нужен тренер?

— Вопрос дилетанта! Конечно, нужен. Я играю один турнир, второй, третий. Усталость накапливается, и мышцы начинают «забывать», как правильно работать при подаче, при ударе. Вроде все правильно, но есть какой-то нюанс, от которого все зависит. И заметить его может только тренер. Заметить и подсказать.

— В нашем журнале недавно была опубликована статья под названием «Чемпионы с протянутой рукой». Она о проблемах спортсменов, отдавших спорту все, в том числе и здоровье. Мы редко задумываемся над тем, куда уходят мастера, которым недавно рукоплескали арены, как складывается их жизнь.

— Читал, все, что там сказано, правда. Есть физкультура и есть большой спорт. Физкультура дает здоровье, большой спорт его отнимает. Я стараюсь не думать, что и меня может постигнуть участь Ткаченко или Сабониса... буду ли я нужен Госкомспорту, которому сейчас пополниваю валютную «казну»? Не уверен. Слишком много примеров обратного. Давай не будем о грустном.

— Хорошо. Представь, что ты выиграл Уимблдон. Как ты распорядишься денежным призом?

— Передам... Госкомспорту.

— А с кем бы хотел встретиться в финале Уимблдона?

— С тобой (смеется). И еще постался бы проиграть, чтобы ты, а не я думал, куда деть призовые деньги.

— Чье мнение о твоей игре для тебя наиболее значимо: тренера, друзей, любимой девушки?

— Только тренера.

— О чем ты чаще всего мечтаешь?

— О том, что в меня влюбляется «Мисс Вселенная».

— На какой вопрос ты хотел бы ответить, но я его тебе не задам?

— Считаю ли я себя талантливым?

— Ну и как?

— Считаю.

даже кофе угостить — не на что. Командировочных едва хватает на то, чтобы поесть, струны натянуть на ракетки — и все. Зато со мной Госкомспорт командует человека, к теннису не имеющего никакого отношения, просто его очередь подошла за границу съездить. Зачем, какие у него обязанности? Не знаю. Но у него тоже командировочные, суточные, билет туда-обратно — все в валюте. Он ничего не организует, потому что это дело фирмы-спонсора, но когда я однажды в Нью-Йорке собрался вечером кросс пробежать, он меня не пустил. Нельзя, говорит, вечером, а то убьют еще...

— Кстати, как ты проводишь время за границей?

ЭТО МОЛОДЫЕ НЕ ПРОХОДИМЫ

Игорь
КОНОНОВ

О сексе в последнее время пишут много.

Однако даже беглый анализ публикаций на эту животрепещущую тему заставляет в недоумении развести руками и признать, что вопросов по-прежнему остается больше, чем ответов. Такое ощущение, что сидишь в кинозале в предвкушении просмотра громко разрекламированного и долгое время запретного фильма и вдруг после титров отключается электричество. Досадно, мягко говоря!

Пока, к сожалению, благие намерения рассказать о самом сокровенном, о «тайне для двоих» напоминают детскую игру: черное с белым не берите, «да» и «нет» не говорите, а то как бы чего не сказала княгиня Марья Алексеевна.

«В чем повинен перед людьми половой акт — столь естественный, столь насущный и столь оправданный, — что все как один не решаются говорить о нем без краски стыда на лице и не позволяют себе затрагивать эту тему в серьезной и благопристойной беседе?»

Эта фраза из «Опытов» Мишеля Монтеня кочует из публикации в публикацию, и авторский знак вопроса стоит уже три столетия как немой упрек ханжеству, лицемерию и трепетной вере в Его Величество Запрет. Половой акт, конечно же, ни в чем не виноват. Он достаточно натерпелся и от тех, кто бездарно и неумело его исполняет, и от тех, кто в угоду ханжеской морали монополизировал право на информацию.

Многим еще памятна времена, когда непримиримую борьбу с джинсами и шариковыми ручками отождествляли с борьбой за нравственность. Джаз и рок чуть не пали жертвами воинствующей идеологической девиантности. Но жертвами ли? А может, ими стали именно те, кто запрещал? Может, они стали беднее оттого, что в надрыве соло-гитары и синкопах джаза увидели не искусство, а поджоп под устои? И может быть, все мы жертвы оттого, что в воспетом лучшими умами человечества искусстве любви видим отнюдь не искусство, а всего лишь способ продолжения рода себе подобных?

Разговор, открытый разговор должен состояться, он уже начался. И мнения будут неоднозначны, это естественно. Кто-то уже приготовил бумагу, чтобы написать возмущенное письмо в инстанцию с требованием привлечь к ответственности «за разврат нашей молодежи»; кто-то скажет спасибо за тему для размышлений. В общем, проголосуют: кто «за», кто «против». А если разговор не состоится — все равно проголосуют: несчастными семьями, нежелательными беременностями, нежелательными детьми.

Какая гениальная банальность: они любили друг друга! Сколько вдохновения отдали поэты и художники тому, чтобы воспеть и восславить это чудо

природы, инстинкт, породивший осмысленность, и осмысленность, растворившуюся в инстинкте. Тема вечная, как сама жизнь, потому что она — часть жизни. «Из мириад вещей, созданных Небом, самое драгоценное — человек. Из всех вещей, дарующих человеку благоденствие, ни одна не сравнится с интимной близостью. В ней он следует Небу и копирует Землю... Те, кто постигает ее значение, смогут написать свою природу и продлить свою жизнь; те, кто упустит подлинное ее значение, нанесут себе вред и умрут раньше времени».

В приведенной цитате из древнекитайского философского трактата нет ни похоти, ни пуританской стыдливости. В древности любовная игра считалась важным элементом обеспечения здоровья мужчины и женщины. Согласно этой философии «техника» любви занимала решающее место. Ее цель — максимальное развитие «мужских способностей», с одной стороны, и возможность доставить истинное наслаждение обоим партнерам в интимной жизни. Возможно, «слишком тонких эстетов коробит само слово «техника» в применении к сексу, но это не что иное, как наиболее грамотное использование знаний физиологии и психологии для получения максимальной эмоциональной отдачи.

Представим себе юную пару, свободную от каких бы то ни было знаний относительно физиологии и психологии друг друга «благодаря» неустанным заботам семьи, школы, представлениям о морали в обществе. Они пронесли свою платоническую любовь через осуждающие взгляды соседей, школьные неприятности, размолвки с родителями. Время идет, и естество берет свое. Пусть ситуация соответствует строгим нравственным канонам, а уже оттремел марш Мендельсона, отзвучали застольные тосты и крики «горько». Первая половая близость напоминает экзамен, где все билеты — на «засыпку». Хотя это событие предвосхищается в романтических мечтах, оно сопряжено с психологическими трудностями. Неопытный юноша боится неудачи, девушка не уверена в своей сексуальной привлекательности. Все это плюс обилие незнакомых ощущений заставляет слушать себя, а не партнера. Где уж тут до удовольствия партнера, с собой бы справиться! В итоге — грубость, маскирующая неумение, торопливость и — полное фиаско. Что, кроме отвращения, способна вызвать такая близость, воспоминания о которой так хочется вычеркнуть из памяти, но которые так живучи?

Что же делать?

Учить. Учить в семье, в школе, на страницах журналов и специальной литературы. И не так, как учат сейчас. Нынешний школьный курс больше напоминает сказки из жизни голубей и годится разве что... да ни на что он не

годится! Я побывал в нескольких московских школах на уроках «Этики...». В одном случае учительница истории, руководствуясь программой, рассказывала что-то о высоких чувствах Татьяны к Онегину. При этом на лицах большинства акселераторов явно читалась снисходительная усмешка: «А ну-ка, тетя, Расскажи нам...»

В другой школе учитель химии, презрев методические разработки, упирал на физиологию и был ближе к теме, особенно в тех моментах, когда шло живое обсуждение примеров из реальной жизни. Просто поражает та степень несерьезности, с какой у нас подходят к вопросам полового воспитания. Результаты безграмотности в этой области преследуют человека на протяжении всей его жизни во многих сферах: семейной, социальной, культурной. Еще бы, когда всюду то и дело вспыхивают яркие, пульсирующие, как стробоскоп, предупреждения: нельзя, запрещено, стыдно, безнравственно...

«Необходимо разъяснять подросткам, что половое влечение нужно превращать в желание общаться с хорошим другом и стремиться только к одному — учиться искусству общения. Девушек нужно серьезно предупредить об осторожности в поведении с мужчинами — ей могут встретиться растленные типы... В семье нужно вслух зачитывать отрывки из литературных произведений, повествующих о дружбе».

Это — из лекции по половому воспитанию для родителей. Все в ней есть: своя логика, своя высокая мораль. Нет только одного — жизни.

По мнению авторитетных специалистов, необходима целостная система полового воспитания с начальных классов школы. То, что нынешний курс читается в 9-м классе, на протяжении одного года — нонсенс. Как это ни прискорбно для княгини Марьи Алексеевны, но к 9-му классу большинство подростков уже достаточно хорошо представляют себе, «что» и «как» и не только теоретически, но и практически. Причем познания эти почерпнуты не из авторитетных источников, а из опыта друзей и подруг. Здесь уже не учить надо, а переучивать. А авторы курса ведут «просвещение» на уровне: «дружба — это хорошо, а секс — это бяка».

Нынче наконец появилась возможность в урочное время рассказать о физиологии половых отношений, о культуре секса, о методах предупреждения беременности и о многом другом, столь необходимом в этом возрасте. Почему бы этим не воспользоваться и не заполнить брешь в нашей культуре? Зачем все опять сводить до уровня пестиков и тычинок?

Несерьезно отношение и к подбору педагогов. Мнения на этот счет разные, одни считают, что курс должен вести врач из ближайшей поликлиники. Но какой врач — уролог, гинеколог, терапевт? Другие убеждены, что только

школьный учитель способен методически грамотно вести предмет. Но для этого его надо готовить специально, а не поручать дело дилетанту. Что касается врачей-сексологов и сексопатологов, то их у нас в стране не так много — один на полмиллиона пациентов, и при все увеличивающейся потребности в их помощи они просто физически не смогут работать еще и в школе.

В 1970 году в Ленинграде был создан сексологический центр — первая консультация такого рода в стране. К работе в ней были привлечены ведущие сексопатологи и психологи во главе с профессором А. М. Святошом. Центр этот быстро завоевал популярность, шагнувшую далеко за пределы Ленинграда, причем гибкость хозрасчетной системы позволяет удовлетворить всех нуждающихся в кратчайшие сроки. В чем ее секрет? А секрета, собственно, нет. Просто в Ленинграде поняли, что проблеме полового просвещения можно решить не словесной эквилибристикой, не лавированием между запретами, а доверительным разговором о самом интимном без оглядки на псевдонравственные установки. Перед регистрацией брака жениху и невесте вручают приглашения на две трехчасовые лекции. Первая из них посвящена психологическим особенностям семейной жизни, вторая — проблемам интимной сферы.

Сейчас этим уже никого не удивишь: такого рода консультации есть при многих загсах, правда, женихов и невест туда не заманишь. Все зависит от уровня познавательности. Можно вещать с кафедры языком научного реферата об общих понятиях, а можно (и нужно!) доступно и квалифицированно объяснить, с чем придется столкнуться молодым людям, что нужно делать в той или иной ситуации и почему.

Так вот, возвращаясь к нашей юной паре, что же нужно посоветовать им накануне того, как они откроют дверь в таинственное «Зазеркалье»? Какие проблемы встанут перед ними?

Прежде всего это проблема нравственности в половых отношениях. Достаточно набившее оскомину слово, и я рискую быть обвиненным в морализаторстве. Но не надо торопиться. Случайные и скоротечные любовные интрижки, возможно, и внушают уважение к самому себе, но для души и тела мало что дают. Секс как самоцель, секс как сервис, если хотите, чем больше, тем дальше уходит от истинного его содержания, от его основополагающей эмоциональной основы, от стремления к гармонии.

Ловеласы и покорители сердец, способные лишь на то, чтобы, удовлетворив свою физиологическую потребность, записать на свой счет очередную «победу», не задумываясь о качестве и количестве доставленного ей и себе

удовлетворения, — люди испорченные, и это не их вина, а их беда. Беда в том, что им неведома радость постижения гармонии.

Профессор И. С. Кон:

«В древнекитайской мифологии женское начало «инь» и мужское начало «ян» трактуются, как полярные космические силы, взаимодействие которых делает возможным бесконечное существование Вселенной. Слово «инь», которое обычно называется первым, символизирует тьму, холод, влажность, мягкость, пассивность, податливость, а «ян» — свет, сухость, твердость, активность. Соединение мужчины с женщиной — то же, что космический брак Неба с Землей во время грозы».

Второе условие сексуальной гармонии — одинаково активное участие мужчины и женщины в половом акте. Конечно, легко советовать вести себя в этой ситуации свободно. И тем не менее гибкость (в самом широком смысле этого слова) является основой интимных отношений. Если какие-либо принципы, представления «не работают» в данной ситуации, необходимо отказать от них и заменить другими. В сексе следование жестким схемам совершенно нецелесообразно и даже вредно. Особенно наглядно это иллюстрируется в вопросе о сексуальных позициях. Бытует представление, что разнообразие позиций — это извращение.

Профессор А. М. Свядоц:

«Ко мне за консультацией обратился муж, жаловавшийся на то, что его жена холодна в интимной жизни. Он рассказал, что однажды половая близость у них произошла в положении на боку и жена испытала при этом высшее наслаждение — оргазм. Опыт был повторен на следующий день... А на третий день женщина категорически отказалась лежать на боку, сказав буквально следующее: «Развратом заниматься больше не будем!» Такое поведение — результат жестко подавленной сексуальности».

В интимных отношениях вообще не может быть извращений, разврата тем более, когда что-то доставляет радость и удовлетворение, создает эмоциональный подъем, рождает страсть. У восточных народов есть поверье: чем сильнее страсть родителей, тем здоровее и красивее дети. У кого из сочетающихся страсть сильнее, того пола и будет ребенок.

В Ленинградском сексологическом центре на материалах подробно изучают физиологический аспект той или иной позиции, и, конечно, мнение специалиста не истина в последней инстанции. Немало супружеских пар весьма изобретательны в этом отношении. Дело лишь в одном: надо пробовать и искать подходящие для себя. Ряд позиций усиливает наслаждение партнеров — их надо отнестись в свой актив; ряд просто неудобен — их можно забыть. Но специалисты центра предостерегают от повторения из года в год одной и той же раз выбранной позиции, что ведет к монотонности, к потере удовольствия и вечной новизны ощущений.

Вообще когда о самом интимном, о том, что в нашем сознании является «стыдным», говорится профессионально и с достаточной степенью откровенности, даже самые привычные истины воспринимаются по-другому. Одно дело — рассеянно созерцать надпись «Минздрав СССР предупреждает...» на пачке сигарет, а другое — когда на мучаже тебе объясняют, как действует никотин на сосуды, как нарушается кровоснабжение половых органов и как это приводит к резкому падению потенции. Курильщик сравнивает сказанное со своими ощущениями и покрывается холодным потом...

Может создаться впечатление, будто достаточно прослушать курс лекций по физиологии, анатомии и другим сопутствующим дисциплинам, как все проблемы будут решены и ошеломляющий успех гарантирован. Вот стоят на полках запыленные фолианты с картинками и схемами, казалось бы, все ясно. Но никто не смог и не сможет изобразить

в разрезе душу человека, его мысли и чувства. Одних знаний мало, нужно еще приблизиться к пониманию великой тайны — любви, постичь поэзию гармонии.

Из древнеиндийского трактата о любви:

«Если ее благоуханное тело совершенно неподвижно, руки и ноги вытянуты и она тяжело дышит через нос, это указывает на начальную степень возбуждения. Если глаза женщины начинают блестеть, лицо становится взволнованным, а голос — низким и воркующим, речи игривыми, это указывает, что она сильно возбуждена. Если кончик ее языка показывается наружу, глаза закрываются так, что она кажется засыпающей или испытывает жажду, если она кладет руки себе на бедра, это говорит о высокой степени ее возбуждения. Вот женщина внезапно достигает желаемого, и поясница ее слегка поворачивается. Легкий пот выступает на ее теле, а на лице появляется улыбка. Сладкое ощущение уже распространяется по всему ее телу, и степень испытываемого наслаждения стремительно нарастает. Тело женщины становится горячим, и на нем появляется испарина. Руки и ноги ее полностью расслабляются. Это указывает на то, что она полностью удовлетворена».

М. В. Цирильников, врач-сексолог Ленинградского центра:

«Большая часть случаев обращения женщин за консультацией связана с проблемой удовлетворения. Это естественно, потому что свидетельствует о сильно возросшем уровне притязаний женщины, которая уже не желает быть марионеткой в руках партнера, а стремится утвердить свое право на равные с ним ощущения. О том, что оргазм вроде бы должен наступать, слышали все, но далеко не все его испытали. Не надо гнаться за ощущениями, всему свое время. Из нерожавших женщин лишь 17 процентов испытывают оргазм, потому что сама природа предохраняет будущую мать от нежелательных последствий для ребенка этой физиологической реакции; может просто произойти выкидыш. Так что молодым женщинам беспокоиться рано. Вообще пик сексуальности женщины наступает после 30 лет, когда обязанности по продолжению рода уже выполнены и природа «разрешает» пожить в свое удовольствие. Если и тогда ничего не происходит, нужно критически переоценить свой сексуальный опыт, прежде всего технику, и лучший помощник в этом — специалист-сексолог».

Кстати, характерно то, что об ощущениях мужчины не говорится практически нигде, включая восточные трактаты, хотя известно, что мужчина в сексе ранним и беззащитен куда больше, чем женщина. Считалось и считается, что истинный джентльмен должен думать только об удовольствии женщины и ему по традиции принадлежит ведущая роль в любовной игре. Смысл половой любви не в удовлетворении собственной потребности, а в счастье доставить радость и удовольствие любимой женщине.

Путь к совершенству долг и труден. Труден прежде всего потому, что предстоит упорная, целеустремленная работа над собой, когда эгоистическое стремление «взять» нужно заменить альтруистическим «дать». И начинать надо как можно раньше. Я имею в виду прежде всего «теоретический» курс, когда в ребенка закладывается уважение к женщине, знания о себе самом, культура общения, культура в самом широком смысле. Что касается «практического» курса, то вряд ли можно обосновать оптимальное время его начала. Моральные категории, которыми руководствуется общество, не допускают сексуальных отношений вне брака. Предпринимаются попытки борьбы с коварным Эросом путем запретов, и мы имеем возможность наблюдать эту борьбу в наше время. Это смешно, потому что бои идут на линии Мажино, которую давным-давно никто не штурмует. Молодые предприняли обходной

маневр, и старшие уже не могут контролировать их сексуальные отношения. Результат этой тихой войны — отнюдь не более высокая нравственность, а огромное количество аборт, по числу которых на тысячу женщин мы уверенно лидируем в мире, беспроблемный мрак в головах подростков относительно этики и психологии секса, полное отсутствие контрацептивной культуры, следствием чего и являются аборты и нежеланные дети. Правда, с абортами, как выяснилось, можно бороться очень просто: достаточно их запретить, как это было сделано в 1948 году, когда с целью поднять рождаемость росчерком пера у женщин отняли свободу выбора. Но метод ли это? Легче всего кивать на соседа, но нельзя не упомянуть о том, что, когда в школах скандинавских стран ввели серьезный курс полового просвещения, число аборт упало до минимума. В нашей стране и в США, которые по степени ханжества в этом вопросе оказались на одном уровне, помешали введению аналогичного курса. Плоды мы пожинаем сегодня.

Короче, несмотря на запреты, добрая половая жизнь существует и, более того, «процветает». Согласно статистике, каждый третий ребенок зачат вне брака, большинство аборт делается незамужними женщинами, клиенты венерологических диспансеров, как правило, не обременены узами Гименея. Это, так сказать, продукт невежества, попытка удовлетворить свое любопытство способом «будь что будет»... И вместо того чтобы вести серьезную, научно обоснованную работу по половому воспитанию, общество апеллирует к мало что практически дающим моральным ценностям, которые тоже имеют тенденцию к изменению. Например, отношение к девственности, как отмечает И. С. Кон, уже не то, что было когда-то. Безусловно, и сейчас мужчины предпочитают жениться на девственницах, но чисто психологически это объясняется тем, что ценят они не чистоту и непорочность как таковую, а отсутствие у возлюбленной сексуального опыта. Это и понятно: какой мужчина потерпит, чтобы женщина указывала, как надо вести себя в постели. Во все времена мужчина старался преувеличить, женщина — скрыть свою искушенность. Овидий в «Науке любви» отметил это очень точно:

«Тайная радость Венеры мила и юнцу и девиче».

Только скромнее она и откровеннее она».

Сейчас идет дискуссия на тему, быть или не быть эротике в нашем искусстве, в частности в кино. Откровенно говоря, сам предмет спора беспредметен, поскольку эротика — это просто сексуальное воображение, система образов, мечты. И материализовать это воображение в конкретный предмет можно по-разному. Для одного это будет обнаженная женщина, из-за чего, собственно, и разгорелся сыр-бор; для другого достаточно показать на экране ботинок, как он тут же «восстановит» всю почпочку: раз ботинок валяется, значит, его кто-то снял; если он снял ботинок, то снял и все остальное, а куда он после этого залез и что там делает и с кем — это «додумать» уже несложно. И вот этот прозорливец начинает кричать про разврат и требует запретить показывать ботинки, а заодно вообще показывать мужчин и женщин в одном фильме. Впрочем, сам факт разговора на эту тему настроивает на оптимистический лад: может быть, наконец, назовем белое белым? Человек, едва родившись, формирует данную ему природой матрицу наслаждений, то есть закладывает в ее ячейки конкретные образы и ощущения, впоследствии определяющие его потребности, такие, как наслаждение от сексуального общения, от дружеского общения, от общения с природой, животными, книгой. Поведение такого человека будет разумным, гармоничным, естественным, он будет функционально полноценным. Если в свое время человек не получил

в силу каких-то причин, в частности репрессивной морали, конкретных образцов для заложения в матрицу, то в ее ячейки отложатся другие образы: проявления садизма, склонности к наркомании, преступные наклонности. Может случиться и другое: незаполненные ячейки зарастут, закроются, и человек вырастет вечно неудовлетворенным, ничего не желающим, ни от чего не получающим наслаждения.

Секс в искусстве, эротика играют для человека весьма важную сублимативную роль. То, что он недополучает от интимной жизни в семье, то, что он недополучает в силу не зависящих от него обстоятельств, из-за болезни, например, он может компенсировать за счет визуальных впечатлений. Ощущения, конечно, несравнимы, но все же... Или будет так, как сказали в одном из телемов: «У нас секса нет!»

Никакие мировые проблемы не могут быть разрешены в отсутствие целостного подхода к проблеме любви и секса. Практически любые формы разрушающих и саморазрушающих импульсов в человеке вызваны различного рода неполадками, в том числе и в половой жизни. Установлено, что причиной большинства неврозов являются именно сексуальные проблемы и с возрастом, когда половая активность снижается, возможность нервных срывов, душевных катаклизмов увеличивается. Этот теоретический постулат «блистательно» подтверждается в нашей каждодневной жизни. Отсутствием половой культуры и, следовательно, кризисным состоянием интимной жизни можно в какой-то мере объяснить неуважение людей друг к другу, хамство, истерический крик как метод доказательства собственной правоты, конфликты дома и на работе, вечный конфликт с самим собой, перманентный стресс. Учеными установлено, что неудовлетворительное состояние интимной сферы впрямую влияет на качество производительного труда. Работоспособность мужчин снижается на 25 процентов, женщин — на 70! Таким образом, состояние половой культуры — это еще и экономическая категория. Потери материальные, потери моральные... Грубая, орущая на всех продавщица в универсаме; злобный, мстительный начальник на службе — это в том числе и плоды полового нездоровья, подавленной сексуальности. Меняющийся характер сексуальной жизни ставит нравственные проблемы не только перед индивидуумом, но и перед обществом. Мы не можем ждать, пока общественная мораль «дозреет» до насущной человеческой необходимости, и поэтому единственный выход — это просветительство на уровне «шоковой терапии»: если мы знаем, что неумение пользоваться контрацептивами — одна из главных причин катастрофического роста нежелательных беременностей и аборт среди подростков и молодых девушек, утаивать от них эти знания не только глупо, но и безответственно; если мы знаем, что секс — это не только «тайна двоих», а прежде всего радость двоих, «держат и не пушат» всякую информацию о нем, о технике брака глупо и безнравственно; если мы знаем, что эффективное половое воспитание и просвещение невозможно без использования средств массовой информации, не воспользоваться ими глупо и безнравственно.

Так что же скажет княгиня Марья Алексеевна?

Наверно, не все согласятся с позицией и выводами автора статьи. Что ж, это естественно: слишком мало исследована область, о которой идет речь. Мы намерены продолжить открытый разговор на тему интимной жизни и планируем представить страницы журнала известным специалистам: сексологам, психологам, философам. Эти материалы будут опубликованы в этом и следующем годах.

Сосед заснул, убаюканный привычным шумом автомобилей. И вдруг за стеной его малагабаритной квартиры явственно раздался стук копыт. Прислушался — нет, не прогуливающий туристов старинный экипаж. Здесь же, в доме, яростный ритм перерастал из рыси в галоп. «Хулиганство!» — вздохнул сосед и, шаркая шлепанцами, побрел искать нарушителя спокойствия. Даже если бы дверь, из-за которой доносился шум, ему открыл сам идальго ламанчский на своем Росинанте, человек не удивился бы столь сказочно-

му обороту дел, а только повторил — хулиганство! — и потребовал выдворить лошадь прочь. Примерно такая ситуация возникает в одной из песен Виктора Цоя, лидера ленинградской рок-группы «Кино».

Пожелав ложащимся спать спокойной ночи, Виктор забросил намечавшуюся было в его судьбе профессию резчика по дереву и отправился трудиться истопником в котельную, которая стала известна среди молодежи романтическим названием «Камчатка», где подолгу засиживались, слушая композиции Цоя.

Чем выделяется этот двадцатилетний юноша из ряда современных героев рок-н-ролла? Колоритной восточной внешностью? Суровым выражением лица? Да. А еще — странной уверенностью в своих силах.

В сущности, он поет о том же, о чем другие рокеры, — о своем поколении. Сценический образ воплощается в манере форсированно, с растяжкой произносить слова — похоже на стиль речи дворовой шпаны.

Персонаж Виктора Цоя не просто готов выйти под дождь, отправиться в путь, вступить в бой. Он таинственно улыбается безусловной победе, даже когда сажает «алюминиевые огурцы на брезентовом поле». И когда тонет, хотя, как и все, знает близлежащий брод. Дело не в том, что он отказывается от легкого пути, дело в том, что, позвав за собой, манит не на красивую гибель, а к выигрышу по большому счету.

Так уж сложилось, поет Цой — «где бы ты ни был, что б ты ни делал, между землей и небом — война». И в тотальной возне за место под солнцем уверенность в осмысленности на первый взгляд иррациональных, «невыгодных» поступков служит залогом сохранения духовности.

В этом, собственно, и состоит цель песенного героя Виктора Цоя. Цель, куда менее определенная, чем путь к ней, как расплывчатые контуры любой идиллии. Не предлагая чудодейственных рецептов, не скалясь на «отдельные недостатки», Цой просто заявляет: «дальше действовать будем мы». И по дорогам снова мелькает плащ странствующего рыцаря.

Сценический облик Виктора Цоя удачно дополняет пластика. Рисунок танца в его композициях ненавязчив — ритмичные движения мягко перетекают одно в другое — изысканно плавная и вдруг — резко контрастная графика тела аккомпанирует песне.

Молодежь отлично знает Цоя по магнитофонным альбомам: «45» — 1982 г., «Начальник Камчатки» — 1984 г., «Ночь» и «Это не любовь» — 1984—1986 гг., «Группа крови» — 1988 г. Помнит, как он начинал выступать вместе с «Аквариумом». В курсе, как собирался состав «Кино»: гитарист Юрий Каспарян, барабанщик Георгий Гурьянов, бас-гитара — сначала Александр Титов (параллельно с работой в «Аквариуме»), потом Игорь Тихомиров из «Джунглей».

С выходом на экраны художественного фильма Сергея Соловьева «АССА» менее осведомленным слушателям можно будет напомнить, кто такой Цой — ну, тот, что в финале картины поет: «Перемен мы ждем, перемен!» Подобных зрителей, боюсь, окажется большинство. Неинформированность возникает не по их вине — шутка ли углядеть певца,

если он пару раз мелькнул в музыкальных эпизодах телепрограммы «Взгляд», а более объемных его выступлений нет ни в эфире, ни на крупных концертных площадках.

Фирма «Мелодия» выпустила диск-гигант с записями «Кино». Но и здесь не обходится без сложности. По госцене вы пластинку с песнями Виктора Цоя вряд ли достанете, только раз в пять — десять дороже — у спекулянта. Очевидно, мал тираж. Любая зарубежная фирма проявила бы оперативность и, радуясь успеху своей продукции, быстро откликнулась на запросы слушателей. У нас же создается впечатление, будто планирование — производство — реализация специально созданы для взвинчивания цен на «черном рынке».

Честно говоря, пока, беседуя о роке с обычными зрителями, а не с фанатами, не будешь знать, что ведешь речь именно, скажем, о «Кино», а не о «всех разных, которых развелось, плюнуть некуда», продуктивного разговора не получится. Не получается его и с руководящими инстанциями, уверенными, что нынче открыты куда уж более торные дороги для рока.

Однако проведение клубных концертов по-прежнему встречает сложности и лишено маломальской рекламы. На большие концертные площадки и в эфир, вытесняя лучшие группы, хлынула масса плохоньких. Прогрессивные кооперативные и хозяйственные формы в сфере культуры разьедают недуг, уже всесторонне обнаруживший свою порочность в филармониях, — склонность к сборным концертам, где к одному хорошему номеру выдается солидная «нагрузка».

Середняк оказывается более хватким, удобным в обращении, приемлемым на все вкусы. Действительно, интересные артисты зача-

стую резче, строптивее, конфликтнее — что с ними связываться? Так, похоже, решили апологеты рока от журналистики, по совместительству освоившие профессию менеджеров. Они прилежно и достаточно регулярно организуют гала-концерты, фестивали, «дорожки», «волны», но занимают там по большей части своих знакомых и тех, кого проще ангажировать. С одной стороны, это дает шанс молодяку, с другой — слабый интерес публики к новоявленным посредственным группам вроде бы наглядно подтверждает прогнозы о спаде увлечения роком.

Прежде чем радоваться или огорчаться, заслушав любимый рокерский возглас — «Мы вместе!», хочется вспомнить поставленный вопрос Виктора Цоя: в каком месте? Хотелось бы дифференцировать качество отечественных групп, не ссылаясь то и дело на западные аналоги — как правило, они от нас еще дальше, чем «Камчатка» от широкой аудитории. А поступив так, предоставить рок-музыке достойное место в художественной жизни. Сегодня, когда советским роком живо интересуются за рубежом и «Кино» уже приобретает международную известность, странно и стыдно, что порой его знают не знают или игнорируют на Родине.

ИЗ КИНО
ИЗ КОТЕЛЬНОЙ
Нина ТИХОНОВА
Фото Евгения МАТВЕЕВА

Лев ОЗЕРОВ

„ГОРЕ НА РАДОСТЬ ВЫМЕНЯЙ”

Замечено, что молодые читатели — хотят они того или нет — привыкают к определенной обоеме поэтов. К счастью, привыкают ненадолго. Мода проходит, и те же читатели оглядываются: какой след остался в душе от бывшей увлеченности. Нет следа — и недавно грохотавшее имя вспоминается с трудом и с усмешкой.

Наряду с Маяковским и Есениным, Багрицким и Асеевым глубокий след в душе читателя оставил Сельвинский. К сожалению, его издают мало, редко, пишут о нем скудно, а если и пишут, то без достаточного знания его произведений. Моя задача напомнить молодым читателям об этом поэте, сказать о его личности, жизни, о встречах с ним.

В 1921 году из Евпатории в Москву приехал поступать в университет уже проливший кровь в боях за Перекоп начинающий поэт Илья Сельвинский. Он пишет в автобиографии:

«День, когда я вошел в Коммунистическую аудиторию, битком набитую людьми в шинелях, и увидел за кафедрой А. В. Луначарского, которого до этого знал только по портретам, — день этот останется в моей памяти навеки. Анатолий Васильевич читал введение в «социологию искусства», но это была не лекция — это был призыв! Гимн! Я почувствовал веяние истории. Запах эпохи, как запах моря. Ничего похожего не ощущал я в Таврическом. Там профессор был, в сущности, книгой; здесь же он выросал в трибуна, знаменосца, учителя жизни. Слезы перехватили мне горло — и, сжав зубы, я поклялся себе, что стану поэтом революции!»

Верный клятве, сильный, решительный, богато и разносторонне одаренный, дьявольски работоспособный, Илья Сельвинский стал поэтом новой эры. Вне революции для него, в юные годы участника кружка Дм. Ульянова, не было ни жизни, ни творчества.

Впервые услышал о нем от Ушакова. Он читал «Вора», говорил о новых пластах языка, о стихе, ждавшем обновления. «Уляляевщину» читал, жестикулируя, с удовольствием, то приподнимаясь на носки, то приседая.

«Алло, Русь! Твой пастуший рожок мы вытрубим в рог избылья» — эту строку Сельвинского я нашел в качестве эпиграфа в книге Ушакова «Весна республики».

После эпопеи «Челюскина» я слушал его в одной из аудиторий Киева. Он был в черном костюме, в роговых очках, в руке длинная указка, которой он уверенно водил по огромной карте Севера. Рассказ перемежался стихами. Все делалось четко, с блеском, с ощущением своей силы.

Он являл новый облик поэта. Деятеля. Путешественника. Мечтателя.

Поздней — Москва. Политехнический битком набит. Сельвинский читает старое и новое. Новое — это «Охота на нерпу». Посреди стихотворения останавливается. Внимает из кармана блокнот. Что-то записывает. Публика ждет. Человек работает. И вдруг начинает все сначала — стихотворение с новой строфой, тут же записанной. Взрыв аплодисментов.

Он любил молодежь, молодежь лю-

била его. Его семинары стали знамениты. В ИФЛИ мы узнавали, о чем говорилось в Литературном институте на семинаре Сельвинского. Пишущая молодежь тянулась к этому семинару. И впрямь это было примечательно: руководитель строг до беспощадности, но и доброжелателен до самоотречения, распахнут и собран, образован, внимателен. Умеет увлеченно говорить и читать, обладает способностью слушать, забыв о себе. Вспыхнув, приводит наизусть строки, строфы, целые стихотворения, отрывки из поэм — свое и чужое. Голос то раздумчив, печален, то ликующе-радостен. Голосом он создает особое настроение на занятии. Голосом, как пением, как симфонической музыкой.

Когда в ранней юности я читал стихи Сельвинского, мне казалось, что у человека, написавшего их, из ноздрей вылетает огонь, грудная клетка движется, как кузнечные мехи, что под его загорелой крымской кожей перекатываются литые шары.

Как я боялся и в ранней юности, и в молодости этого досадного и разочаровывающего несоответствия сочинений автора с личностью его, с его поведением среди людей, в кругу современников.

Когда я познакомился с автором «Уляляевщины» и «Охоты на тигра», я проверил это положение. И не был разочарован. Я понял: именно этот человек — автор этих стихов.

Смелчак и следопыт, он с гимназических лет усадил себя за рабочий стол литератора, дав себе, своим нервам, своему времени полную, можно сказать, непомерную нагрузку. Этот рабочий стол литератора порой становился вагонной полкой, бортом ледокола, оленьей упряжкой, фронтовым окопом, больничной койкой. Всегда и везде Сельвинский работал неистово, яростно, самозабвенно. Он захлестывал себя работой. Лирика и эпос, трагедии и эпиграммы, статьи, переводы, переписка с начинающими авторами. Я корил себя. Рядом с ним казался себе самому лежебокой, лентяем из лентяев.

Постепенно для меня за боксерской

силой и рабочей собранностью Ильи Сельвинского проступали не сразу приметные постороннему взгляду существенные черты его поэтического характера — пристальность, отзывчивость, нежность.

Многоголосье — вот что характеризует поэзию Сельвинского. Это не один инструмент, а весь оркестр. Иногда даже с привлечением гуслей и саза, домбры и ксилофона. Все оттенки радуги чувств легли на страницы его книг, по которым прочитывается и многогранная жизнь поэта, и летопись родившей его эпохи.

Если собрать воедино все созданное Сельвинским, нетрудно увидеть, что эпос и драма у него преобладают и главенствуют. Это поэтические полотна, воссоздающие героев и эпизоды давних дней и современности, воскрешающие историю разных эпох и народов. Средние века, петровская пора, наш век. Русские, азербайджанцы, французы, чукчи, поляки, немцы. Художники, лейтенанты, полководцы, революционеры. Это поэма «Рысь», эпопея «Уляляевщина», драматический эпос «Россия» (пролог и три пьесы: «Ливонская война», «Царь да бунтарь», «Большой Кирилл»), романы в стихах «Пушторг» и «Арктика», повесть «Записки поэта», драмы и трагедии «Командарм-2», «Пао-Пао», «Умка — Белый медведь», «Рыцарь Иоанн», «Орла на плече носящий», «Ге-

нерал Брусилев», «Читая «Фауста», «Человек выше своей судьбы», опубликованная пока в отрывках эпопея «Три богатыря», которая построена на основе былин об Илье Муромце, Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче. Таков неполный перечень эпических и драматических произведений поэта. Не все еще произведения вышли к читателю.

Тематическому многообразию его поэзии сопутствует и многообразие выразительных средств: от пятистопного ямба трагических монологов до тактового стиха, от сжатого и сухого стиля рапортов и деловых бумаг до былинной, сказовой шири.

Лирика для Сельвинского это не только жанр. Она — его страсть, его любовь и ненависть, отдушина для его откровений, его дневник и исповедь. Для того чтобы это почувствовать, надо вчитаться в лирические стихи поэта. Важно также знать, как Илья Сельвинский для самого себя и для читателей определяет эту область своего творчества. «Книга — это разговор художника с человечеством наедине, — пишет поэт. — Вот это наедине, то есть личное, интимное соприкосновение стиха с каждым воспринимающим его, и есть лирика». Признание это проливает свет на всю природу лирики Ильи Сельвинского.

С самого начала литературной деятельности поэт отдавал свои пережива-

Рисунок Алексея ОСТРОМЦКОГО

ния героям произведений, и его лирика властно входила в эпос и драму, как теплое течение Гольфстрим выходит в северные воды. Без этого высокого градуса лирической взволнованности невозможно ни рисовать картины истории, ни создавать впечатляющие характеры.

В своей теоретической книге «Студия стиха» Сельвинский пишет о том, как лирика, входя в эпос, помогает ему и закрепляет его в сердце читателя. Он вспоминает образ Пимена в пушкинском «Борисе Годунове». Сквозь этот образ, замечает Сельвинский, Пушкин дал выход своему лирическому волнению. «Если бы поэт не сочувствовал Пимену, если бы не думал, что и он, Пушкин, свидетель кровавых преступлений современных ему царей, тоже своего рода летописец, тайно беседующий через головы современников с грядущим поколением, он не смог бы с такой убежденностью написать этот монолог: «Еще одно последнее сказанье...»

Углубившись в уроки Пушкина, Сельвинский здесь же очень определенно говорит: «...трагедия превращается в драматическую, а эпопея в стихоплетство, если они не согреты дыханием лирической стихии. Лиризм — душа поэзии».

Его зоркость поразительна. Он замечает то, мимо чего проходят остальные. Зоркость его не только от природы. Он тренировал свой глаз.

«Гадюка лется в норку пестряка» — это из стихотворения «Кокчетав» (книга «Казахстан»). Энергия глагола «лется» такова, что служит одновременно и изображенной здесь гадюке, и подразумеваемой струйке воды. Читатель видит образ не в статике, а в динамике. Не на фото, а в кино.

Творчество Сельвинского полно таких находок. Они относятся не только к вещам или животным (тигр выступает, «всем телом западая меж лопаток»), но и к человеческим характерам. И ценны они именно тем, что идут от живого наблюдения.

Беру, к примеру, широко использованный поэтами разных эпох и направлений образ тумана. Сельвинскому, «влюбленному в туман Блока», поэту с хищным глазомером, вовсе не кажется, что воздух сер:

*Туман пронзан оранжевой искрой.
Он золотился, роился, мигал,
Пушкой по щеке ласкал, колоссальный,
Как будто мимо пронесет меха
Голубые песцы с золотыми глазами.
И эта лазурная мгlistость несется
В сухих золотинках над глею глубин.
Как если б самое солнце
Стало вдруг голубым.*

Эту живописную манеру не спутать с другой, как не спутать Врубеля с Нестеровым, Ван-Гога — с Писсаро. Сельвинский не любит мнимопоэтические туманности и стремится находить точные образы и определения:

Илья СЕЛЬВИНСКИЙ

*Бессмертья нет. А слава только дым.
И надыми хоть на сто поколений,
Но где-нибудь ты сменишься другим
И все равно исчезнешь, бедный
гений.*

*Истории ты был необходим
Всего, быть может, несколько
мгновений...
Но не отчаивайся, бедный гений,
Печальный одному и нелюдим.*

*По-прежнему ты к вечному стремишься!
Пусть тебя не покидает мысль
О том, что отзвук из грядущих далей
Тебе нужней и лавров и медалей.
Бессмертья нет. Но жизнь
полным-полна,
Когда бессмертью отдана она.*

ПРЕЛЮД

*Вот она, моя тихая пристань,
Берег письменного стола...*

*Шел я в жизни, бывало, на приступ,
Прогорал на этом дотла.*

*В метели чаек высится парламент,
Углами проступая сквозь туман.*

Мысль всегда краугольным камнем выпирает из стиха, в какую бы он ни был окутан полумглу.

О емкости образа. «На берегу зари» — это до такой степени точно и емко, что означает одновременно и место действия, и время, и картину (заря напоминает контуры озера). Прозаику нужно в несколько раз больше слов, чем поэту, чтобы охарактеризовать и уплотнить в образе одно и то же явление.

Лирика Сельвинского полна ощущений и переживаний, которые никогда не были даже мысленно обозреваемы предшественниками. Кому из поэтов приходилось, подобно находившемуся в Арктике Сельвинскому, ощущать такое:

*Опять туман. Недвижный. Мы не смеем
Ни крикнуть, ни смеяться. Все во сне.
И вся окрестность кажется музеем
Античных статуй, спящих в тишине.*

Или видение китов, появившихся в океане:

*Попыхивали струйчатые взрывцы,
Как бы от разрывающихся пуль.*

Нужны были первые, еще не побывавшие ни в чьих руках слова для передачи этого видения. Но за видением следует и понимание его. Кит в океане:

*А кит метался делово и пылко!
И вдруг открылась грубого грубой
Свирилая китовая ухмылка
С затерянным глазенком на губе.*

*Я увидал не просто облик зверий,
А лирику, прогретую сквозь даль,
Какую-то интимную деталь
Мильонолетья допотопной зры;
И тут неукротимое сознание,
Что это ведь не Брэм, а наяву,
Что в полныне, где я сейчас живу,
Живет и это странное создание,
Что мы с ним — современники, но он
Глядит из правильного былого,
А я гляжу из будущего — слово,
Перед которым тоже правильно...*

Сельвинский стремится передать свободу размышления в стихе, психологически близкую к разговорной речи поэта и очень приближающую новую действительность к нашему восприятию.

Внимательный читатель оценит кисть поэта, рисующую медведей и тигров, песцов и нерп. Любовь к животным носит у Сельвинского вполне определенный характер. Это восторг перед животным миром. Это воистину поэтический Брэм. Пронзительная любовь к жизни, ко всему живому, боль за это живое чувствуется на многих, очень многих страницах Сельвинского.

Стихия лирики Ильи Сельвинского — любовь к женщине. Это для него нерв поэзии, синоним лирики вообще. По тому, как выражена у поэта любовь к женщине, можно судить о характере самого поэта.

*Да будет славен тот, кто выдумал любовь
И приподнял ее над страстью:*

*Сколько падал я, подымался,
Сколько ребер отбито в боях!*

*До звериного воя влюблялся,
Ненавидел до боли в зубах.
В обличении живых «истин»
Сколько глупостей делал подчас —
И без сердца на тихую пристань
Возвращался, тоске подчинясь.*

*Тихо-тихо идут часы,
За секундой секунду чеканя,
Четвертушки бумаги чисты.
Перья*

*дремлют
в стакане.
Как спокойно. Как хорошо.
Взял перо я для тихого слова...
Но как будто*

*я поднял
ружье:
Снова пламя! Видения снова!
И опять штормовые дела —
В тихой комнате буря да клики...*

*Берег письменного стола.
Океан за ним — тихий. Великий.*

*Он мужество продолжил старостью,
Он лилию выводит среди льдов.*

*Я понимаю: скажете — мираж?
Но в мире стало больше нежности,
Мы скоро станем меньше умирать:
Ведь умираем мы от безнадежности.*

Здесь любовь (нет, надо с большой буквы — Любовь) понимается еще шире. Надежда на жизнь, сама жизнь связываются с любовью, зависят от нее, равны ей — и только ей. Любовь — бессмертие...

«Влюбленные не умирают» — так устанавливает поэт связь между любовью и жизнью, вечной жизнью.

В комнате у Сельвинского висит пейзаж, изображающий Коктебель. На пейзаже надпись: «Илье Сельвинскому, поэту-оркестру». Пейзаж и надпись принадлежали Максимилиану Волошину.

Поэт-оркестр. В этом определении выявлена одна из главных и характерных черт поэзии Сельвинского — многоголосие. От эпиграммы до эпопеи, от карандашного наброска до монументального полотна — таков диапазон художника. Голос его иногда повышается до ликующего звона:

*Вдохни ж эти строки! Живи сто лет —
Ведь жизнь хороша, океанная!
Пусть этот стих на твоем столе
Стоит, как стакан океана.*

Порой это певучий бас:
*Здесь много дней солнца нет.
Здесь край ледяной синевы...
Здесь живут голубые песцы,
обаятельные, как вы.
Здесь под перьями зари,
чернеющей на лету,
Гренландский медведь с жировым горбом
идет в Россию по льду.*

А бывают и нотки удивительной мягкости и даже приглушенности:

*Вот она, моя тихая пристань,
Берег письменного стола...*

Все это разнообразие палитры существует, однако, не само по себе, как демонстрация поэтической удалости, а прежде всего выражает многосторонние жизненные интересы художника. А если взглянуть еще глубже, то все, вместе взятое, передает напряженную жизнь, кипение страстей человека нашей зры.

В поэзии Сельвинского мы отчетливо слышим гул от столкновения двух эпох. «Мы — переходники» — эта старая характеристика Сельвинского, данная поэтом своим современникам, не потеряла свежести и значения. Рубежность, переходность, промежуточность определили главное в Сельвинском. Острое чувство времени. Желание изобразить не столько установившееся, сколько самое становление, борьбу, вызревание, процесс.

«Стихия писателя — совесть», — говорит Сельвинский. Там, где у искусного версификатора видна только волшебная техника, у настоящего поэта пламень совести прожигает словесный

СЛОВНО АЙСБЕРГ

*Жизнь моя у всех перед глазами.
Ну, а много ль знаете о ней?
Только то, что выдержал экзамен
В сомнище классических теней?*

*Неужели только в том и счастье,
Чтобы бронзой числиться в саду?
Не хочу я участи блестящей,
Неподсуден пошлому суду.*

*Стоило ли раскаляться лавой,
Чтоб затем оледенеть в металл?
Что мне братская могила славы,
О которой с юности мечтал!*

*Нет, не по торжественным парадом,
Не в музее, датой дорожа,
Я хочу дышать с тобою рядом,
Человечья теплая душа.*

*Русский ли, норвежец или турок,
Горновой,
рыбачка
или ас,*

покров. Тогда слово светится изнутри. Поэт говорит: «Слово для нас — это искра солнца». Ему хочется дать миру «среди горьких дымыц» атомного века «видение чистой души».

Он чувствует время, слышит его поступь.

*Тихо-тихо идут часы,
За секундой секунду чеканя:
Четвертушки бумаги чисты,
Перья*

*дремлют
в стакане.
Как спокойно. Как хорошо.
Взял перо я для тихого слова.
Но как будто я поднял ружье:
Снова пламя, видения снова —
И опять штормовые дела,
В тихой комнате буря и клики.*

*Берег письменного стола,
Океан за ним — тихий. Великий!*

Это уже не «стакан океана», стоящий на столе. Это постоянное ощущение в работе неугасающих, грозно вздымающихся волн океана жизни. Возможно, это и есть то главное, стержневое, что воспитал в себе Илья Сельвинский на протяжении всей своей жизни.

С годами, с течением времени Илья Львович все больше, все острее думал о рубеже жизни и смерти, о той зыбкой полосе отчуждения, которая еще недоступна человеческому знанию. Именно в эту пору все чаще у нас стало произноситься леденящее душу слово «реанимация». Потом и оно стало бытом.

Любой разговор Ильи Львович неизменно поворачивал к теме «жизнь и смерть» и требовал от собеседника прямоты. Эта тема все настойчивее проникала в его произведения, прежде всего в лирику. Характерно, что одна из поздних книг называлась «Влюбленные не умирают». В дневниках Сельвинского военной поры находим проникновеннейшие записи. 3 ноября 1941 года: «Дело в том, что человек все, в сущности, делает в первый и последний раз. И это очень грустно. Это единственное, что не дает счастью осуществиться, даже если оно созрело».

Осуществиться! Вот чего добивался художник.

Наследие Ильи Сельвинского велико, но оно плохо изучено и плохо издано. Читатель фактически лишен возможности объективно судить о поэте. Вот почему, не знакомый непосредственно с произведениями поэта, читатель может поверить невежественным и необоснованным суждениям Е. Евтушенко, напечатанным в таком популярном журнале, как «Огонек» (№ 44, 1987).

Лирик, эпик, драматург, эссеист, переводчик, воспитатель молодежи, Илья Сельвинский еще ждет своего читателя. Он и сам говорил об этом:

*Дни мои — только кануны,
Время мое — в грядущем!*

Это написано в 1958 году, тридцать лет назад. В нашу эпоху это огромный срок. Есть над чем задуматься.

*Я войду, войду в твою культуру,
Это будет, будет —
а сейчас,*

*Словно айсберг в середине мая,
Проншу свою голубизну;
Над водой блестит одна седьмая,
А глыбун уходит в глубину.*

ПРЕЛЮД

*Поэзия! Ты изучаешь мир
В его решениях проблемы счастья.
Да, лес и горы — тишина да мир,
Но сколько тайн в ущельях или
чаще!*

*Для хищника везде и всюду пир.
Прислушайся: хрипения все чаще,
И кажется растерзанным на части
Не только шар земной, но сам эфир.
И все же счастье обитает в мире.
Пусть оно не дважды два — четыре,
Но в нем законы высшего числа:*

*Во всем, что дышит, есть его
величие!
Хоть жизнь и коротка и тяжела,
Бессмертие в ее веселом кличе.*

Виталий МЕНЬШИКОВ

ТАЙНА

ПОДВОДНОГО СЕЙФА

Иные архивы подобны бомбе замедленного действия. Сенсация взорвалась на страницах мировой прессы в середине февраля 1988 года: из «Западно-берлинского центра документации» (БДЦ) — крупнейшего в мире архива «третьего рейха» — бесследно исчезло более 80 тысяч секретных документов.

Можно представить себе, какой озноб пробежал от этого известия по спинам весьма влиятельных на Западе господ с «коричневым прошлым», причастных к преступлениям фашизма.

БДЦ был основан американской военной администрацией сразу после второй мировой войны. В архиве собраны досье с «персональными делами» на почти 11 миллионов бывших членов нацистской партии. Под грифом «совершенно секретно» хранятся документы со «взрывчатой» начинкой на сотни тысяч эсэсовцев и сотрудников СА. И вот десятки тысяч из этих обличительных документов таинственным образом оказались за пределами строго охраняемого центра документации.

Западноберлинская прокуратура подозревает, что в хищении большого количества секретных документов замешана мафия. Часть из похищенных бумаг она сбывала коллекционером. «Однако основной доход мафия получала за счет шантажа бывших нацистов и сочувствующих им лиц, занимающих сегодня руководящие посты в экономической и политической сферах Соединенных Штатов и других стран», — передавал из Западного Берлина по горячим следам некоторые подробности этого дела корреспондент «Правды». — Угроза опубликовать в прессе компрометирующие документы действовала, как правило, безотказно. Выплачивались огромные суммы (миллионы марок и более) за то, чтобы темное прошлое процветающих ныне бизнесменов и политиков не стало достоянием общечеловечности.

Не следует исключать и того, что среди десятков тысяч «персональных дел», выкраденных из «Центра документации», были и документы, выводящие на след участников сверхсекретной «операции Бернхард». (В годы второй мировой войны ее проводила специальная агентура СС: сбывала на «черном рынке» за пределами фашистского рейха фальшивые английские фунты стерлингов, изготовленные в нацистской Германии, а выручку — твердую валюту — переправляла обратно в рейх.) Ведь до сих пор кто-то из бывших эсэсовцев или введенных в их круг и подпольную террористическую сеть «юниоров» является обладателем ключей к расшифровке анонимных счетов в банках нейтральных стран, где спрятаны награбленные нацистами огромные сокровища, в том числе и полученные в результате «Операции Бернхард». И не в интересах «коричневых мафиози», чтобы кто-то случайно докопался в БДЦ до их сокровенной тайны...

Как установила специальная комиссия, в поредевшей коллекции документов БДЦ не оказалось в наличии оригинала документов о Бормане и других нацистских военных преступниках. А ведь их послужные характеристики и штрихи биографии, возможно, могут прояснить многое из того, что еще скрывается в латиноамериканских логовах беглых эсэсовцев, в их тайных «резервах» под крылом южноафриканских расистов, на тщательно маскируемых маршрутах наркобизнеса и торговли оружием, в джунглях ультраправого и ультралевого террора.

Да и в самой ФРГ, наконец, найдутся «вечно вчерашние», как давно уже окрестили там бывших нацистов и их единоверцев, которые предпочли бы для компрометирующих их документов более надежное убежище, нежели западноберлинский «Центр документации». К примеру, подобное «подводному сейфу СС» в озере Топлиц.

...В ноябре 1987 года в аргентинской провинции Кордова был арестован нацистский преступник Йозеф Швамбергер. Во время гитлеровской оккупации Польши он проводил депортацию многих ее граждан в фа-

шистские концлагеря, обрекая на безжалостное истребление.

После разгрома «третьего рейха» матерый нацист бежал в Австрию, а оттуда с помощью подпольной эсэсовской организации перебрался в Южную Америку. «Здесь», — комментировал арест беглого фашиста корреспондент «Известий» в Буэнос-Айресе, — к тому времени основались сотни крупных немецких поселений, полностью состоявших из бывших гитлеровцев, сумевших не только укрыться от правосудия, но и переправить сюда значительное количество награбленных богатств, что позволило им безбедно жить на этом континенте».

Укрывшиеся в Южной Америке «мастера заплечных дел» из палаческого аппарата СС и гестапо не только благоденствовали под крылом местных фашистских диктатур и реакции. «Некоторые из них», — подтверждалось в той же информации из столицы Аргентины, — даже заняли высокие посты в полиции и спецслужбах Парагвая, Чили и других стран. Они обучали местных головорезов расправам над демократическими деятелями, пыткам и похищениям прогрессивных руководителей. Многие преступники до недавнего времени совершенно спокойно орудовали и на территории Аргентины». Местные наблюдатели полагают, что именно в Аргентине скрылись личный секретарь Гитлера Борман и шеф гестапо Мюллер...

Как же удавалось нацистским военным преступникам утаить свои «бандитские сокровища» и не только тайно переправлять их за океан, но и самим укрываться в заранее подготовленных надежных убежищах в далекой от Европы Латинской Америке?

Тщательно маскировали гитлеровцы следы своей подготовки к «прыжку через Атлантику» и послевоенной деятельности. И все же полностью скрыть им это не удалось. Один из главных подпольных маршрутов их бегства пролегал в послевоенные годы через бывшую «Альпийскую крепость», по территории Австрии. Здесь, в глухом уголке Мертвых гор, в районе озера Топлиц, фашисты устроили один из своих тайников.

На дне озера, прозванного местными жителями «Чертовым», в самом конце войны эсэсовцы затопили ящики с золотом, секретными документами из архивов нацистского Берлина, списками своей тайной агентуры и «доверенных лиц», которые и по сей день могут снимать с анонимных вкладов, открытых фашистской камарильей в швейцарских банках, огромные суммы на свои преступные дела. Вот почему за обладание «тайной озера Топлиц» не утихает «скрытая война», которую ведут темные личности разной масти — от международных авантюристов до бывших эсэсовцев и абверовских лазутчиков, от неонацистов до агентов империалистических разведок. Некоторые из них погибли при «до сих пор не выясненных до конца обстоятельствах» (как официально сообщали компетентные австрийские органы) в глубинах Топлицее и окрестных горах.

«Разгадкой» тайны эсэсовского подводного «сейфа», заложенного в районе бывшей секретной испытательной станции ВМС «третьего рейха», занимались и экспедиции австрийского министерства внутренних дел. Последний раз — осенью 1984 года. К чему привел их подводный поиск и что продолжает оставаться нераспознанным, рассказывает автор этого репортажа, которому — в бытность собственным корреспондентом «Правды» в Австрии — довелось выезжать на

озеро Топлиц и наблюдать за ходом одной из поисковых экспедиций.

СО ДНА «ЧЕРТОВА ОЗЕРА»

Сенсационной находкой аквалангистов и водолазов из группы подводного поиска на Топлицее осенью 1984 года стала... морская мина! Но не только эта «рогатая смерть» из арсенала фашистской испытательной станции угрожала экспедиции. Ведь в Топлицее конструкторы и инженеры нацистской Германии опробовали многие другие виды своего «секретного оружия». Какого? Об этом знал лишь самый узкий круг нацистских и эсэсовских «фюреров»...

«... — Если вы немедленно не прекратите поисковые работы, мы подведем провода к озеру, подключим к минам и взорвем всю вашу экспедицию».

Не припомнилась ли эта угроза кому-нибудь из австрийских военных, с берега следивших за извлечением мины? Ведь подобное уже прозвучало при аналогичной ситуации, правда, за двадцать лет до экспедиции МВД Австрии 1984 года...

Я отчетливо помню, с каким напряжением присутствовал на пресс-конференции в Бад-Аусзее (в нескольких километрах от Топлицее) австрийские и иностранные журналисты слушали сообщение представителя министерства внутренних дел Австрии, огласившего, как он тогда сказал, «только что полученное» таинственное письмо.

— Кем оно подписано? — спросили корреспонденты.

— Письмо анонимное, — услышали мы в ответ. — Подписано «Шпинне»...

...Значит, опять «Паук» — подпольная эсэсовская организация, мелькнула у меня мысль. Та самая, что сплела паутину своих нелегальных ячеек и тайных маршрутов для переправки золота, валюты и других награбленных во время войны ценностей за океан...

Кто-то из журналистов удивленно вскинул брови. На лица некоторых проскользнула скептическая усмешка («Не подобрал ли этот конверт какой-нибудь любитель розыгрыша?»). Большинство насторожилось. Буквально перед этим инженер-майор австрийской службы безопасности раскрыл нам кое-какие детали деятельности секретной станции ВМС. В ушах еще звучала его неоконченная фраза, которую столь внезапно прервал пресс-атташе.

— Не исключено, — говорил майор, — что, уничтожая следы своей станции, командование гитлеровских ВМС затопило в озере мины, торпеды и ракеты. Поэтому при проведении подводного поиска мы опасались взрыва...

— Если угроза «Паука» не блеф, — поделился со мной репортер одной венской либерально-буржуазной газеты, — то по меньшей мере наглое утверждение...

И вот — по прошествии стольких лет — из «Чертова озера» извлечено вещественное доказательство того, что Топлицее действительно оставалось «взрывоопасным»! Вряд ли кто из австрийских экспертов по разминированию рискнет утверждать, что притаившаяся в глубинах озера опасность окончательно обезврежена. Некоторые из западных летописцев послевоенной «охоты за нацистскими сокровищами» вообще считают эту задачу технически неосуществимой. В моем корреспондентском архиве сохранилась газетная вырезка со схематическим чертежом вертикального среза Топлицее. По мнению одного из таких скептиков, она иллюстрирует бесперспективность попыток проникнуть в сокровенную «тайну озера Топлиц».

На рисунке озеро — с «двойным дном»: первое — естественное, примерно на стометровой глубине; второе образовали падавшие с прибрежных скал стволы

сосен и елей. Они затонули где-то на глубине 50—70 метров и образовали, уверяла подпись к схеме, «непреодолимую преграду» на пути аквалангистов и водолазов...

«Об этом хорошо знали гитлеровцы,— комментировала рисунок газета.— И потому избрали именно «Чертовое озеро» — его «второе дно» для надежного захоронения своих ящиков...»

Вернемся, однако, на берег Топлиц, где в ноябре 1984 года австрийские власти торопились завершить доледостава и зимних снегопадов очередную поисковую экспедицию.

«...Вслед за колоссальной морской миной, поднятой на сушу, водолазам и аквалангистам австрийского министерства внутренних дел удалось извлечь 80 килограммов взрывчатого вещества — TNT, большое количество деталей ракетных двигателей и объект, способный к плаванию, цель применения которого специалистам еще предстоит установить...» — передавал из Вены корреспондент западногерманской газеты «Ди вельт».

Пролежавшее на дне Топлице почти сорок лет стальное чудовище оказалось в тот осенний день не единственной сенсационной находкой. Вот что сообщила 17 ноября 1984 года австрийская газета «Фольксштимме»: «Хотя и не легендарные «нацистские золотые сокровища», но тем не менее целую установку для запуска ракет, затопленную нацистами в конце второй мировой войны, извлекли водолазы из Топлицее». Для запуска ракет «в подводном положении», уточнил венский корреспондент «Ди вельт».

Была найдена и поднята на поверхность 3,5-метровая ракета «Фау» весом в одну тонну. «Обследован корпус ракеты удивило армейских минеров,— передавали из расположения экспедиции австрийские и иностранные корреспонденты.— Пролежав 40 лет на дне озера, ракета даже не имела следов ржавчины».

НОЧНАЯ ТРАГЕДИЯ

— Да, это мой сын...— сокрушенно вымолвил старик Эгнер, когда ему показали труп, поднятый со дна озера Топлиц.

Девятнадцатилетний Альфред Эгнер, профессиональный спортсмен-аквалангист из Мюнхена, погиб при довольно загадочных и до конца не раскрытых (по крайней мере официально) обстоятельствах. Его отец срочно прибыл в Бад-Аусзее из баварской столицы, как только ему сообщили об исчезновении сына один из участников нелегального подводного поиска на Топлицее.

Более трех недель тело аквалангиста пролежало на шестидесятиметровой глубине. Его исчезновение, поднятая отцом Эгнера тревога (приехав из Мюнхена, старик тут же поставил в известность о случившемся местную полицию) и побудили министерство внутренних дел Австрии к поиску западногерманского аквалангиста.

Случилось это осенью 1963 года. Район Топлицее был тогда оцеплен усиленными нарядами полевой жандармерии. Последний отрезок дороги из деревни Гессль к Топлицее перегородил шлагбаум. Он был заперт на замок.

Австрийским и иностранным журналистам, прибывшим сюда по специальному приглашению пресс-службы МВД Австрии в самый разгар экспедиции (но уже после того, как был найден труп мюнхенского аквалангиста), машины пришлось оставить возле небольшого гастхауза. Дальше мы двинулись к озеру пешком.

...В первую послевоенную зиму в озерном районе Мертвых гор появились два инженера из Линца — Людвиг Пихлер и Герман Майр. Прихватив с собой лыжи, брезентовую палатку, консервы, они — с неизвестной целью — предприняли восхождение на одну из вершин неподалеку от Альтаусзее и... бесследно исчезли в разыгравшемся снежном буряне.

Лишь спустя семь недель, в конце марта, горноспасатели натываются на кончики лыж, торчащих из снежных сугробов.

За годы работы в альпийской республике я убедился: нервы у австрийских горноспасателей крепкие, присутствие духа им не изменяет. Однако то, что открылось их глазам под разворванной ледяной коркой «снежной пещеры», заставило содрогнуться даже этих людей, привыкших к самым жутким картинам смерти людей под ударами снежных лавин...

Из протокола предварительного следствия, проведенного на месте происшествия подполковником жандармерии из Бад-Аусзее В. Тарром:

«На месте бивака царил страшный беспорядок. У обоих инженеров было еще достаточно продовольствия, и умерли они отнюдь не от голода. Майру кто-то вспорол живот, причем, видимо, маникюрными ножницами. Его сердце, легкие и другие внутренности были вырваны и закинуты в брюки, разорванный желудок и кишки брошены на плечи. Пихлер пытался, вероятно, руками разгresti снежное покрывало, поэтому все его пальцы были в ссадинах».

И по сей день никто не знает, что привело к ужасному финалу вылазку в горы австрийских инженеров.

Никто не дал объяснения и другому обстоятельству этой загадочной драмы в Мертвых горах: почему дальнейшее предварительное следствие дело так и не сдвинулось? Хотя некоторые западные журналисты, достаточно компетентные в расшифровке такого рода происшествий, обращают внимание на то, что «тело Майра было изувечено так, словно кто-то искал у него нечто такое, что он только что проглотил, например, какой-нибудь план...».

Утверждения жандармов, будто труп обглодали лисицы, окрестные жители восприняли скептически. Зато бесспорным оказался следующий факт: в фотографиях Майра и Пихлера жители деревень и Бад-Аусзее опознали инженеров, которые еще в 1942 году приезжали сюда по дороге на секретную испытательную станцию гитлеровских ВМС в районе Топлицее.

Вряд ли двое погибших из Линца собирались искать остатки затопленного оборудования этой станции. Быть может, их неудержимо притягивало содержимое других «тайников», заложенных в Мертвых горах эсэсовскими зондеркомандами?

...Как-то в местечке Гессль, что расположено между озерами Грундльзее и Топлицее, появились еще двое инженеров. Местным крестьянам оба представились «отпускниками из Гамбурга — Келлером и Геренсом». По их словам, в австрийский Зальцкаммергут они заглянули, чтобы «навестить старого фронтového товарища», обосновавшегося здесь после 1945 года.

Однажды утром оба совершили восхождение на гору Райхенштайн. Ее вершина в цепи Мертвых гор обычно не вызывает интереса у альпинистов. Но с нее отлично просматривается... озеро Топлиц!

Через несколько часов после «штурма» Райхенштайн в жандармском участке Грундльзее появился крайне измотанный и взволнованный Келлер. Из его рассказа следовало, что у самой вершины второй участник восхождения — Геренс «выскользнул из связки» и сорвался вниз... Обезображенный труп гамбургского инженера был найден в расщелине.

Информация для сопоставления и некоторых выводов: подобно двум погибшим австрийцам из Линца, западногерманские граждане Келлер и Геренс тоже были замечены местными жителями в годы войны и — какое совпадение! — опять по пути на ту же испытательную станцию фашистских ВМС. Геренс разбился насмерть четыре года спустя после гибели своих австрийских коллег по профессии, а в 1952 году выстрелы, прогремевшие в узком лесистом перешейке между деревней Гессль и озером Топлиц, подняли на ноги полицию и ее вооруженный наряд прочел местность. На берегу озера полицейские натываются на два уже остывших трупа. Кто стрелял? Никаких следов. Впрочем, кое-что удалось нащупать. Убитые были в прошлом «военнослужащими СС».

И снова Мертвые горы подтверждают свое мрачное название. 9 декабря 1955 года венская газета «Абэнд» поместила хронику еще одного происшествия, весьма похожего на преступление. «В начале августа (того же года.— В. М.) на горе Гамштелле, возвышающейся над озером Альтаусзее, был найден труп советника по вопросам строительства из Франкфурта-на-Майне инженера Майера. Он лежал под утесом высотой не более двух метров, а его голова находилась в протекающем там неглубоком ручье. Что это — убийство или несчастный случай?».

Судебно-медицинская экспертиза засвидетельствовала: Майер не утонул, в легких у него не было воды. Не было обнаружено и никаких повреждений на теле погибшего, за исключением раны на подбородке. А вот следы крови нашли не в неглубоком ручье, где он пролежал несколько часов, а на вершине утеса...

К этому месту вела лишь одна неприметная горная тропа, известная только дровосекам да охотникам. Это обстоятельство породило предположение: а не располагал ли инженер схемой местности и не были ли на ней нанесены ориентиры, ведущие к нацистским «тайникам»?

НА МЕСТЕ РОКОВОГО ПОГРУЖЕНИЯ

...Итак, буквально накануне нашей вылазки к Топлицее старик Эгнер — в присутствии австрийских следователей — опознал своего погибшего сына. И вот теперь в группе корреспондентов австрийской и иностранной прессы я направился к тому самому месту, где в ночь с 5 на 6 октября 1963 года группа западногерманских «охотников» за нацистскими сокровищами и секретными эсэсовскими документами рискнула заглянуть в ночной омут озера, поставив на карту жизнь молодого Эгнера. Их, разумеется, не остановила предупредительная надпись на столбе, водруженном полицией на берегу Топлиц, которая категорически запрещала погружение в воды озера...

Прежде чем мы углубились в лес, в конце луга у опушки темного ельника нам повстречалась одиночка, груженная сухим валежником.

Свесив обе ноги с телеги, пожилой крестьянин подстегивал вожжами лошадь. Она неторопливо тянула

телегу, и, когда поравнялась со мной, я узнал в сидевшем местного ландwirта — владельца небольшой усадьбы. Той самой, что размещалась на поддороге между деревней Гессль и озером Топлиц. Здесь Герман Штайнзеггер содержал гастхауз. Возле него я и оставил корреспондентскую машину. Неуютной, похожей скорее на заброшенный сарай, показалась мне эта одинокая харчевня, куда мы накануне заходили, чтобы выпить кружку яблочного сидра. Приторговывал откровенно хмурый, неразговорчивый ландwirt и шнапсом.

В извилинах штайнзеггерского мозга отпечаталось немало событий, связанных с озером Топлиц. Но о них он предпочитал помалкивать. И все же кое-что настырным австрийским журналистам удалось «выкорчевать» из этого «отшельника». Так за глаза называли старого ландwirта его более словоохотливые односельчане.

...В разгар войны — дело было в 1942 году — Штайнзеггера вызвали в гестапо. О чем там шел разговор — неизвестно. Но, возвратясь на свой хутор, крестьянин приказал семье держать язык за зубами: обо всем, что они увидят или услышат вблизи своего дома, в соседнем лесу, по дороге из Грундльзее к Топлицее и в Мертвых горах.

— Сболтнете лишнее,— предупредил он жену и детей,— пропали наши головы!

С тех пор, вспоминали его соседи из деревни Гессль, Штайнзеггер и стал мрачным, угрюмым, замкнутым. Самых же односельчан ландwirта отводил от хождения в лес, на перешеек, что пролегал между Грундльзее и Топлицее,— приказ гестапо. От него веяло могильным холодом: «За усадьбу Штайнзеггера проходить запрещается. В каждого, кто войдет в лес, будут стрелять без предупреждения...»

А вскоре крестьян по ночам стал будить рокот автомобилей, надрывные сирены и гудки военных грузовиков, властные окрики патрулей. Выглядывая из-за занавесок окон, они замечали, как в направлении Топлицее проходили тяжело груженные, крытые брезентом автомашины.

Время от времени из ущелья, стиснутого скалами Мертвых гор, до слуха жителей деревни Гессль долетали глухие звуки взрывов. Крестьяне догадывались: грозное эхо накатывалось со стороны озера Топлиц.

...Телега Штайнзеггера, покачиваясь на травяных кочках, миновала нашу группу и, оставляя свежую колею примятых стеблей, проехала под приподнятым шлагбаумом. Патрульные, оцепившие район Топлицее, беспрепятственно выпускали ландwirта за околицу его усадьбы, в глубь ущелья и на сам перешеек. Как мне рассказали знакомые австрийские журналисты, свободу передвижения в «запретной» зоне Штайнзеггер получил ценой нелегкого признания, нарушив тем самым «обет молчания».

ПРИЗНАНИЕ СВИДЕТЕЛЯ

— В одну из ночей между 29 апреля и 5 или 7 мая 1945 года меня разбудили эсэсовцы,— рассказал Штайнзеггер следственной комиссии МВД Австрии.— Мне приказали запречь лошадей в повозку и перевезти ящики из автофургонов, остановившихся у озера Грундль.

Перед самым домом Штайнзеггера уже стояли два грузовика с откинутыми бортами. Ландwirt подогнал свою упряжку прямо к кузовам автомашины. Эсэсовцы сразу же начали перегружать в телегу большие, тяжелые ящики.

— Всю ночь я возил эти ящики от Грундльзее к берегу Топлиц,— продолжал свою исповедь Штайнзеггер.— Ящиков было не менее шестидесяти, и мне пришлось совершить на своей фуре двенадцать поездок в оба конца.

— Я видел,— клятвенно заверил ландwirt,— как потом эсэсовцы перегрузили ящики в лодку, а затем сбросили их в озеро, метрах в ста от берега.

Показания Штайнзеггера совпали со свидетельством бывшего узника филиала концлагеря Маутхаузен в Эбензее английского военнопленного Патрика Лофтуса. Эсэсовцы использовали его вместе с двадцатью другими заключенными — англичанами и французами на подсобных работах в районе испытательной станции ВМС на озере Топлиц.

— Однажды,— поведал Лофтус корреспонденту итальянской газеты «Унита»,— мы увидели приближающиеся четыре грузовика. С них спрыгнули около двадцати эсэсовцев и начали сбрасывать в озеро какие-то металлические ящики. Солдаты работали почти молча. Но я услышал, как один из них сказал, что по приказу Гитлера все военнопленные, находящиеся в этом районе, должны быть расстреляны...

Узнику Маутхаузена, однако, удалось скрыться от эсэсовской охраны в сумятице последних дней войны. Рассказ Лофтуса дополнили свидетельские показания австрийца Виктора Гайсвинклера. В последнюю военную весну 1945 года он тоже оказался на озере Топлиц. Как ни вездесущи были «ухом и глазом» гестапо, от нацистских ищек все же ускользнуло одно важное обстоятельство его биографии. Гестапо, конечно, и не

подозревало, что в лице привлеченного к работе на секретной станции ВМС Гайсвинклера они имеют дело с... участником движения Сопротивления, заброшенным самолетом английской разведки в район Бад-Аусзее! Гитлеровцы настолько ему доверяли, что даже включили в команду, охранявшую испытательную станцию. Таким образом, однажды ночью Гайсвинклер стал свидетелем того, как военнопленные из Маутхаузена по приказу эсэсовцев сбросили в озеро 24 ящика.

Эта партия ящиков оказалась на вес легкой и трудной затопляемой. Поэтому эсэсовцы и пленные прикрепили к ящикам подобранные тут же, на берегу, тяжелые металлические канализационные трубы, обмотали их проволокой и только после этого отправили ящики на дно озера.

...Примерно минут 30—40, может быть, и меньше, наша корреспондентская группа гурьбой двигалась по лесному перешейку, отделявшему озеро Грундль от Топлицзее. Наконец мы добрались до прибрежной полосы Топлицзее и вышли к его уединенному ложу. Взору открылись неприступные скалистые берега. Черная, как в омуте, вода. У единственного толстого подхода к озеру, где мы столпились в ожидании дальнейших инструкций, из воды торчали полусгнившие коряги.

Мелькнула невеселая мысль: «Кажется, только злой умысел был способен заставить человека приблизиться к Топлицзее...»

В марте 1945 года в Мертвые горы проследовал первый автоконвой с грузом имперской службы безопасности, предназначенным для затопления в озере Топлиц. «...Особый интерес для подводного поиска представляет содержимое второго транспорта (о котором рассказал ландвирт Штайнэггер.— В. М.),— сообщил осенью 1963 года корреспонденту венской газеты «Нейес Эстеррейх» один бывший эсэсовец, занявшийся после войны коммерческой деятельностью в Гамбурге. Свидетель, однако, пожелал остаться инкогнито. Видимо, опасаясь мести со стороны нелегальных «стражей» секретов Топлицзее из эсэсовского подполья.— В ящиках, помимо важных документов и слитков золота, находятся до сих пор не потерявшие ценности патенты, а также документация о новом боевом веществе, разработанном в конце войны. Один из ящиков был маркирован специальными знаками и снабжен взрывным предохранительным устройством: в случае опасности содержимое этого ящика можно было уничтожить...»

КТО СРЕЗАЛ СИГНАЛЬНЫЙ ШНУР?

...Настал момент, когда неотлучный «гид» нашей пресс-группы, жадно и нетерпеливо поглядывавший на качавшиеся вдали от берега маркировочные буйи и причаленный неподалеку плот экспедиции австрийского МВД, пригласил журналистов следовать за ним.

Чтобы не поскользнуться на валунах, пришлось цепляться, обдирая ладони, за колючие ветви старых сосен и елей. Они пригнулись с выступов скал почти к самой воде. Наконец мы добрались до небольшого каменистого мыса, куда стальными тросами и нейлоновыми канатами были подтянуты плот и катера поисковой группы МВД Австрии.

Ступив на плот, я первым делом заглянул в будку, где среди серебристых ящиков с различными приборами, включая эхолот, мерцал экран телевизионного аппарата. Длинный кабель соединял его со специальным зондом. Оператор опускал зонд на заданную глубину. Так обеспечивался просмотр погруженных в воду предметов и самого дна озера.

Я взглянул на экран. На дне под плотом были отчетливо видны обломанные ветви деревьев, желтые, словно покрытые ржавчиной, листья. В озере давно убито все живое, и, как утверждают специалисты, никаких следов рыб или еще какой-нибудь пресноводной живности в его акватории обнаружить не удалось.

Выйдя из будки, я заметил опознавательный буй, сброшенный как раз над тем местом, где было обнаружено тело погибшего аквалангиста Эгнера.

Тут же, на плоту, один из руководителей поисковой группы рассказал, как был найден труп мюнхенского спортсмена-профессионала.

— ...Когда мы опустили зонд в том месте, где сейчас закреплен буй, на экране увидели свободно колеблющийся в толще воды конец нейлоновой веревки. Следуя за ней, телезонд нащупал в сгустившейся подводной темени очертания фигуры лежащего аквалангиста. Направили на него два мощных прожектора. Лучи осветили лицо утопленника. Затем на экране, чуть поодаль, показалась и глубоководная маска аквалангиста.

Что послужило непосредственной причиной смерти Альфреда Эгнера? На это и многое другое хотели получить ответ собравшиеся на плоту журналисты.

— Был ли конец сигнальной стометровой веревки, привязанной к руке Эгнера, перерезан или он «случайно» оборвался?

— Сорвал ли аквалангист дыхательную маску «в забыты», как считают местные специалисты, или это сделала чья-то преступная рука?

— Оказался ли мюнхенский аквалангист жертвой «несчастливого стечения обстоятельств» или же, как утверждал его отец и многие западные газеты, Эгнера «ликвидировали как нежелательного свидетеля»?

— Расшифровка этого «ребуса» не входит в нашу компетенцию, — уклонился от ответа руководитель экспедиции.

Конечно, кое-что существенное уже тогда могли бы прояснить соучастники Эгнера по нелегальному подводному поиску, предпринятому в ночь с 5 на 6 октября 1963 года. Однако бывший шпион нацистской военной разведки — абвера Георг Фрайбергер, который выдавал себя за «научного специалиста», и его компаньон Карл-Хайнц Шмидт, богатый владелец западногерманской фирмы, специализировавшейся на изготовлении «имперских золотых медалей», наотрез отказались прибыть в Австрию в качестве свидетелей. Хотя, заметим, австрийские власти гарантировали им полную неприкосновенность.

И все же некоторые важные моменты и обстоятельства драмы, разыгравшейся в ту осеннюю ночь на озере Топлиц, удалось выяснить. Частично — следственным органам. В еще большей степени — журналистам, настойчиво докапывавшимся до корней многих загадочных происшествий, случившихся после войны в Мертвых горах.

Два года спустя после гибели Эгнера обоим его напарникам по ночному автопробегу из Мюнхена к Топлице пришлось дать показания на суде в ФРГ.

Труп Альфреда Эгнера был обнаружен на глубине 69 метров. Мундштук шланга, по которому подавалась дыхательная смесь, свободно болтался в воде; свинцовый пояс, облегчающий погружение, расстегнут. Все уверены в том, что с Эгнером случился «глубинный обморок». Однако экспертиза, проведенная криминалистами, показала, что страховочная веревка не могла оборваться, она была аккуратно обрезана.

Вряд ли вожак группы Фрайбергер или его напарник Шмидт, предпринимая рискованную и без официального разрешения вылазку на Топлице, действовали наобум, рассчитывая лишь на случай и везение. Они определенно знали, что именно собираются искать на дне озера. Надо полагать, ориентирами для подводного поиска им служили не одни только противоречивые вырезки из газет. Об этом многозначительно намекают кое-какие вехи в биографии западногерманских «искателей кладов».

Карл-Хайнц Шмидт принадлежал в прошлом к элите террористического аппарата фашистского рейха — был оберштурмфюрером СС. Стало быть, входил в кадровый состав той зловещей организации, которой фюреры нацистской Германии и главари имперской службы безопасности доверили одну из сокровенных тайн рейха — организацию печатания в особо крупных размерах фальшивых английских фунтов стерлингов и американских долларов. Следы этой секретной акции СС («Операция Бернхард») вели к озеру Топлиц. Сам же бывший эсэсовец К.-Х. Шмидт, по свидетельству западных репортеров, питал непреодолимую слабость к противозаконным операциям на скользкой тропе обогащения любым путем...

Всего за несколько месяцев до гибели мюнхенского аквалангиста суд в Бонне привлек К.-Х. Шмидта к ответственности как фальшивомонетчика. Экс-эсэсовец попался на том, что под вывеской своей фирмы чеканил в собственной мастерской золотые монеты (без малого сто тысяч), взяв за образец монеты, имевшие хождение в кайзеровской Германии. Сбивал же свои «копии» банкам и частным лицам как якобы доставшиеся в наследство от бабушек и прадедушек, т. е. выдавал за настоящие...

В связи с происшествием на Топлице на определенные размышления и сопоставления наводят и некоторые эпизоды из биографии Фрайбергера. А именно те, которые связаны с его нелегальной деятельностью в нейтральной Швейцарии в годы второй мировой войны. Туда он был заброшен абвером для шпионско-диверсионных акций. 15 июня 1940 года гитлеровский лазутчик был арестован швейцарскими органами безопасности при попытке заложить «адскую машину» на одном военном аэродроме. Швейцарский суд приговорил провалившегося абверовца к смертной казни «за диверсию, которая создавала угрозу общественной безопасности». Правда, до исполнения столь же сурового, сколь и справедливого приговора дело не дошло. Швейцария в то время оказалась в кольце фашистских держав «оси Берлин — Рим», угрожавших вторжением и с территории аннексированной нацистской Германии и Австрии, и с оккупированной гитлеровским вермахтом части Франции. Швейцарским властям приходилось обращаться с пойманым диверсантом из нацистской военной разведки с оглядкой на «третий рейх». И смертная казнь была заменена Фрайбергеру... тюремным заключением. А в 1952 году тамошняя Фемида помиловала нацистского военного преступника и выводила его в ФРГ...

Короче: оказавшись на свободе, Фрайбергер основал западногерманско-испанское туристское бюро. Фирма преуспела, и разбогатевший делец, с опытом и связями кадрового нацистского шпиона, приобрел

себе виллу в испанской провинции Аликанте.

В среде такого калибра нуворишей, сменивших эсэсовский, гестаповский либо абверовский мундир на штатский костюм «делового бюргера ФРГ», подмечена одна привычка: приобретая недвижимость за пределами Западной Германии (в той же Швейцарии, Испании или за океаном, в какой-нибудь латиноамериканской стране), группироваться в обособленные «немецкие колонии», селиться в виллах и бунгало по соседству друг с другом.

Так вот, ближайшим соседом Фрайбергера в испанской провинции оказался бывший штандартенфюрер СС Дольман. Оказалось, что он служил в том же Главном имперском управлении безопасности нацистского рейха, что и абверовец Фрайбергер. Западные журналисты разведали: «испанский гранд» стопроцентного немецкого происхождения герр Дольман «знал озеро Топлиц как свои пять пальцев, поскольку в 1945 году, в последние дни войны, часто бывал там по долгу службы...»

Можно себе представить, о чем доверительно вели разговоры под небом Испании оба соседа, вспоминая за бокалом вина годы службы в РСХА и характер выполнения своего «долга» перед фюрером и рейхом. Ведь именно в конце войны тайна озера Топлиц незримо нитями оказалась связана с такими, как штандартенфюрер СС Дольман, доверенными агентами правителей гитлеровской Германии, которые занимались переправкой из рейха в Швейцарию награбленных ценностей и открытием анонимных счетов для фашистских бонз в цюрихских, женеvских и базельских банках...

УЛОВ ЭКСПЕДИЦИИ «ШТЕРНА»...

Прежде чем истек строго лимитированный срок нашего пребывания в зоне работы поисковой группы МВД Австрии, журналистам продемонстрировали чуть не весь ее технический арсенал и методы поиска в глубинах озера. Показали, как действует подводная телевизионная камера-«зонд». Вздывает фонтаны брызг, прыгали в воду с плота и катеров аквалангисты. Обратили наше внимание и на приборы, принимающие сигналы с эхолотов.

— Можете не сомневаться, — уверял нас венский пресс-атташе. — Сантиметр за сантиметром уже прощупано почти (!) все дно Топлице...

Какую, однако, площадь занимало это «почти», он не уточнил. Австрийские специалисты сетовали на немалые трудности, усложнявшие работу аквалангистов и водолазов: густой слой ила, дребри затонувших деревьев. Возможно, это было и так.

...Когда за нашей спиной снова замкнулась цепь сторожевого охранения полевой жандармерии и бундесхеера, экспедиция австрийского МВД возобновила подводный поиск.

Мы возвращались в Бад-Аусзее с двойственным чувством: то, что работы на озере Топлиц и в его глубинах велись во всеоружии самых последних технических средств, а не для отвода глаз общественности, обеспеченной целой чередой человеческих трагедий в Мертвых горах, не вызывало сомнений. Тревожило другое: все ли из того, что удалось аквалангистам, водолазам экспедиции нащупать в подводном нацистском «тайнике» и поднять на поверхность, стало достоянием гласности?

И для этого подозрения были основания. Еще летом 1959 года западногерманский либерально-буржуазный журнал «Штерн» организовал экспедицию на Топлице, завершившуюся двумя сенсациями: первая — изрядно переполошила влиятельных господ, которые предпочли бы навсегда запечатать уста «тайнам» озера в Мертвых горах; вторая — встревожила демократическую общественность Австрии и ФРГ и подкрепила не раз выраженное антифашистами беспокойство о реальности опасности, все еще таящейся для тех, кто рискнет по-настоящему докопаться до главного содержимого нацистских тайников в Топлице и других укромных уголках Альп, попытается сделать его достоянием широкой гласности.

Экспедиция «Штерна» была оснащена по тому времени достаточно хорошо. Высокочувствительные эхолоты, подводные телекамеры, специальное водолазное снаряжение позволили не тратить попусту опущенные дни и часы. И вот на поверхность специальным проволочным тралом из глубины Топлице поднят первый прогнивший ящик. Когда его осторожно вскрыли на берегу, в ящике оказались пачки банкнот на сумму 55 тысяч английских фунтов стерлингов. Дата выпуска фальшивок: 20 октября 1935 года, 7 марта 1936 года и 30 марта 1937 года.

10 августа водолазы поднимают со дна еще два ящика. Когда их вскрывают на берегу, все остолбеневает: ведь это же документы из берлинского штаб-квартиры СС — Главного имперского управления безопасности! Должно быть, находка на какое-то время ошеломила и представителей австрийских властей. Во всяком случае, журналисты из команды «Штерна» успели просмотреть документы еще до того, как, слухавшись, уполномоченные австрийского министерства

внутренних дел, осуществлявшие надзор за работами на Топлице, погрузили ящики в машины и отправили в Вену.

В 35-м номере за 1959 год «Штерн» рассказал о том, что спрятали гитлеровцы в одном из этих ящиков: «Подробные приказы агентам СС на голландском, норвежском, английском и немецком языках. Директивы по проведению диверсий, таких, как взрывы вражеских кораблей, аэродромов и других объектов, специальные удостоверения, дневники производства фальшивых денег, сотни секретных документов... данные о всех тех, кто в 1945 году надеялся скрыться и нырнуть в неизвестность». (Последнее в контексте нашего рассказа представляет особый интерес.)

Документальная информация РСХА об «ушедших на дно» гитлеровцах носила особо «взрывчатый характер» в политическом плане. Ведь если бы эта секретнейшая информация всплыла в печати, кто знает, не произошло ли бы разоблачение «лионского мясника» — гестаповца Барбье и многих других нацистских военных преступников, бежавших из тонущего рейха в ту же Латинскую Америку, на десятилетия раньше?

Но уже тогда, при первой беглой оценке поднятых из нацистского «тайника» документов, журналистам было видно, каков разоблачительный потенциал обнаруженных эсэсовских досье. В полной мере оценить его «взрывную силу» можно было лишь после тщательного изучения всего материала. А на это требовалось время...

Уже на следующий день, 11 августа 1959 года, газета «Дер нойе курир» сообщила: «Как теперь выясняется, этот материал намного важнее, чем казалось на первый взгляд. Поэтому предполагают, что в остальных восьми ящиках, которые еще покоятся на дне озера, могут находиться и другие секретные документы рейхсфюрера СС; возможно даже, весь его секретный архив. Подъем и этих восьми ящиков будет осуществлен немедленно, как и обследование dna озера в поисках других материалов».

До этого, к сожалению, дело не дошло. Сразу же после того, как машины австрийской службы безопасности доставили оба ящика в государственное хранилище в Вене, на имя руководителя экспедиции «Штерна» Леде поступила из ФРГ экстренная телеграмма. Она была подписана главным редактором Генри Наненом, выразившим мнение и издателя этого журнала, члена ХДС Герда Буцериуса. Текст ее звучал как приказ, подлежавший немедленному исполнению: «Считаю дальнейшее пребывание на озере Топлиц несовместимым с выполнением Вашего задания. Нанен».

Экспедиция была свернута в считанные часы. С поверхности озера убрали и опознавательные буи, под которыми так и остались покоиться на дне зафиксированные аквалангистами и водолазами из группы Леде ящики с архивами РСХА...

ВОПРОСЫ ОСТАЮТСЯ БЕЗ ОТВЕТА...

— Почему в августе 1959 года была внезапно прервана экспедиция «Штерна», едва из Топлице извлекли ящик, в котором оказались документы имперской службы безопасности гитлеровской Германии?

Вопрос, словно электрический разряд, расколол сизую от сигаретного дыма, напряженную атмосферу в главном зале «Курсалона» Бад-Аусзее, где власти проводили заключительную пресс-конференцию для журналистов, только что возвратившихся с озера Топлиц.

Полицай-директор Граца, отвечавший на вопросы австрийских и иностранных корреспондентов, сидел за круглым столиком, уставленным микрофонами, бок о бок с представителями МВД Австрии и не торопился с ответом. Он-то был хорошо осведомлен, что из представителей местной и мировой прессы действительно профессиональный журналист, а кто, не исключено, лишь пользовался пресс-карточкой для прикрытия профессии совсем иного профиля...

Явно выигрывая время, полицай-директор Граца медленно расстегнул молнию кожаной папки и достал из нее несколько листов бумаги, заполненной записями и испещренной колонками цифр.

— Действительно, — наконец-то начал он отвечать на вопрос, связанный с финалом экспедиции журнала «Штерн», — во время ее работы на дне озера Топлиц было обнаружено двадцать восемь объектов. Из них было поднято пятнадцать. Я могу вас заверить, дамы и господа, — обратился к нам полицай-директор, — что ящики под усиленной охраной были доставлены сперва в Грац, а оттуда в Вену. В этих ящиках были найдены... — полицай-директор надел очки, поднес поближе к глазам листки и начал перечислять: — бухгалтерские учетные книги, регистрировавшие количество изготовленных и вывезенных из концлагеря Заксенхаузен фальшивых денег, медные матрицы для изготовления знаков на служебной американской бу-

документов потребовала кропотливой работы. Ведь большей частью они были сильно разрушены, а на некоторых списках чернила так выцвели, что записи угадывались лишь с трудом...

Обратили журналисты внимание и вот на какую деталь. «Из надписи на упаковочной бумаге следовало, что 7 ноября 1975 года документ, обозначенный под № 9, изъят. А сколько было изъято еще? — резонно задают они вопрос. — Ясно одно: австрийские власти хотели и в дальнейшем оставить все без последствий: поднятые со дна озера документы пусть хранятся в подвале, а неподнятые — в озере...»

Отметим такой факт: компетентные австрийские органы уже не единожды «закрывали» дело о «нацистском кладе» (в Топлицее) — якобы за «разгадкой» всех его тайн — и вновь вынуждены были его «открывать». Последний раз — осенью 1984 года.

Почему? Одна из причин — непрекращающиеся вылазки в район Топлицее всякого рода «разведчиков» его флоры и фауны с официального согласия австрийских властей. Чаще же — нелегально и порой с трагическим исходом. Волей-неволей все это побуждает Вену снарядить повторные экспедиции министерства внутренних дел к озеру. Есть и другие причины. Но об их глубинных, а не официально провозглашаемых мотивах можно лишь догадываться...

В разгар экспедиции МВД Австрии осенью 1984 года венская печать опубликовала сообщение, которое сразу же привлекло внимание журналистов. В первую очередь тех, кто обосновался на «временную стоянку» близ Топлицее. Ведь они первыми брали под наблюдение все, что могло пролить свет на далеко еще не раскрытые загадки подводного «сейфа» СС.

Согласно этой информации в скалах Мертвых гор, уходящих в глубину озера как раз в секторе незадолго до этого обнаруженной «неизвестной груды металла», был найден ход (или пролом), который вел в целый лабиринт подземных бункеров! Как выяснилось, вход в этот тайник был завален рухнувшими при взрыве обломками скальных пород.

Не в этом ли искусственном «чреве горы» эсэсовцы захоронили свое награбленное золото и секретные документы?

Казалось, ответ «глухо простучал» (по выражению одного западного журналиста) в каменную стену завала. Пока что снаружи. Австрийская политическая полиция, утверждала венская газета «Курир», разыскала одного свидетеля, который после войны предпринял попытку проникнуть в это подземелье, причем через каменные завалы. Он уверял, будто в конце целой системы катакомб находится «пещера», сплошь заставленная ящиками...

Отнесли ли серьезно к этому показанию в полиции или просто взяли на заметку, мог показать дальнейший ход событий на Топлицее. Однако достоверно было установлено другое немаловажное обстоятельство. Оно имеет прямое отношение к рассказу упомянутого искателя нацистских «кладов».

В годы второй мировой войны гитлеровцы использовали в районе Топлицее — на подземных работах — узников концлагеря Маутхаузен. Они-то и пробили в окружающих озеро скалах штольни-ходы. Гестапо и СС стремились предельно засекретить этот объект. Входы в целую систему искусственных «пещер» были выдолблены ниже уровня поверхности озера. Но как? Ведь не под водой же орудовали кирками и ломом узники в полосатых робах...

Фронт работы для узников Маутхаузена гитлеровцы создавали, временно отводя часть воды из озера Топлиц и тем самым обнажая нужные участки скал. От «непосвященного взгляда» долбивших скалы «рабов» скрывали маскировочные сети.

Казалось, эсэсовцы надежно скрыли под водой следы подземного лабиринта. Не учли они лишь одного: регистрационных замеров уровня австрийских озер, систематически проводившихся соответствующими ведомствами. Так, уже после войны в архивах австрийского федерального ведомства, ведающего природными ресурсами страны, были обнаружены записи, документально подтвердившие: уровень воды в Топлицее понизился на полтора метра «по неизвестным причинам»...

Вообще следует отметить, что в этом районе «Альпийской крепости» гитлеровцами было заложено, помимо Топлицее, немало «тайников» в заброшенных горных выработках и штольнях. До поры до времени они оставались нераскрытыми.

...На одной из пресс-конференций в Грудльзее, созванной представителями министерства внутренних дел Австрии в разгар подводного поиска на Топлицее осенью 1963 года, внезапно подошел к микрофону пожилой господин, представившийся Гейнцем Ригелем. Назвал он и свою профессию: оптовый торговец фармацевтическими товарами. У него оказалось необычное «хобби»: почти все послевоенные годы он тщательно изучал все зарегистрированные в прессе происшествия на озере Топлиц и в Мертвых горах и предпринял, как выяснилось на пресс-конференции, личное расследование некоторых подозрительных случаев и фактов.

— В старой, давно заброшенной соляной шахте в Альтаусзее, — сообщил присутствовавшим журнали-

стам коммерсант, — находится более тысячи произведенных искусств, награбленных СС в Венгрии и вывезенных в Австрию при отступлении гитлеровских войск...

Заявление Ригеля произвело впечатление разорвавшейся бомбы! Упомянутый пресс-атташе довольно резко прервал Ригеля и сказал, что австрийским властям «все это известно и что картины хранятся в указанном месте только до тех пор, пока не будут возвращены Венгрии».

Правда, представителям МВД Австрии пришлось уступить настойчивым требованиям журналистов и согласиться провести «прессу» в соляную шахту.

...Заброшенная выработка находилась в глухом месте соседних гор. Кругом шумели сосны, тяжело качали густой хвоей высокие ели. Лесных великанов и карликов опутал сухой валежник. У подножия стволов гигантскими веерами зеленели заросли папоротника. Даже когда мы вплотную подошли к входу в шахту, его невозможно было заметить.

— Прошу, господа, следовать за мной, — приподняв нависавшие над головой ветви, произнес наш гид — один из чиновников министерства внутренних дел.

Нам не пришлось углубляться в шахту. Всего в нескольких метрах от входа в полумраке виднелись, должно быть, наспех сколоченные из необтесанной древесины стеллажи. На полках рядами стояли картины в рамах и без них. Пахло сыростью. Никакой вентиляции.

Я спросил: долго еще будут находиться в этом гибельном заточении картины, принадлежащие другой стране? «Пока не будет точно установлена их принадлежность конкретным владельцам. Переговоры о судьбе картин ведутся», — примерно такой услышал я ответ. (Эти произведения искусства были в конце концов возвращены законному владельцу — Венгрии.)

...Ледовый ланцир, сковавший озеро Топлиц в декабрьские морозы 1984 года, прервал не только экспедицию поисковой группы австрийского министерства внутренних дел и приданных ей аквалангистов бундсхейера. Ретировался из района Мертвых гор и гражданин ФРГ Г. Фрике, которого западная пресса представляла читателям в качестве «ученого, исследующего подводную фауну» озера Топлиц.

Обращала на себя внимание весьма дорогостоящая оснастка предпринятой им многомесячной экспедиции: в глубины Топлицее Г. Фрике погружался на подводной мини-лодке!

Что обнаружил на самом деле этот подозрительный «капитан Немо» во время подводного поиска, который, согласно официальной версии, Г. Фрике проводил от лица одного западногерманского научного общества, осталось неизвестным. Досаждавшим ему репортерам Г. Фрике доложил лишь одно: «...Я нашел в глубинах озера новый вид... червяка, живущего без кислорода».

Так это или не так, судить трудно. Хотя на глубине нескольких десятков метров, как установлено, озеро настолько засолено, что каких-либо следов живых организмов до этого обнаружено не было. Ряд журналистов, аккредитованных в Вене, высказывали, на мой взгляд, не лишнюю основания мысль о том, что «подобная естественная консервация послужила дополнительным стимулом для нацистов спрятать там свои тайны».

Если в версию о «находке червяка» мало кто из представителей прессы поверил, то вскрытые журналом «Баста» некоторые детали финансовой стороны экспедиции западногерманского ученого не могли не настораживать. Как сообщил журнал, каждый день работы Г. Фрике на озере обходился без малого в 30 тысяч шиллингов! А от упомянутого научного общества, которое якобы уполномочило своего соотечественника рыскать на подводной мини-лодке в глубинах Топлицее, сам Фрике не получил ни пфеннига...

Подозрение у свидетелей многомесячной работы в Мертвых горах упорно-любопытного ученого вызвало и другое. По ночам Фрике переправлял в ФРГ на автомобиле доверху нагруженный и крытый брезентом прицеп. Сам Фрике уверял, что он отвозил в Мюнхен пробы воды и фотоматериалы. Однако австрийская газета «Нойе кронен цайтунг» взяла и эту версию под сомнение. Можно предположить, писала она, что Фрике перевозил в ФРГ найденные им в глубинах озера секретные документы...

Эту догадку подкрепляло одно обстоятельство, выясненное журналом «Баста». Оказалось, что «охотник за червяком» в Топлицее поддерживает тесные контакты с западногерманской разведкой «Бундеснахрихтендинст» (БНД). А это детище бывшего гитлеровского генерала Гелена все послевоенные годы не выпускало из поля зрения Топлицее и окрестные горы Зальцкаммергута.

В перипетиях интригующих событий вокруг нацистского тайника на озере Топлиц еще не закрыта последняя страница. Представитель австрийского бундсхейера (армии) по связям с прессой В. Пухер заявил журналистам по окончании очередного «поискового сезона» в районе Топлицее осенью 1984 года о намерении водолазно-аквалангистского подразделения вести и дальше работы на этом горном озере. «Тайна озера, — сказал он, — приобретает все более загадочный характер». Но минувшие с тех пор четыре года, увы, не приблизили к ее окончательной разгадке.

**ЧИТАЙТЕ
В БЛИЖАЙШИХ
НОМЕРАХ:**

**Комсомол по стойке
«Смирно»!**

**Полемические заметки
о «строгом» парторге
и «тихом» комсорге.**

**Отечество.
Каменец-Подольский
вчера и сегодня.**

**Новая картина
Ильи Глазунова.**

**Наши публикации.
Владимир Набоков.**

**Что мы
не увидели
на конкурсе красоты?**

**«Кто ответит?»
Остросюжетная
повесть
Андрея Молчанова.**

**Уважаемые товарищи!
В течение года
вы можете выписать
журнал в любом
почтовом отделении,
в агентстве
«Союзпечати»
до 1-го числа
предподписного
месяца.
В розницу «Смена»
поступает
в ограниченном
количестве.**

КОНКУРС КРОССВОРДИСТОВ

Итоги первого задания

Изучая письма, полученные в ответ на первое задание конкурса кроссвордистов («Смена» № 2, 1988 г.), жюри было неприятно поражено невнимательностью многих его участников. Примерно в двух из каждых трех домашних работ обнаружены многочисленные отступления от условий конкурса, начиная с оформления и кончая загадыванием слов не в именительном, а в других падежах, а также слов, которые, по условиям, брать вообще нельзя.

Та же невнимательность резко снизила и результаты тех участников, которые хотя и сделали все правильно, но словом «первый» определяли не само загаданное понятие, а побочное. Скажем, загадана диорама, а определение к ней дано такое: вид живописи, впервые созданной Л. Дагером в 1822 году в Париже. То есть определяющее слово «первый» здесь относится не к диораме, а к ее создателю.

И все-таки участие в конкурсе, судя по письмам, для многих стало весьма полезным занятием. Приведем только одно письмо — И. Ситдиковой из Набережных Челнов: «Уважаемая редакция! Мне скоро исполнится 50, но, поверьте, первый раз в жизни я так увлеченно читала и перечитывала книги, учебники, энциклопедии. Сколько часов провела в читальном зале, где впервые, например, узнала, что К. Станиславский был не только великим актером, педагогом, но и продолжателем дела деда и прадеда — золотоканительного дела. Действительно, очень многое узнаешь впервые и вспоминаешь когда-то читанные материалы. Все эти дни я была и открывателем, и путешественником к знаниям. Спасибо вам за организацию подобных конкурсов».

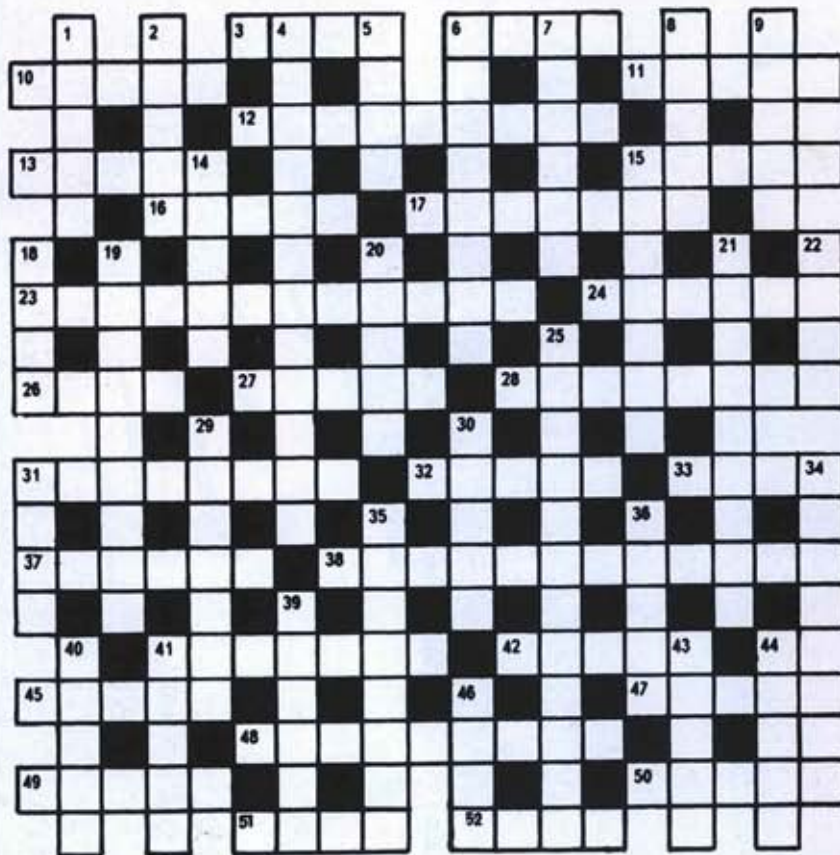
Внимательно рассмотрев работы, в которых не нарушены условия конкурса, жюри присудило первое место А. Кашенко, инженеру из Кишинева, набравшему 255 очков. Его кроссворд напечатан в этом номере. Победителями признаны также О. Конькин из Елабуги Татарской АССР, Л. Родионова из Свердловска, Э. Семенова из Казани, И. Сырова из Кургана, набравшие по 228—163 очка. Все эти читатели награждены книгами и дипломами «Смены»; им предоставлено право опубликовать в журнале вне очереди по одному обычному кроссворду, составленному по нашим правилам и с интересными определениями слов. Дипломами «Смены», кроме того, награждены И. Белоусова из Миасса Челябинской области, Р. Бикмурзин из Казани, И. Горелик из Ленинграда, А. Гречин из Минска, В. Киреев из Саранска.

Редакция от души поздравляет победителей и благодарит всех участников конкурса.

В будущем году мы планируем продолжить конкурс кроссвордистов. Ждем от вас писем с предложениями как по тематике, так и по условиям конкурса.

КРОССВОРД

Составил А. Кашенко, Кишинев

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

3. Первый по значимости жанр в творчестве П. Бажова. 6. Первый знак кода Морзе в передаче шестерки. 10. Первая встреча Анны Карениной с Алексеем Вронским (место). 11. Первый открытый на Солнце элемент. 12. Первая ... бадминтонистов пройдет этой осенью. 13. Первый танец Войска Запорожского. 15. Спортсмен, идущий первым в соревновании. 16. Первая по ядовитости змея в нашей стране. 17. Искатель «философского камня», первый «разработчик» спосов тепловой перегонки. 23. Глазное зеркало, которое первым применил Г. Гельмгольц. 24. Первый бой показали в Петербурге два приезжих англичанина (каждый участник). 26. Первый инертный газ, у которого открыли изотопы. 27. Первая по скорости полета на дальние расстояния птица. 28. Первая профессия актера Б. Щукина.

31. Первый космический пришелец, принесший нашим предкам железо. 32. Первый по величине дисперсии драгоценный камень. 33. Первая часть дня. 37. Первый металл, который стал использовать человек. 38. Первая прежде операция при обработке алмаза. 41. Первая фаза любви. 42. Первый широко известный живописный жанр на Руси. 45. Первые цветы (время года). 47. Первый момент соревнований на скорость. 48. Первый столичный ... появился на Шаболовке. 49. Первый в мире известный по имени ... — это Кореб. 50. Народ, начавший первым подковывать лошадей. 51. Первое звание в армии Чехословакии. 52. «Да ты посмотри, рожки какие!» — загорячился мужик, поднося желтый рог к носу великого комбинатора. — Рожки первый ...» (И. Ильф и Е. Петров).

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Первый персонаж, о котором идет речь в «Фаталисте» («Герой нашего времени»). 2. Первый журавль в стае. 4. Первый способ измерения тепла, придуманный англичанином Д. Блэком. 5. Первая в жизни М. Лермонтова ... прошла в Москве. 6. Первая из величин с дюжиной нулей. 7. Первое предприятие, на котором появился паровоз. 8. Первая профессия А. Конан-Дойля. 9. Первое место учебы автора «Евгения Онегина». 14. Первая шотландская пастушеская овчарка. 15. Первый строкоотливной агрегат. 18. Первый медный духовой инструмент. 19. Первая профессия С. П. Королева. 20. Первый по плотности металл. 21. Первая преподавательская должность в вузах. 22. Родственник, первым предложивший Карелу Чапеку назвать искусственных людей роботами. 25. Первое средство дальнего обнаружения.

29. Первая в руке человека часть разрубленного надвое древнерусского рубля. 30. Первая фигура, выбиваемая городошниками. 31. Смесь жиров, которая первая улучшила результаты лыжников в 1902 году. 34. Первый музыкальный наставник И. Баха, В. Моцарта, Л. Бетховена, Ф. Шуберта. 35. Первый (основной) синоним человека, часто меняющего мнения применительно к обстановке. 36. Первая часть зарплаты (бытовое название). 39. Первый образец будущего автомобиля (материал). 40. Первая роль А. Челлентано в кино (фильм «Сладкая жизнь»). 41. «Первый слог» в шараде Синицкого, режиссера И. Ильфа и Е. Петрова. 43. Первый в СССР ... железных дорог составил А. Ильин. 44. Первый по скорости стиль плавания. 46. В 1807 году «Клермонт» отправился в первый ... по реке Гудзон.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД. ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 15

По горизонтали:

3. Галле. 6. Одеон. 8. Трактат. 11. Дидро. 12. Карта. 13. Историк. 14. Рожок. 16. Есаул. 19. Спиридов. 22. Авангард. 25. Стог. 26. Поццо. 27. Норд. 28. Омофон. 29. Золотц. 30. Плод. 31. Ранец. 33. Вовк. 34. Прополиен. 37. Кикимора. 40. ...норов... 42. «Тимей». 43. Шеридан. 44. ...амбар... 45. Дивта. 46. Калибек. 49. Нагул. 50. Сталь.

По вертикали:

1. Лада. 2. Флот. 3. Гороскоп. 4. Лектор. 5. Енакиево. 7. Минор. 8. Триод. 9. Такса. 10. Струг. 14. Ригодон. 15. Житомир. 17. Антоним. 18. Лановой. 19. Столл. 20. Помор. 21. ...волан. 22. Ацтек. 23. Ротор. 24. Дрова. 31. Реверанс. 32. ...цитадель... 35. Поэма. 36. Лошак. 38. Киник. 39. «Мечта». 41. Чилига. 47. Латы. 48. Буль.

Пролетарии
всех стран,
соединяйтесь!

СМЕНА '88

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года.
Выходит два раза в месяц.

№ 16 (1470) АВГУСТ

Москва, издательство «Правда»

Главный редактор
Михаил КИЗИЛОВ

Редколлегия:

Сергей БАБКИН
(заместитель главного редактора)
Борис ДАНОШЕВСКИЙ
(заместитель главного редактора)
Александр КУЛЕШОВ
Андрей КУЧЕРОВ
Альберт ЛИХАНОВ
Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ
Сергей ПОПОВ
(ответственный секретарь)
Юрий РАГОЗИН
Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
Евгений РЯБЧИКОВ
Вадим САУШЕВ
Виталий СЕВАСТЬЯНОВ
Владислав СЕРИКОВ
Виталий ФЕДОРОВ
(главный художник)

Художник
Владимир ЗАЙЦЕВ
Технический редактор
Марина БАЙКОВА

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14

212-15-07 — для справок, Отделы:
212-21-59 — рабочей молодежи и науки,
212-21-38 — коммунистического воспитания,
212-23-79 — фотоочерка,
212-21-38 — военно-спортивный,
251-32-84 — международной жизни,
251-04-10 — литературы и искусства,
212-11-27 — писем и массовой работы.

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Рукописи объемом
более одного авторского листа
(24 машинописные страницы)
редакцией не рассматриваются.

Издательство «Правда».
«Смена», 1988 г.

Сдано в набор 04.07.88.
Подписано к печати 15.07.88.
А 01847. Формат 70 × 108/16.
Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60.
Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 21,7.
Тираж 2 025 000 экз.
Заказ № 2729.
Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137,
улица «Правды», 24.

Фото Валерия КАМЫШКО

Цена номера 35 коп.
Индекс 70820.

СМЕНА 89

Каким будет наш журнал в новом году? Как и прежде — разноплановым. Кем бы вы ни работали, где бы вы ни учились, сколько бы вам ни было лет — вы всегда найдете материал, интересный именно вам. Но журнал наш — молодежный. И поэтому правдивый, непредвзятый рассказ о жизни и проблемах молодежи, защита ее прав, поиск лидеров, в которых так нуждается перестройка, поддержка всего нового, что рождается в комсомольских организациях страны, острые суждения экономистов и философов, писателей и журналистов — все это найдет отражение на страницах «Смены».

Мы готовы спорить. Если вы считаете, что с вами поступили несправедливо, пишите нам. Если у вас есть фантастическая идея — поделитесь с редакцией. В каждом номере журнала мы будем публиковать

подборки самых интересных и острых писем.

У вас есть вопросы к людям известным и популярным? Вы можете задать их и получить ответы с помощью «Смены».

Жилищная проблема. Жизнь молодой семьи. Сексуальное воспитание. Взаимоотношения отцов и детей. Большой спорт и спорт семейный. Судебные очерки. Музыка во всех ее проявлениях. Острюжетные повести. Стихи известных и только входящих в литературу талантливых молодых авторов... Все это вы можете прочесть, если выпишете наш журнал в 1989 году!

Подписка на «Смену» проводится без ограничений, однако в розницу журнал поступает в ограниченном количестве. Стоимость годовой подписки — 8 руб. 40 коп., полугодовой — 4 руб. 20 коп.